

Ученые записки

**ВОПРОСЫ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 212

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1974

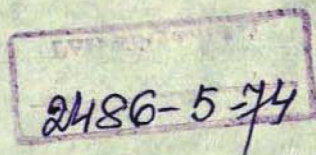
ДК 460001

В настоящий сборник ученых записок включены научно-исследовательские работы членов кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, выполненные в 1973 и 1974 годах. В сборнике наряду с общетеоретическими проблемами борьбы с преступностью рассматриваются также вопросы совершенствования и применения отдельных институтов уголовного и уголовно-процессуального законодательства, некоторые дискуссионные вопросы криминологии и криминалистики.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов и студентов старших курсов, а также практических работников интересующихся проблемными вопросами теории советского уголовного права, уголовного процесса, криминологии и криминалистики.

© Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. П.Стучки, 1974 г.

В I-10-2-102 У 309-74
М 812(II)-74

ВРЕМЯ И МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯI. Постановка вопроса

Вопрос о наличии или отсутствии взаимосвязи между определением времени и места совершения преступления в советской уголовно-правовой доктрине не ставился и не решался, хотя он представляет теоретический и практический интерес.

Речь идет, по существу, о том, должен ли вопрос об определении времени и места совершения преступления решаться единообразно, т.е. следует ли при решении этого вопроса пользоваться одним и тем же критерием, должна ли совпадать исходная позиция при определении времени совершения преступления и при определении его места.

Положительный ответ на поставленный вопрос потребовал бы установления этой единой исходной позиции или единого критерия. Отрицательный же ответ потребует обоснования различных исходных позиций или самостоятельных критериев для определения времени и для определения места совершения преступления.

Решение этого вопроса с позиции законов формальной логики приводит к признанию наличия наитеснейшей связи и взаимозависимости между определением времени и места совершения преступления. На вопросы — когда и где совершено преступление с позиции формальной логики может быть дан только однозначный ответ: для так называемых формальных составов преступлений — тогда и там, когда и где совершено само преступное деяние, осуществлено действие или допущено бездействие; для так называемых материальных составов преступлений с отдаленным во времени и в пространстве ре-

зультатом /дистанционных преступлений/ - тогда и там, когда и где совершено само преступное деяние /имело место действие или бездействие/ или тогда и там, когда и где наступили предусмотренные законом общественно опасные последствия.

В этом последнем случае один из двух вариантов ответа зависит от того, что соответствующий автор считает решающим для определения времени и места совершения преступления - само действие / бездействие / или его результат, но в обоих случаях дается одинаковый ответ для определения как времени, так и места совершения преступления.

Так, некоторые буржуазные ученые начала XX столетия, в особенности немецкие ученые Герланд¹ и Франк², исходя из законов формальной логики, считали недопустимым различное определение места и времени совершения преступления. Они усматривали в этих определениях такую взаимосвязь, что исключали не только возможность иного решения вопроса, но даже саму постановку вопроса о возможности иного решения. В основе суждений этих авторов было положение о том, что одно и то же преступное деяние, совершенное в определенное время в одном месте, не может быть совершено в это же самое время в другом месте, как не может одно и то же деяние, совершенное в определенное время в одном месте, быть совершено в другое время в другом месте. Поэтому они приходили к выводу, что определение времени и определение места совершения преступления должны совпадать.

¹ См. Gerland. Kritische Bemerkungen zum Allgemeinen Teil des Strafgesetzentwurfs 1919. Berlin, 1921, S. 6.

² См. Frank R. Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. 18. Auflage. 1931, § 3, Anm. IV.

Если рассматривать преступное деяние как изолированное, наделенное определенными признаками телодвижение, вне связи с теми социальными изменениями, которые вызывает это телодвижение во внешнем мире, то такой вывод не вызывает возражений.

Однако этот вывод о единстве критерия при определении времени и места совершения преступления ничего не дает теории уголовного права и практике, потому что формальная логика не охватывает и не исчерпывает всего процесса познания действительности.

Для формальной логики, опирающейся на законы тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания, характерно рассмотрение явлений действительности изолированно друг от друга, рассмотрение их в состоянии покоя, неподвижности, устранение всех противоречий, которые могут возникнуть в наших суждениях и умозаключениях о явлениях действительности.¹

"Логика формальная... писал В.И. Ленин, берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим... Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше".²

Вопрос о взаимосвязи и взаимозависимости в определении времени и места совершения преступления может быть решен только с позиций законов диалектической логики, марксистской диалектики. На высших ступенях познания, когда мысль человека направлена на познание действительности во всем многообразии ее явлений, во всей сложности и противоречивости ее развития, на познание ее закономерностей, "на обнаружение связей и взаимозависимости явлений, предметов,

¹ См. Строгович М.С. Логика. М., 1949, с. 66

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 289, 290.

событий формальной логики недостаточно, здесь применяется диалектическая логика, материалистическая диалектика".¹

В.И. Ленин указывал, что для того, чтобы действительно познать явление, "надо охватить, изучить все его стороны, все связи и "опосредствования",... связь его с окружающим миром."² В.И. Ленин подчеркивал также, что в определении явления должна войти вся человеческая практика и как критерий истины и как практический определитель связи явлений с тем, что нужно человеку, ибо диалектическая логика учит, что "абстрактной истины нет, истина всегда конкретна".³

Определение времени и места совершения преступления не является самоцелью; оно служит другим целям. Однако цели определения времени и места совершения преступления не совпадают. Каждое из этих определений выполняет свою особую служебную роль, поэтому они влекут различные юридические последствия.

Определение времени совершения преступления необходимо: во-первых, для установления действия уголовного закона во времени; во-вторых, для установления противоправности общественно опасного деяния; в-третьих, для установления времени возникновения уголовного правоотношения; в-четвертых, для установления наличия предпосылок уголовной ответственности - вменяемости и достижения лицом предусмотренного законом возраста, необходимого для признания его субъектом преступления; в-пятых, для установления давности уголовной ответственности.

Определение места совершения преступления необходимо: во-первых, для установления пределов действия уголовного закона в пространстве; во-вторых, для установления территориальной подсудности.

¹ Строгович М.С. Цит. раб., с. 68.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 42, с. 280.

³ Там же.

Цели, которым служит определение времени и определение места совершения преступления, свидетельствуют о том, что эти определения связаны с различными институтами уголовного права, а потому неизбежны различные исходные позиции их правового регулирования, хотя в конечном счете, оба определения должны служить единой общей задаче - всемерной охране советского общественного и государственного строя и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств на основе неизбежного соблюдения принципа социалистической законности.

Дальнейшей нашей задачей является определение понятия времени совершения преступления и понятия места совершения преступления.

2. Время совершения преступления

1. В советской уголовно-правовой литературе вопрос о времени совершения преступления рассматривается главным образом в связи с установлением пределов действия уголовного закона во времени.¹

Это и понятно, потому что без четкого определения времени совершения преступления невозможно установить, какой из двух или нескольких уголовных законов должен быть применен к лицу, виновному в совершении преступления, т.е. невозможно выполнить предписание статьи 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, требующей определять преступность и наказуемость деяния по закону, действовавшему во время совершения этого деяния.

¹ См. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с. 260-265; Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967, с. 133-137; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. I. Д., 1968, с. 106-107; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. I. Уголовный закон. М., 1970, с. 231-233; Влум М.И., Тилле А.А. Обратная сила закона. М., 1969, с. 35-48; M. Blüma. Mācība par padomju kримināllikumu. Rīga, 1972, 145-155. lpp.

В советской уголовно-правовой доктрине по этому вопросу высказывались различные точки зрения. Особую значимость приобретает решение этого вопроса для так называемых материальных составов преступлений с отдаленным во времени результатом / дистанционных преступлений /, когда само преступное деяние /действие или бездействие/ совершается во время действия старого уголовного закона, а последствия этого деяния наступают во время действия нового уголовного закона. Если этот последний закон для совершившего преступление лица более благоприятный, то применяется этот более мягкий закон в силу его обратимости /ч. II ст. 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик/. Если же новый закон более строгий и потому не имеет обратной силы, должен быть решен вопрос, может ли этот новый закон применяться на основании ч. I ст. 6 Основ уголовного законодательства, т.е. может ли быть время наступления общественно опасного последствия признано временем совершения преступления и, таким образом, новый уголовный закон - "действовавшим во время совершения" преступного деяния.

Я.М.Брайнин полагает, что в принципе должен применяться закон, действовавший в момент совершения преступного действия или бездействия, однако он допускает исключения для случаев, "когда виновный сохраняет господство над развитием событий и может предотвратить наступление вредных последствий".^I

Н.Д.Дурманов считает, что последствие преступления "есть воплощение действия /или бездействия/ в объективном мире, конечный результат его развития. Наступление результата при материальных составах обязательный и очень

^I Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение, с. 135-136.

важный признак объективной стороны".¹ Поэтому в принципе должен применяться новый, хотя и более суровый закон, если последствия, образующие признак состава преступления, наступили при действии этого нового закона. "Лишь в тех случаях, когда лицо при небрежных деяниях не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и потому лишено было возможности их предотвратить до вступления в силу нового закона, а также когда предотвращение последствий до введения в действие нового закона было объективно невозможно, ... следует определять ответственность по ранее действовавшему менее суровому закону."²

Большинство советских ученых в настоящее время считает временем совершения преступления время осуществления самого преступного деяния / время совершения определенного, запрещенного законом действия, или время, установленное для выполнения определенной обязанности /, независимо от того, когда наступил предусмотренный законом преступный результат.³

Авторы комментария к уголовному кодексу РСФСР утверждают, что "деяние, необходимым элементом которого является наступление определенного предусмотренного законом материального вреда /последствия/, совершается во время причинения такого рода вреда объекту посягательства. В момент окончания причинения такого вреда прекращается и совершение преступления. Так, убийство совершено во время причинения потерпевшему смертельного / повлекшего смерть /

¹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон, с.262.

² Там же.

³ См. Блум М.И. Вопросы действия советского уголовного закона во времени. "Ученые записки Латвийского гос. ун-та", т.44, вып.4, 1962, с.14-20; Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1965, с.64; Блум М.И., Тилле А.А. Указ. оп., с.35-48.
Курс советского уголовного права. Часть общая. Т.1. Д.1968, с.106-107; Комментарий к УК БССР. Минск, 1971, с.15.

ранения. В момент окончания причинения такого ранения прекращается и совершение преступления, хотя бы смерть потерпевшего наступила позже.¹

Таково же мнение ученых зарубежных социалистических,² а также капиталистических государств.³

Определение времени совершения преступления необходимо для применения уголовного закона также к другим категориям преступлений /кроме материальных дистанционных/, которые совершаются в течение более или менее длительного отрезка времени: для длящихся и продолжаемых преступлений, для преступлений, объективная сторона которых складывается из двух или более действий или состав которых предусматривает альтернативное совершение нескольких преступных деяний. Для всех этих преступлений временем их совершения следует считать момент окончания преступного деяния, т.е. момент окончания преступного действия или последнего из ряда действий, образующих объективную сторону конкретного преступления, или момент прекращения преступного бездействия, последний момент, когда виновный должен был и мог совершить предусмотренное законом действие.⁴

Это же положение должно относиться к определению времени совершения преступления отдельными соучастниками. Время совершения преступления соучастниками следует определить, исходя из времени выполнения ими определенных действий, направленных на осуществление общего преступного замысла. Иными словами, временем совершения преступления для каждого из

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 15-16.

² См. Ненов И. Наказательно право на Народна Република България. Обща част. София. 1972, с. 117; Andrejew I. Polskie prawo karne. Warszawa. 1971, s. 60-61.

³ См. Новиковский Ф. Австрийское уголовное право. В сб.: Современное зарубежное уголовное право. Т. III. М., 1961, с. 600; Хонкасало Б. Финское уголовное право. - В сб.: Современное зарубежное уголовное право. Т. II. М., 1958, с. 51.

⁴ См. Блум М. И., Тилле А. А. Указ. раб., с. 145-155.

соучастников считается то время, в которое он совершил /не совершил/ действие, способствующее исполнителю в осуществлении преступного замысла. Поэтому время совершения преступления для отдельных соучастников единого преступления может быть различным, и не исключено применение к ним различных законов.¹

Это мнение отстаивается многими авторами.² В то же время высказывается и иная точка зрения, согласно которой временем совершения преступления для организатора, подстрекателя и пособника является время совершения преступления исполнителем.³

Если согласиться с этой последней точкой зрения и признать, что временем совершения преступления для каждого соучастника является время совершения преступления исполнителем, хотя деяния ими фактически совершались в другое время, во время действия других уголовных законов, то вполне возможны случаи привлечения к уголовной ответственности за деяния, которые в период их совершения не были уголовно наказуемыми.

Это соображение относится также к материальным составам преступлений с отдаленными во времени последствиями, если временем совершения преступления признать время наступления преступных последствий, а не время совершения самого общественно опасного действия или бездействия.

Последовательное отстаивание положения о том, что временем совершения преступления является время наступления последствий преступного деяния или - для соучастников - вре-

¹ См. подробнее Блум М.И., цит. раб., с.19.

² См. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с.16; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960. Л., 1962, с.116.

³ См. Дурменов Н.Д. Указ. раб. 1967, с.163.

мя осуществления преступного замысла исполнителем, может привести к выводам, находящимся в противоречии с законными формальной логики, в том числе к признанию, что преступление совершено лицом после его смерти, если последняя наступила после совершения преступного деяния, но до наступления общественно опасных последствий.

2. Не менее важным является вопрос об определении времени совершения преступления для установления уголовной противоправности. В статье 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние /действий или бездействие/, т.е. общественно опасное действие или бездействие, которое запрещено уголовным законом в момент совершения этого действия или в момент несовершения определенных действий. Статья 3 Основ уголовного законодательства основанием уголовной ответственности и наказания также считает умышленное или неосторожное совершение общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Совершенно бесспорно, что законодатель имел в виду признание деяния уголовно наказуемым до его совершения.¹

Если во время совершения общественно опасного деяния /действия или бездействия/ за него не грозило наказание, оно не может быть признано преступным даже в том случае, если во время наступления последствий вступил в силу новый закон, который признал это действие уголовно наказуемым.

В советской уголовно-правовой литературе неоднократно подчеркивалось чрезвычайное значение признака уголовной противоправности, в котором находит непосредственную реализацию один из важнейших принципов советского уголовного

¹ Аналогичную точку зрения высказал Брайнин Я.М. (Указ. раб., с. 140).

права - принцип социалистической законности.¹ К сожалению, вопрос об установлении уголовной противоправности деяния не связывается с определением времени совершения преступления, хотя установление противоправности конкретного деяния немислимо в отрыве от определения времени его совершения.

3. Проблема определения времени совершения преступления в теории советского уголовного права не нашла должного освещения и в связи с учением об уголовном правоотношении, хотя, не установив критерий для определения времени совершения преступления, невозможно установить момент возникновения уголовных правоотношений.

Как известно, в советской юридической литературе самостоятельность уголовно - правовых отношений общеп. изъята. За последнее время этой проблеме посвящено много работ, которые достаточно четко решили многие ранее спорные вопросы о субъектах уголовных правоотношений, о юридическом факте, определяющем возникновение уголовного правоотношения.²

¹ См. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969, с.106-107.

² См. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961, с.215-216; Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965, с.17; Смирнов В.Г. Правоотношение в уголовном праве. - "Правоведение", 1961, № 3, с.92; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963, с.22 и сл.; Пионтковский А.А. Правоотношение в уголовном праве. - "Правоведение", 1962, № 2, с.93; Ривлин А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях. - "Правоведение", 1959, № 2, с.107-109; Загородников Н.И. Содержание уголовно-правовых отношений. - "Советское государство и право", 1963, № II, с.86; Огурцов Н.А. Развитие учения о правоотношении в советском уголовном праве. - "Труды высшей следственной школы МВД СССР". Волгоград, 1970, с.3-26; Огурцов Н.А. Понятие, сущность, воспитательно-превентивные цели наказания и правоотношения в советском уголовном праве. - "Труды высшей следственной школы МВД СССР". Волгоград, 1973, с.26-46.

В уголовно-правовой литературе говорится даже о моменте совершения преступления как о моменте возникновения уголовного правоотношения. Однако никем из ученых, занимающихся этой проблемой, не раскрывается понятие "момента совершения преступления" в плане определения времени совершения преступления. Таким образом, по существу не дается ответ на вопрос о том, с какого момента следует считать юридический факт, определяющий возникновение уголовного правоотношения, имевшим место; иными словами, не дается ответ на вопрос, с какого момента государство выступает как носитель права применить наказание и как носитель обязанности ограничить применение наказания пределами, установленными в законе, и с какого момента гражданин обязан подчиниться этой мере наказания и приобретает право требовать, чтобы наказание не превышало установленного в законе предела.

Мы полагаем, что таким моментом может быть только время совершения самого преступного деяния, т.е. время совершения определенного действия или невыполнения определенной обязанности, ибо в них воплощается преступная воля лица, с одной стороны, и нарушается установленный государством порядок, с другой стороны. Признание временем совершения преступления времени наступления последствий ущемило бы право государства своевременно применять наказание и отрицательно сказалось бы в свою очередь на своевременности возникновения уголовно-процессуальных отношений.

4. Особое значение имеет определение времени совершения общественно опасного деяния для установления способности лица, совершившего это деяние, быть субъектом преступления. Субъектом преступления является только вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста, начиная с которого оно может быть привлечено к уголовной ответственности.

В статье II Основ уголовного законодательства, как и в соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик, сказано, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находи-

лось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния.

Необходимо установить, что же законодатель имел в виду в данном случае под временем совершения общественно опасного деяния. От ответа на этот вопрос зависит ограничение случаев совершения общественно опасного деяния невменяемым, которое не может быть признано виновным деянием, хотя и противоправно, и потому не может влечь наказание / в силу того, что поступки такого лица детерминируются его болезнью /, от случаев совершения общественно опасного деяния вменяемым лицом, которое заболело душевной болезнью, лишившей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, только после совершения этого деяния, но до наступления общественно опасных последствий. В этом последнем случае лицо виновно в совершении предусмотренного законом преступления, а потому по выздоровлении оно может подлежать наказанию. Таким образом, в первом случае речь идет об общественно опасном деянии, но не преступлении, ввиду отсутствия вины; во втором случае - о преступном деянии.

В этой связи должен быть со всей определенностью дан ответ на вопрос, к каким из этих двух категорий деяний должны быть отнесены случаи совершения общественно опасного деяния вменяемым лицом, заболевшим душевной болезнью после совершения самого общественно опасного деяния, но до наступления общественно опасного последствия, и, наоборот, случаи совершения общественно опасного деяния невменяемым лицом, выздоровевшим до наступления общественно опасных последствий.

В первом случае к моменту наступления общественно опасного последствия лицо было лишено возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими ввиду душевного

2486-574

заболевания; во втором случае к моменту наступления общественно опасного последствия лицо отдавало себе отчет в своих действиях и было способно руководить своими действиями ввиду выздоровления.

Мы полагаем, что ответ может быть только один - вменяемость или невменяемость лица к моменту наступления общественно опасных последствий не влияет на признание или непризнание деяния преступным и наказуемым, поэтому, в первом случае лицо должно быть признано совершившим преступное деяние, ибо к моменту совершения общественно опасного деяния было вменяемым, а во втором случае - лицо не может быть признано совершившим преступное деяние, ибо в момент совершения общественно опасного деяния оно было невменяемым.

Иными словами, временем совершения общественно опасного деяния для определения вменяемости или невменяемости лица является только время совершения общественно опасного действия /бездействия/, что, как мы полагаем, вытекает из самого текста статьи 11 Основ уголовного законодательства.

Значительно сложнее ответить на вопрос об определении времени совершения общественно опасного деяния в связи с необходимостью установить вменяемость или невменяемость лица в момент совершения этого деяния, если речь идет о продолжаемом или длящемся преступлении, о преступлении, объективная сторона которого характеризуется двумя действиями или альтернативой нескольких общественно опасных деяний.

В период совершения таких общественно опасных деяний, в особенности, если они имеют место в течение более длительного отрезка времени, возможны случаи, когда лицо часть общественно опасных действий совершало, будучи здоровым, и потому не было никаких препятствий для сознания общественно опасного характера своих действий и руководства своим поведением, другую же часть упомянутых действий лицо совершило уже после психического заболевания, лишившего воз-

возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.

Им полагаем, что в этом случае только часть совершенных лицом общественно опасных действий может быть признана преступлением / естественно, при наличии всех необходимых признаков состава преступления/.

Временем совершения преступления в этом случае может быть признан тот последний отрезок времени, который предшествовал заболеванию лица, / что практически означает день, предшествующий дню заболевания лица/.

Если же лицо совершило часть общественно опасных деяний в состоянии невменяемости, но после выздоровления продолжает совершать предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, то временем совершения преступления следует признать последний этап преступного поведения - время совершения последнего из общественно опасных действий /бездействия/.

5. Судебная практика достаточно часто встречается с необходимостью устанавливать возраст несовершеннолетнего правонарушителя для того, чтобы решить вопрос, может ли он быть признан субъектом преступления, т.е. достиг ли он требуемого законом возраста к моменту совершения общественно опасного деяния. В статье 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик указано, что уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать, а для определенной категории преступлений - четырнадцать лет. Опять встает вопрос о времени совершения преступления. Для всех преступлений, совершенных в течение одних суток, этот вопрос никаких трудностей не может вызвать: необходимо, чтобы в предшествующие дню совершения преступления сутки лицо достигло требуемого законом возраста.

Трудности возникают при решении этого вопроса для тех категорий преступлений, которые совершаются в более и менее длительный отрезок времени. Это уже неоднократно упоминавшиеся в данной работе преступления с отдаленным во времени результатом, продолжаемые и длящиеся преступления, преступления, для которых законодатель предусмотрел альтернативно или в обязательном порядке совершение нескольких общественно опасных действий; это, наконец, совершаемые несовершеннолетними преступления в соучастии, когда каждый из соучастников действует в различное время.

Во всех этих случаях несовершеннолетний, не достигший требуемого законом возраста для признания его субъектом преступления к моменту осуществления им преступного действия, может достигнуть этого возраста к моменту наступления общественно опасных последствий / при совершении дистанционного преступления/; он может достигнуть требуемого возраста в процессе осуществления длящегося или продолжаемого преступления, в период осуществления определенной части преступных действий, если закон предусматривает совершение нескольких деяний или целую систему преступного поведения. Так, например, несовершеннолетний, который приобрел и хранил огнестрельное оружие с четырнадцатилетнего возраста, продолжает хранить это оружие и после достижения им шестнадцатилетнего возраста; или же, несовершеннолетний укрывал похищенную машину, приобретенную в результате совершенного убийства шофера, когда ему было всего пятнадцать лет, но продолжал ее укрывать и после достижения им шестнадцатилетнего возраста; или, несовершеннолетний с тринадцатилетнего возраста начал совершение единого продолжаемого хищения путем тайного похищения государственного имущества, но продолжал осуществление этого же хищения и после достижения им четырнадцатилетнего возраста; или, несовершеннолетний в пятнадцатилетнем возрасте начал скупать различные товары с целью перепродажи, которую осуществил

уже после достижения им шестнадцатилетнего возраста. Наконец, возможны случаи, когда несовершеннолетний подстрекатель, пособник и организатор во время совершения ими общественно опасных деяний, направленных на содействие исполнителю в реализации им общего преступного замысла, не достигли требуемого законом возраста, достижение которого является предпосылкой уголовной ответственности, но они достигают этого возраста к моменту совершения исполнителем уголовно наказуемого деяния.

Среди всех этих случаев следует выделить два - совершение несовершеннолетним дистанционного преступления с отдаленным во времени результатом и совершение им преступления в соучастии, если к моменту совершения ими общественно опасных деяний /действия или бездействия/ они не достигли требуемого законом возраста, но достигли этого возраста к моменту наступления последствий / в первом случае / или к моменту осуществления состава преступления исполнителем /во втором случае/. В этих случаях упомянутые несовершеннолетние не могут быть привлечены к уголовной ответственности, потому что к моменту совершения ими общественно опасных деяний они не являлись субъектами преступлений, а только этот момент должен быть принят во внимание при определении времени совершения преступления.

Во всех прочих случаях временем совершения преступления является, как уже было сказано, время совершения последнего из преступных действий, или время, которое было предусмотрено для совершения последнего действия, а потому несовершеннолетний, который к этому времени достиг требуемого законом возраста, может быть привлечен к уголовной ответственности. В этих случаях ему, конечно, не может быть вменена та часть общественно опасных деяний, которая была совершена до достижения им предусмотренного законом возраста.

6. Большое практическое значение имеет определение времени совершения преступления для института давности привле-

чения к уголовной ответственности. В статье 41 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик сказано, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со дня совершения им преступления истекли установленные в этих статьях сроки.

Таким образом, исчисление сроков давности установлено со дня совершения преступления. Для правильного исчисления сроков давности необходимо выяснить, что понимается в этом случае законодателем под днем совершения преступления.

Вопрос об исчислении сроков давности при совершении дящихся и продолжаемых преступлений решен постановлением Пленума Верховного Суда Союза ССР от 4 марта 1929 года с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 14 марта 1963 года "Об условиях применения давности и амнистии к дящимся и продолжаемым преступлениям".¹ В этом постановлении сказано, что срок давности в отношении дящихся преступлений исчисляется со времени их прекращения по воле или вопреки воле виновного, т.е. с того дня, в течение которого в последний раз в деянии виновного имелась совокупность всех признаков состава преступления. Срок давности в отношении продолжаемых преступлений исчисляется с момента совершения последнего преступного деяния из числа составляющих продолжаемое преступление.

В уголовных кодексах некоторых зарубежных социалистических государств вопрос о начале течения давностных сроков решен самим законодателем. Так, в части 3 § 82 УК

¹ См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1970. М., 1970, с. 323.

ГДР 1968 года сказано, что исчисление давности начинается с того дня, когда преступное деяние было окончено. В ст. 80 УК НРБ 1968 года сказано, что течение давности уголовного преследования начинается для длящихся и продолженных преступлений по их прекращении.

Многие уголовные кодексы зарубежных социалистических государств регламентируют и во всех прочих случаях вопрос о начале течения давностных сроков, иными словами, сам законодатель определяет, что следует принимать под временем совершения преступления или моментом окончания преступления при исчислении давностных сроков. Так, например, в § 3 ст. 105 УК НРГ 1969 года установлено, что если доведение преступления до конца зависит от наступления последствий, то время совершения преступления определяется моментом наступления последствия. В § 32 УК ВНР 1961 года сказано, что течение давности начинается со дня, когда закончено деяние лица; если однако, последствие наступило не в тот же день, а позже, то со дня наступления этого последствия. В случае совершения преступления, выражающегося исключительным неисполнением обязанности, течение давности начинается с последнего дня, когда данное лицо смогло бы еще исполнить свою обязанность без последствий, предусмотренных уголовным законом.

Советский законодатель не определил, что следует принимать под временем совершения преступления для исчисления давностных сроков. Пленум Верховного Суда Союза ССР общего определения времени совершения преступления для исчисления сроков давности тоже не дал. В советской теории уголовного права этот вопрос решается различно. Господствующей является точка зрения, согласно которой временем совершения преступления при исчислении сроков давности является время совершения общественно опасного действия /без-

действия/, а не время наступления последствий.¹

В то же время защищается и противоположная точка зрения.²

Мы полагаем, что днем совершения преступления, определяющим начало течения сроков давности, для преступлений с отдаленным во времени результатом, также как и для любого преступления, состав которого исчерпывается только совершением определенного деяния, является день окончания самого общественно опасного деяния / действия или бездействия/, независимо от того, когда наступил преступный результат. Сама сущность института давности уголовной ответственности заключается в том, что лицо, которое после совершения преступления в течение определенного времени не совершало новых преступлений, не может быть признано общественно опасным, нуждающимся в применении к нему мер принуждения, исправления и перевоспитания. Гарантией правильности оценки опасности такого лица являются достаточно продолжительные сроки давности, в

¹ См. Блум М.И. Указ. раб., с. 14-19; Мшвениерадзе П. Институт давности в советском уголовном праве. Тбилиси. 1970, с. 102-103; Смольников В.Е. Давность в теории советского уголовного права, законодательстве и практике его применения. Автореф. диссерт. М., 1969, с. 12-13; Смольников В.Е. Давность в уголовном праве. М., 1973, с. 42-43; Комментарий к уголовному кодексу РСФСР 1960 года. Л., 1962, с. 115-116; Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, с. 118; Уголовный кодекс Эстонской ССР. Комментированное издание. Таллин. 1968, с. 141; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР М., 1971, с. 123-124; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2. Л., 1970, с. 392-393.

² См. Уголовное право. Часть общая. М., 1966, с. 405; Дурманов Н.Д. Освобождение от наказания по советскому праву. М., 1957, с. 29; Хан-Магомедов Д.О. Освобождение от наказания по советскому праву. Высшая школа МВД СССР. М., 1964, с. 6.

течение которых проверяется поведение лица, подвластное его воле. Последствия, причинно связанные с ранее совершенным общественно опасным деянием, не являются показателем поведения лица в период течения сроков давности.¹ Время наступления последствий может быть случайным и ни о чем не свидетельствует в плане характеристики личности виновного. После совершения общественно опасного деяния субъект преступления в большинстве случаев уже не может выскататься в развитие причинной связи, ибо он не властен над посл. дующим объективным развитием событий.²

Для преступлений, объективная сторона состава которых предусматривает два или более действий, течение сроков давности исчисляется с того дня, когда было окончено совершение последнего из этих действий. Этот день и должен быть признан днем совершения преступления.

Известный интерес представляет установление времени совершения преступления в плане исчисления сроков давности для преступлений, совершенных в соучастии, когда совершенные различными соучастниками общественно опасные деяния не совпадают по времени, т.е. когда время совершения преступления исполнителем не совпадает со временем совершения преступных деяний организатором, подстрекателем и пособником. Мы полагаем, что для исчисления сроков давности уголовной ответственности каждого из соучастников временем совершения ими преступления является время окончания им самим общественно опасного деяния, обусловленного совместным преступным замыслом, т.е. тот день, когда конкретный соучастник сам совершил преступное деяние, а не

¹ См. подробнее о сущности института давности уголовной ответственности в работе. Смольников В.Е. Давность в теории Советского уголовного права законодательстве и практике его применения. Автореф. диссер. М., 1969, с. 6-10; Мшвениерадзе П. Указ. раб., с. 65-76.

² См. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 16.

день, когда исполнитель осуществил состав преступления.¹ Однако по этому вопросу имеется и противоположная точка зрения.² Отличаясь от предыдущих точку зрения высказал В.Е. Смольников по вопросу установления времени со-
вершения преступления подстрекателем. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности подстре-
кателя, по его мнению, должно вестись с того дня, когда исполнитель дал согласие на совершение преступления, так как в "этот момент преступная деятельность подстрекате-
ля оканчивается".³ Эта точка зрения вызывает сомнение. Может получиться, что исполнитель добровольно откажется от совершения преступления, тогда подстрекателю пришлось бы отвечать за приготовление к преступлению. Если согласи-
ться с позицией В.Е. Смольникова, то пришлось бы при-
знать, что приготовительные действия также совершены в день получения согласия от исполнителя совершить преступ-
ление. Однако в этот день подстрекатель никаких общест-
венно опасных деяний не совершал, в том числе, и приго-
товительных действий. Кроме всего, во многих случаях ус-
тановление того дня, когда исполнитель согласился на со-
вершение преступления, может быть сопряжено с известными трудностями, потому что для наличия случая не требуется выразить согласие в определенной форме. Решимость со-
вершить преступление может созреть у исполнителя посте-
пенно.

Таким образом, мы полагаем, что во всех случаях вре-
менем совершения преступления, дающим право для начала исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответ-
ственности, является тот день, когда субъект преступления

1 См. также Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года. Л., 1962, с. 116; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 16; Курс советского уголов-
ного права. Часть общая. Т. 2. Л., 1970, с. 393-394; Швей-
ниерадзе П. Указ. раб., с. 112.

2 См. Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический
Комментарий. Киев. I: 69, с. 128.

3 Смольников В.Е. Давность в теории советского уголовного
права, законодательстве и практике его применения. М.,
1969, с. 13.

или соучастник полностью окончил совершение преступного деяния, независимо от того, когда наступило последствие этого деяния или когда остальные соучастники /в том числе и исполнитель/ совершили преступные деяния.

х х
х

Рассмотрев институты уголовного права, для которых определение времени совершения преступления имеет существенное значение, мы приходим к выводу, что во всех рассмотренных нами случаях время совершения преступления следует определять, исходя из времени совершения самого деяния /действия или бездействия/. Однако, это не единственное из возможных решений этого вопроса, в особенности, для установления времени совершения преступления при исчислении сроков давности. Поэтому мы считаем, что определение времени совершения преступления следовало бы регламентировать в законодательном порядке, тем более, что от определения времени совершения преступления зависит решение многих весьма важных вопросов применения уголовного закона и уголовной ответственности. Законодателю следовало бы дать определение времени совершения преступления для всех случаев установления преступности и наказуемости деяния в главе, посвященной пределам действия советского уголовного закона; кроме того, в статье, посвященной давности уголовной ответственности, должна содержаться норма об определении времени совершения преступления для исчисления сроков давности. Только в этом случае может быть достигнуто единообразное применение уголовного закона и обеспечено соблюдение требований социалистической законности.

Именно так поступил законодатель Польской Народной Республики, который в § I ст.4 УК 1969 года установил,

что следует понимать под временем совершения преступления, а в § 3 ст. 105 определил время совершения преступления для исчисления сроков давности.¹

8. Место совершения преступления

1. Определение места совершения преступления в материальном уголовном праве необходимо для установления действия национального уголовного закона в пространстве.

Каждое государство устанавливает пределы действия своего уголовного закона в целях наилучшего обеспечения охраны его общественного и государственного строя, а также установленного в этом государстве правопорядка от преступных посягательств. Любое государство, в первую очередь, распространяет действие своего уголовного закона на всех лиц, совершивших преступления в пределах территории данного государства, т.е. в соответствии с территориальным принципом действия уголовного закона в пространстве. Кроме того, государства распространяют действие своего уголовного закона на определенные категории лиц, совершивших преступления вне пределов территории данного государства, но находящихся на его территории. Пределы экстерриториального действия уголовного закона в пространстве государствами устанавливаются различно, т.е. используются положения различных принципов. В соответствии с принципом гражданства /национального, активного персонального/ уголовные законы данного государства распространяются на своих граждан, совершивших преступления за границей; в соответствии с требованиями реального принципа /принципа защиты государственных интересов/ и пассивного персонального принципа /принципа защиты интересов своих граждан/ действие национального уголовного закона распрост-

¹ С решением этого вопроса по существу в § 3 ст. 105 УК ПНР мы не согласны.

реляется на иностранцев и лиц без гражданства, совершивших преступления за границей, но посягающих на интересы данного государства или его граждан. Положения универсального принципа дают возможность применять национальный уголовный закон к любому лицу, посягающему на установленный правопорядок в любом государстве в соответствии с международными соглашениями о борьбе с определенными категориями преступлений. На основании принципа представительной компетенции допускается применение национального закона к находящимся в данной стране иностранцам, совершившим преступления вне пределов данной страны, не причинившим вреда ее интересам и интересам ее граждан, если эти лица не выдаются иностранному государству, в котором совершено преступление, или гражданами которого они являются.

Не все государства предусмотрели положения каждого из упомянутых принципов. Но, даже закрепив положения того или другого принципа в уголовном или уголовно-процессуальном кодексах, государства в своем законодательстве различно определили круг лиц и деяний, на которые распространяется национальный уголовный закон, установили различные требования и условия для применения национального уголовного закона. Таким образом, экстерриториальное действие национального уголовного закона различно, но оно в значительной мере отличается от территориального действия уголовного закона, поэтому для каждого государства весьма существенным является определение места совершения преступления в плане установления территориального или экстерриториального действия национального уголовного закона.

Необходимость в определении места совершения преступления появилась еще в древние века, в особенности в средневековье. Поэтому попытки обосновать ~~то или иное оп~~ иное оп-

ределение места совершения преступления сделаны уже в доктрине и практике итальянского средневековья.

Учеными этого периода /сначала Бартолом и Бальдом, а затем Кларом и Фаринацием/ ставился и решался вопрос о том, что является решающим для определения места совершения преступления — действие или бездействие / *inchoatio* / или последствие / *consumatio* /. Итальянская практика одно время определяла место совершения преступления, под влиянием Бартола и Бальда, исходя из последствий деяния, но учитывала не место наступления конечного результата, а место воздействия на потерпевшего. Так, при убийстве, если использовалось огнестрельное оружие, местом совершения преступления считалось то место, где было причинено само ранение, даже если смерть наступила в другом месте. Однако, вскоре практические соображения привели к признанию местом совершения преступления как место действия, так и место наступления последствий. К такому выводу пришли Клар и Фаринации. Их взгляды оказали влияние на решение этого вопроса во всей Европе, вплоть до начала ХУШ столетия.¹

В конце ХУШ и в начале ХІХ в.в. в Европе утвердилось мнение о том, что местом совершения преступления следует считать то место, где находится совершающий преступление в момент его совершения, т.е. преступление подпадает под действие закона того государства, где совершается само действие.

Хотя во второй половине ХІХ века отстаивались различные точки зрения, однако господствующей все же оставалась теория осуществления преступного деяния / *Ausführungstätigkeitstheorie* / или теория местонахождения прест.ника во время совершения преступления / *Aufenthaltstheorie* /. Представителями этой теории были в то время видные немецкие криминали-

¹ См. Kitzinger. Ort und Zeit der Handlung. Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts. Allgemeiner Teil. Bd. I. Berlin. 1908, S. 141.

ты /Гельшнер, Меркель, Роланд, Биркмейер, Франк, Белинг и др./¹, как и значительная часть австрийских ученых /Фингер, Уллманн, Янка и др./²

В конце XIX века многие итальянские и голландские ученые защищали эту точку зрения.

В защиту так называемой "теории действия" приводились различные доводы. Утверждалось, что действие или бездействие составляют самую существенную часть преступления, что волей преступника охватывается противоправность самого деяния, в то время как наступление последствий часто зависит от случая. Утверждалось, что в деянии /действии и бездействии/ объединяются два момента - осуществление воли и ею обусловленный результат. Многие авторы, защищавшие эту точку зрения, утверждали, что только там нарушается установленный государственной властью порядок, где совершается само действие, что только деятельность лица имеет значение для установления виновности, последствие же имеет значение только для установления объема вреда.

В защиту положений этой теории приводились и другие соображения, в том числе и международно-правовое признание территориального принципа, согласно которому только нахождение на территории государства в момент совершения преступного деяния обосновывает ответственность по законам этого государства.

Ф. Китцингер, работы которого по этому вопросу оказали большое влияние на теорию уголовного права Западной Европы в первые десятилетия XX века, пришел к выводу, что деяние

¹ См. Hälschner, Das gemeine deutsche Strafrecht. Bd. I, 1881, S. 152; Merkel, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1889, S. 276; Rohland, Das internationale Strafrecht, Bd. I, 1877, S. 28; Birkmeyer, Deutsches Strafprozessrecht, 1898, S. 188; Frank, Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich. 7. Aufl., 1907, § 3, IV; Beling, Die Lehre vom Verbrechen, 1906, S. 242.

² С. Finger, Lehrbuch des österreichischen Strafrechts. B. I. 2. Auflage, 1902; Ullmann, Lehrbuch des österreichischen Strafprozessrechts. 2. Auflage. 1882; Janka, Das österreichische Strafrecht. 4. Auflage. 1902.

является единственным существенным элементом состава преступления, основным ядром, которое определяет остальные элементы состава преступления; деяние больше всего связано с виновной волей деятеля. Признание местом совершения преступления места осуществления самого деяния, по его мнению, покоится на факте пребывания субъекта преступления на определенной территории и на обязательной силе закона для каждого лица, находящегося на этой территории.¹

Основные доводы противников теории действия сводились главным образом к тому, что внутригосударственные блага остаются без уголовно-правовой защиты от посягательств на них извне. Теория действия не дает возможности рассматривать как совершенные в пределах территории государства те преступления, которые, будучи совершенными вне пределов территории государства, влекут общественно опасные последствия на ее территории.

Эти недостатки теории действия, в частности ее ограниченность, привели к тому, что многие ученые в различных государствах признали необходимым расширить понятие самого действия. Эта тенденция в особенности характерна для Германии до первой мировой войны. Поэтому в Германии появились так называемые "теория длинной или удлиненной руки" /*Theorie der langen oder verlängerten Hand*/ и "теория промежуточного воздействия" /*Theorie der Zwischenwirkung oder Zwischenwirkungstheorie*/.

Обе эти теории развивались и отставались различными авторами независимо одна от другой, но в большинстве слу-

¹ См. Kitzinger. Указ. соч., с. 171-180. Под влиянием Ф. Китцингера Ф. Лист отказался даже от ранее защищаемого им взгляда, что решающим является место наступления последствий, и признал решающим для определения места совершения преступления место осуществления преступной воли /*Liszt, Lehrbuch des deutschen Strafrechts*. Berlin-Leipzig, 1921, S. 138/.

чаев объединялись, и на их основании делался вывод о том, что местом совершения преступления является как то место, где виновный совершил само действие по осуществлению преступного замысла, так и то, где приведенные им в движение силы воздействовали на желаемый объект, вызвав промежуточный результат / *Zwischenwirkung* /, хотя и не привели к наступлению окончательного последствия, предусмотренного составом преступления.

Так, при убийстве путем выстрела соприкосновение пули с телом потерпевшего, его ранение рассматривалось как промежуточное воздействие или как достижение промежуточного результата.

Местом совершения преступления представители упомянутых теорий считали как то место, где виновный находился в момент выстрела, так и то место, где пуля настигла потерпевшего.¹

В Англии вопросы места совершения преступления решались /и по сей день решаются/ различно - в зависимости от категории преступлений. В отношении убийства поддерживается мнение о том, что преступление совершено там, где смертельный удар или выстрел непосредственно воздействовал на жертву, где они достигли непосредственного эффекта / *where actually takes effect* /. В этом случае используется фикция присутствия виновного в том месте, где причинено первое ранение, которое не совпадает с местом, где наступили последствия, предусмотренные составом преступления.

Распространенная в английском праве теория конструктивного присутствия / *constructive presence* / во многом соответствует теории длинной руки.²

¹ См. Kitzinger. Указ. соч. с. 146, 147; Bergmann. *Der Begehungsort im internationalen Strafrecht Deutschlands, Englands und der Vereinigten Staaten von Amerika*. Berlin, 1966, S. 30-32.

² См. Bergmann. Указ. соч. с. 80-86.

Эти теории имели последователей в Австрии, Голландии и других государствах.

Однако и теории промежуточного воздействия вызвали существенные возражения; их представителей упрекали в непоследовательности выводов. Указывалось, во-первых, на то, что приведенные виновным в действие силы продолжают действовать и после соприкосновения с объектом, уже внутри объекта, пока не достигают окончательного результата; во-вторых, указывалось также на то, что путем использования чисто фиктивной конструкции расширяется понятие личной деятельности виновного.

Пытаясь преодолеть непоследовательность этой теории, некоторые авторы пришли к выводу, что, наряду с местом совершения действия, местом совершения преступления должно быть признано и место наступления последствий, точнее, любое место, где осуществлялся состав преступления.

Преступление, в соответствии с этой точкой зрения, признается совершенным везде, где имел место хотя бы один из элементов преступления. Следует отметить, что эта, так называемая смешанная теория или теория повсеместности стала господствующей уже к началу XX века. В поиске решения вопроса о месте совершения преступления в первые десятилетия XX века к ней пришли почти одновременно ученые многих государств.

Ее отстаивали некоторые дореволюционные русские ученые.¹ Еще раньше эту теорию защищала французско-бельгийская доктрина конца XIX и начала XX в.в. По мнению представителей этой доктрины, каждый существенный элемент преступления *élément constitutif* / должен быть признан

¹ См. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб. 1913, с. 345, 346.

равнозначным и в одинаковой мере решающим при определении места совершения преступления и территориальной подсудности. Поэтому и место наступления последствий причисляется к месту совершения преступления.¹

Смешанная теория имела большое количество приверженцев в Германии², Австрии³, Италии⁴ и Голландии⁵.

Приверженцы этой теории обосновывали ее необходимостью защиты государственных интересов. Она освобождала также, по их мнению, от трудностей при решении вопроса, какое место должно быть признано местом совершения преступления. Защитники смешанной теории считали необоснованным оказание предпочтения какому-нибудь одному месту, если фактически преступление частично осуществлялось в различных местах. Они полагали, что поскольку все элементы преступления необходимы и равнозначны, ни одному не

¹ G. Garraud. *Traité théorique et pratique du Droit Pénal Franç.* Paris. 1913, p. 364, 365.

² C. Binding, *Grundriss des deutschen Strafrechts. Allg. Teil.* 1907, S. 82; Lilienthal. *Der Ort der begangenen Handlung im Strafrecht.* In den Festgaben der Universität Marburg für Wetzell. 1890, S. 253; Kries, *Lehrbuch des deutschen Strafprozessrechts.* Freiburg, 1892, S. 167; Hegler, *Prinzipien des internationalen Strafrechts.* Breslau, 1906, S. 47.

³ C. Lammasch. *Auslieferungspflicht und Asylrecht.* 1887, 67-69.

⁴ C. Belegotti. *Nozioni elementari di diritto penale internazionale.* 1897, p. 68.

⁵ C. Hamel van. *Inleiding to de studie van het Nederlandsche Strafrecht.* B. I. 1889, S. 206.

может быть отдано предпочтение, так как ни один из элементов преступления сам по себе не имеет преимуществ, пока таковые не установлены законодателем.

Приверженцев смешанной теории упрекали, главным образом, в том, что определение места совершения преступления ими ставится в зависимость от случая /имелась в виду случайность места наступления последствий/.

Этого упрека пытались избежать некоторые ученые, отстаивавшие ее положения, утверждая, что место наступления последствий только в тех случаях должно быть признано местом совершения преступления, когда их наступление в этом месте соответствовало воле виновного.¹

Хотя смешанная теория в XX веке была господствующей в большинстве государств, некоторые ученые продолжали защищать положение о том, что только последний акт преступного деяния является определяющим для установления места совершения преступления. Отдельные ученые в этот же период в России и Западной Европе отстаивали мнение о том, что место наступления последствий, входящих в состав преступления, является решающим для установления места совершения преступления.²

В русской дореволюционной литературе эту точку зрения последовательно отстаивал Н.С. Таганцев.³

¹ См. Berner. Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, Leipzig, 1874, S. 255.

² См. Wolfson. Eenige Beschouwingen over der Verjaring in het Strafrecht. 1890, S. 81.

³ См. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб. 1902, с. 307.

Многие ученые пришли к выводу, что проблему определения места совершения преступления невозможно разрешить в теории единообразно, что она логически не разрешима, а потому требовали решения этого вопроса в самом законодательстве.

В настоящее время, после споров и дискуссий, длившихся столетиями /со времен итальянского средневековья до настоящего времени/, вопрос о месте совершения преступления в большинстве государств / в зарубежных социалистических и капиталистических/ решен самим законодателем, регламентирован в уголовном или уголовно-процессуальном кодексах. В этих государствах он потерял свою остроту, хотя все еще не снят с повестки дня.

Мы изложили различные точки зрения по вопросу об определении места совершения преступления в зарубежной уголовно-правовой литературе и русской дореволюционной литературе в XIX и XX в.в. потому, что эти теории отстаиваются и обосновываются за рубежом по сей день и находят отражение в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, в статье 9 Датского уголовного кодекса 1930 года говорится, что местом совершения преступления считается место, в котором наступили или должны были наступить последствия уголовно-наказуемого действия, если наказуемость действия и степень ее зависит от действительного или предполагаемого наступления этих последствий, то есть если в этом случае предусмотрено усиление наказания. I

I См. Датский уголовный кодекс 1930 года.
Рукопись. Перевод с французского текста
М. В. Красильникова, Ленинград, 1938.

С таким решением вопроса согласен Ф. Маркус, поддерживающий теорию последствий.¹ Эту теорию защищают и некоторые другие ученые буржуазных государств. Так, Б. Хонкасало также считает, что вопрос о месте совершения преступления должен быть решен в зависимости от того, где наступили последствия, принадлежащие к составу соответствующего преступного деяния.²

В настоящее время некоторыми учеными защищается и теория промежуточного воздействия. До сих пор придерживаются этой теории в турецкой уголовно-правовой доктрине и в турецкой судебной практике.³

Однако господствующей теорией в науке уголовного права зарубежных государств в настоящее время является смешанная теория или теория повсеместности /Ubiquitätstheorie/. Ее поддерживает большинство ученых зарубежных социалистических государств.⁴

¹ См. Маркус. Уголовное право Дании. - В кн.: Современное зарубежное уголовное право. Т. I, М., 1957, с. 103.

² См. Хонкасало. Указ. раб., с. 49.

³ См. Onder. Das türkische Strafrecht. In: Das ausländische Strafrecht der Gegenwart. B. IV. Berlin. 1962, S. 437.

⁴ См. Ненов Иван. Наказателно право на Народна Република България. Обща част. София. 1973, с. 125; Lehrbuch des Strafrechts des Deutschen Demokratischen Republik. Allg. Teil. Berlin. 1959, S. 226; Strafrecht des Deutschen Demokratischen Republik. Lehrkommentar zum Strafgesetzbuch. Bd. I, Berlin, 1969, S. 267; Rejman G. Prawo karne materialne. Cześć I-Ogólna. Warszawa, 1961, S. 27; Oancea I. Drept Penal. Partea generală. București, 1965, p. 87; Stănciu R. M. Problema locului infracțiunii în aplicarea principiului teritorialității legii penale, in "Studii și cercetări juridice", 1967, nr. 2, p. 184, 185; Dongoroz V., Kahanе S., Oancea I., Fodor J., Iliescu N., Bulai C., Stănciu R. Explicații Teoretice ale codului penal. Partea generală. Vol. I. București, 1969, pp. 53-59; Barbu C. Aplicarea legii penale în spațiu și timp. București, 1972, p. 50-56.

Наиболее видные ученые капиталистических государств в настоящее время поддерживают такую регламентацию этого спорного вопроса, - не только ученые Западной Европы - Англии, Франции, Италии, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Голландии и др., но и ученые США, Японии, Турции, Ирана и др. государств. I

- I
См. Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949, с. 467-468; Грюнхут. Английское уголовное право. - Современное зарубежное уголовное право. Т. 3. М., 1961, с. 251-252; Примерный уголовный кодекс /США/. Официальный проект Института американского права. М., 1969, с. 33-34; Пценнинггер Ханс-Феликс. Швейцарское уголовное право. - Современное зарубежное уголовное право. Т. 2. М., 1958, с. 311-314; Merle R. Droit pénal général. Paris, 1957, p. 53; Bouzat P., Pinatel J. Traité de droit pénal et de criminologie. T. II. Paris, 1963, pp. 1302-1305; Merle R., Vitu A. Traité de droit criminel. Problèmes généraux de la législation criminelle. Droit pénal général. Procédure pénale. Paris, 1967, p. 204-207; Ranieri S. Manuale di Diritto penale. Vol. I. Parte generale. Padova, 1956, p. 61; Baumann J. Strafrecht. Allg. Teil. Tübingen, 1961, S. 56; Hinüber O. Strafrecht. Allg. Teil. Stuttgart, 1955, S. 24; Maurach R. Deutsches Strafrecht. München, 1958, S. 95, 96; Mezger E. Strafrecht. Allg. Teil. München und Berlin, 1955, S. 67; Welzel H. Das deutsche Strafrecht. Zehnte Auflage. Berlin, 1967, S. 26. ff.; Rittler Th. Lehrbuch des Österreichischen Strafrechts. Bd. I. Allg. Teil. Wien, 1954, S. 52; Nowakowski P. Das österreichische Strafrecht in seinem Grundzügen. Wien-Köln, 1955, S. 38; Hafter E. Lehrbuch des schweizerischen Strafrechts. Allg. Teil. Berlin, 1926, S. 80; Hazewinkel-Suringa D. Inleiding tot de studie van het Nederlandse Strafrecht. Vierde druk. Haarlem, 1968, S. 316; Dando Sh. Japanese Criminal Procedure. N. Y. 1965, p. 63; Onder A. Das türkische Strafrecht. Das ausländische Strafrecht der Gegenwart. Bd. 4. Berlin, 1962, S. 437; Daftary Ali Akbar Khan. Geschichte und System des iranischen Strafrechts nebst einer Übersetzung des iranischen Strafgesetzbuchs. Rechtsvergleichende Untersuchungen zur gesamten Strafrechtswissenschaft. Heft 3, Bonn, 1935, S. 70.

Уголовные кодексы зарубежных государств, принятые в середине и во второй половине XX века, также признали местом совершения преступления как то место, где совершено само деяние или какая-нибудь его часть, так и то место, где наступили или должны были наступить последствия этого деяния.

Теория повсеместности законодательно закрепили уголовные кодексы зарубежных социалистических государств, как принятые в начале пятидесятых годов¹, так и новые уголовные кодексы, принятые в начале и конце шестидесятых годов.²

¹ См. § 13 Уголовного кодекса Чехословацкой Республики 1950 г. - "Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Чехословацкой Республики". М., 1951, с. 27; Часть I ст. 15 Уголовного кодекса федеративной Народной Республики Югославии. "Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств". М., 1957, с. 5; Часть 3 ст. 6 Уголовного кодекса Румынской Народной Республики. - "Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств". М., 1956, с. 6.

² См. § 17 Уголовного кодекса Чехословацкой Социалистической Республики 1961 г. - "Волетень Чехословацко го права", 1962, № 1-2, с. 77; Часть I § 80 Уголовного кодекса Германской Демократической Республики. "Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики". М., 1972; § 2 ст. 4 Уголовного Кодекса Польской Народной Республики 1969 года. "Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики". М., 1978, с. 31; Codul penal al republicii socialiste România (143). Bucuresti, 1968.

Таким же образом решен вопрос о месте совершения преступления в большинстве уголовных и уголовно-процессуальных кодексах капиталистических государств.¹

В уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик не дается определение места совершения преступления. В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ничего не сказано о том, в каких случаях Союз ССР должен быть признан местом совершения преступления. Этот вопрос решается судебной практикой и наукой советского уголовного права. При этом следует отметить, что определению места совершения преступления в советской теории уголовного права уделялось недостаточное внимание. В учебной и даже монографической литературе не всегда разграничиваются два аспекта данной проблемы: 1/ определение места совершения преступления для установления, имело ли место преступление в СССР или за пределами страны, и 2/ определение места совершения преступления для установления, имело ли место преступление в данной союзной республике или за ее пределами. Эти вопросы должны решаться самостоятельно, так как их решение служит различным целям.

Определяя, когда СССР должен быть признан местом совершения преступления, следует исходить только из интересов максимальной и наиболее действенной охраны Советского госу-

¹ См. статью 693 Уголовно-процессуального кодекса Франции 1958 года /с изменениями и дополнениями на 1 января 1966 года/. М., 1967, с. 247; Статья 7 Швейцарского Уголовного кодекса 1937 года. М., 1947, ч. 5; Статья 6 Итальянского Уголовного кодекса 1930 года. М., 1941, с. 4; Мангакис Г. А. Греческое уголовное право. Общая часть. - В сб.: Современное зарубежное уголовное право. Т. 5. М., 1961, с. 392-393; Нуньес Р. Аргентинское уголовное право. - В сб.: Современное зарубежное уголовное право. М. Л., 1957, с. 45; Schönke-Schröder. Strafgesetzbuch /§ 3, III/. Kommentar. 10. Auflage. München und Berlin. 1961, S. 71.; Onder. Istanbul. Das türkische Strafrecht. "Das ausländische Strafrecht der Gegenwart". Bd. 4. Berlin. 1962, S. 278; The penal Code of Sweden. Stockholm. 1965, Sec. 4.

дарства и установленного в нем правопорядка от посягательств извне. Поскольку в действующем советском уголовном законодательстве не закреплены положения реального принципа действия уголовного закона в пространстве, а поэтому советский уголовный закон не может быть применен к иностранцу, посягающему за границей на интересы Советского государства и его граждан, СССР должен быть признан местом совершения преступления как в тех случаях, когда само деяние совершено в пределах территории СССР, хотя последствия наступили или могли наступить вне его пределов, так и в тех случаях, когда преступное деяние совершено вне пределов СССР, но вредные последствия наступили или должны были наступить на территории СССР. Интересы охраны советского социалистического правопорядка диктуют необходимость пресекать всякую общественно опасную деятельность, даже если она началась или закончилась за границей. В этой же связи СССР должен быть признан местом совершения преступления, если хотя бы какая-нибудь часть преступления имела место в пределах СССР /например, в течение определенного отрезка времени в СССР совершалось длящееся или продолжаемое преступление, в СССР было совершено только одно из деяний, предусмотренных объективной стороной состава преступления и т.д./, а остальная часть преступных деяний была совершена вне пределов СССР. Преступление должно быть также признано совершенным в СССР, если один из соучастников действовал в пределах СССР, а остальные - вне пределов страны. Таким образом, мы считаем, что для советского права применения уголовных законов приемлема теория повсеместности. Она должна найти отражение в советском уголовном законодательстве. Мы полагаем, что соответствующая норма должна быть включена в статью 4 Основ уголовного законодательства.

2. Определяя, когда конкретная союзная республика должна быть признана местом совершения преступления, сле-

дует учесть, что законодатель и на этот вопрос не дает ответа. Судебная практика различна. Нет единого мнения и в теории советского уголовного права. Имеются серьезные расхождения при определении места совершения преступления, когда речь идет о материальных составах преступления с отдаленным в пространстве результатом /дистанционных преступлений/, длящихся и продолжаемых преступлениях, преступлениях, состав которых предусматривает обязательное совершение двух или более деяний или альтернативу преступных деяний, о преступлениях, совершенных в соучастии,

В теории советского уголовного права отстаиваются противоположные точки зрения. Одна часть ученых считает, что местом совершения преступления является та территория, где виновный окончил совершение самого преступного деяния, а не та, где наступили предусмотренные законом общественно опасные последствия.¹ Другие ученые защищают противоположную точку зрения - местом совершения преступления считают ту союзную республику, на территории которой наступили общественно опасные последствия.² Имеется и третья точка зрения, признающая местом совершения преступления территорию той республики, где имело место воздействие на потерпевшего.³ Такие мнения высказываются в отношении дистанционных

¹ См. Келина С. Г. Советский уголовный закон. М., 1961, с. 27; Брайнин Я. М. Указ. соч., с. 156; Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969, с. 8-9; Научно-практический комментарий уголовного кодекса РСФСР. Под ред. Никифорова Б. С. М., 1964, с. 8.

² См. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1962, с. 45-46; Дурменов Н. Д. Указ. соч. М., с. 218.

³ Комментарий к уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 15.

преступлений с отдаленными результатами в пространстве.

Еще больше точек зрения высказано по поводу определения места совершения продолжаемых и длящихся преступлений, если они совершались на территории нескольких союзных республик.¹ Значительные разногласия вызывает определение места совершения преступления соучастниками, действовавшими на территории разных республик.²

Назрела необходимость решить эти вопросы в законодательстве. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик должны предусмотреть целую систему коллизионных норм для всех тех случаев, когда преступление совершается в пределах не только одной союзной республики, но на территории двух и более республик, т.е. когда одно единственное преступление /деяние, содержащее признаки только одного состава преступления/ посягает на установленный правопорядок двух или более республик.

В этом случае следует исходить из того неоспоримого факта, что необходимость в интерлокальных коллизионных нормах порождена существованием на территории Союза ССР пятнадцати уголовных кодексов. Закон СССР от 11 февраля 1957 года "Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов", внесший изменения в пункт "х" статьи 14 Конституции СССР, предопределил неизбежность коллизий между уголовными законами союзных республик и необходимость их решения. Поэтому в основу решения этих коллизий между законами союзных рес-

¹ См. Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев. 1969, с. 8-9; Кудрявцев В. Н. Квалификация преступлений, совершенных на территории нескольких союзных республик. - "Социалистическая законность", 1966, № 6, с. 51-52; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 272-275; Дурманов Н. Д. Указ. соч. М., с. 223-225.

² См. Комментарий к УК РСФСР 1960 г. 1962, с. 17-18; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1966, с. 122-123; Уголовный кодекс Эстонской ССР. Комментированное издание. Таллин. 1968, с. 9.

публик должны быть положены те же государственно-правовые соображения, которыми руководствовался законодатель Союза ССР при издании Закона от 11 февраля 1957 года, - расширения суверенных прав союзных республик в области законодательства. Как справедливо отметил А.И. Денисов, за последние годы смело решен наиболее важный конституционный вопрос - вопрос о разграничении полномочий Союза ССР и союзных республик в сфере осуществления государственной власти. Во всех юридических формах осуществления государственной власти Союза ССР, союзных и автономных республик, как власти законодательной, исполнительно-распорядительной и судебной, сделан большой шаг вперед в смысле дальнейшего упрочения суверенитета союзных республик и расширения их прав в осуществлении законодательства, в управлении хозяйством и культурой, в отправлении социалистического правосудия.¹

"...партия взяла твердый курс на расширение прав союзных республик в хозяйственном и культурном строительстве, - указывал М.С. Брежнев. - Этот курс был одобрен ХУ и ХХП съездами КПСС, всем советским народом. Укрепление хозяйственной самостоятельности повлекло за собой и расширение законодательных прав союзных республик".² Расширение прав союзных республик в области законодательства справедливо расценивается в советской государственно-правовой и уголовно-правовой литературе как важный шаг, принятый Коммунистической партией по полному восстановлению ленинских принципов советской демократии, как возвращение к ленинским принципам в законодательстве Союза ССР и союз-

¹ См. выступление Председателя Юридической комиссии при Совете Министров СССР док. юрид. наук Денисова А.И. на научной сессии Всесоюзного института юридических наук 19-21 января 1959 года. - В сб.: "Важный этап в развитии советского права". М., 1960, с. 124.

² "Известия", 1962 г. 29 декабря.

ных республик.¹

Мы полностью согласны с высказанным в уголовно-правовой литературе мнением о том, что различия между уголовными кодексами союзных республик вовсе не должны быть минимальными, отражающими лишь национальные особенности союзных республик, что такая тенденция в общем плане могла бы привести "к стандартизации законодательства и противоречило бы идее расширения суверенных прав союзных республик в области законодательства".²

В.А.Кириин совершенно обоснованно ссылается на доклады председателей комиссий законодательных предложений палат Верховного Совета СССР на шестой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, возражая против попытки необоснованного ограничения прав союзных республик в области уголовного законодательства, против тенденции признавать за союзными республиками возможности различного решения лишь тех вопросов, которые связаны с их национальными особенностями.³ "Сам факт суверенного положения союзной республики в советской федерации, право каждой союзной республики самостоятельно осуществлять собственную законодательную компетенцию не должны, по его мнению, - оставлять сомнений в "допустимости" неодинакового решения республиками какого-либо из этих вопросов, причем без особого доказательства "действительной необходимости" такого решения, что "не исключает" взаимного обмена опытом законодательной рабо-

¹ См. Миронов Н.Р. Программа КПСС и вопросы дальнейшего укрепления законности и правопорядка. М., 1962, с.28-29; Калинин Ф. Развитие законодательства союзных республик. "Советы депутатов трудящихся", 1961, №6; Кириин В.А. Союзный и республиканский уголовный закон. М., 1970, с.63. См. Научная конференция "Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма". /14-17 мая 1963 г./, Л., 1963 г., с.14-15.

² См. Брайнин Я.М. О дальнейшем развитии отдельных институтов советского уголовного права. - "Советское государство и право", 1963, № 4, с.125.

³ См. Кириин В.А. Союзный и республиканский уголовный закон. М., 1970, с.144-146.

ты между союзными республиками по вопросам их компетенции".¹ В.А. Кириин приходит к бесспорному, на наш взгляд, выводу, что различия в решении уголовными кодексами союзных республик вопросов республиканской компетенции неизбежны и останутся до той поры, пока уголовное законодательство не будет отнесено к исключительно общесоюзной компетенции.²

Высказывания упомянутых и других авторов согласуются со словами В.И. Ленина о том, что "единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов /богатых и куликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т.д. и т.п./".³

Эти положения должны быть учтены законодателем Союза ССР при создании системы интерлокальных коллизионных норм, при этом исходной позицией должно быть признание местом совершения преступления территории любой союзной республики, в пределах которой осуществлялось все или часть преступного деяния, где совершено одно из предусмотренных составом преступления действий, а также где наступил или должен был по замыслу виновного наступить преступный результат, где осуществлялась какая-нибудь часть длящегося или продолжаемого преступления, где совершал общественно опасное деяние каждый из соучастников, и где осуществил состав преступления исполнитель.

Исходя из расширенных прав союзных республик в облас-

¹ Там же, с. 147.

² Там же, с. 148-149.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, т. 35, с. 203.

ти уголовного законодательства, за каждой из союзных республик должно быть признано также право применять свои уголовные законы, если нарушен установленный ею на своей территории правопорядок. Поэтому в основу всей системы интерлокальных коллизионных норм должно быть положено право суда каждой союзной республики применять уголовные законы данной союзной республики не только в тех случаях, когда преступление совершено полностью в пределах территории этой республики, но также если оно совершено частично в пределах ее территории.

Такое решение весьма спорного вопроса явилось бы наилучшей гарантией и утверждением равноправия союзных республик в плане установления пределов действия республиканского уголовного законодательства в пространстве. В предполагаемой системе интерлокальных коллизионных норм должна быть предусмотрена также норма, определяющая, какой уголовный закон должен быть применен в случаях, когда уголовное дело рассматривается в той союзной республике, на территории которой преступление вообще не совершалось. Для этого случая, мы полагаем, наиболее целесообразным было бы установить применение уголовного закона той союзной республики, где преступление было фактически завершено или пресечено. Закрепление этого положения в общесоюзном уголовном законодательстве будет также способствовать единообразному применению уголовного закона.

ОТГРАНИЧЕНИЕ УГОНА СРЕДСТВ МЕХАНИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА ОТ ДРУГИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года в статье 3 определяют: " Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т.е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние". Для привлечения к уголовной ответственности и признания лица виновным необходимо установить, что в совершенных им действиях имеется состав определенного преступления, что является единственным основанием уголовной ответственности.

Установление всех признаков состава преступления является основой для правильного определения в каждом конкретном случае наличия или отсутствия того или иного преступления, теоретической и практической базой правильной квалификации совершенного деяния, что в свою очередь является необходимым условием соблюдения социалистической законности. Неправильная квалификация деяния нарушает советский закон, препятствует нормальному осуществлению правосудия и может существенно нарушить как интересы социалистического государства, так и интересы отдельных граждан.

Для правильного применения статьи Особенной части уголовного кодекса прежде всего следует выяснить необходимые признаки каждого состава преступления. Нередко уже в самом законе описаны все объективные и субъективные признаки того или иного общественно-опасного деяния. Однако для правильной квалификации преступления, для отграничения его от других составов, имеющих общие черты и признаки, требуется не только знание признаков каждого состава преступления, но и умение установить те конкретные формы, в которых могут проявиться эти признаки.

Трудность анализа отдельных признаков составов преступлений, в том числе и угона средств механического транспорта, объясняется, с одной стороны, тем, что одни и те же элементы состава в уголовных кодексах союзных республик характеризуются различными, хотя и похожими признаками; с другой стороны — одни и те же признаки выражены в различной словесной форме. Это приводит к различному толкованию состава преступления и препятствует единообразному применению закона.

В настоящее время в уголовном законодательстве всех союзных республик имеется специальная норма, в которой угон средств механического транспорта выделен в самостоятельный состав преступления. Сопоставление соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик показывает, что обрисовка признаков основного состава данного преступления и квалифицирующих признаков различна, поэтому для обеспечения правильного применения нормы об угонах автотранспорта или иных средств механического транспорта необходимо установить все признаки данного состава преступления, предусмотренные уголовным законодательством конкретной союзной республики.

Это следует иметь в виду и при отграничении состава угона средств механического транспорта от других преступлений — самоуправства, хулиганства, хищения государственного или общественного имущества, а также личного имущества граждан, так как с этими и другими преступлениями состав угона средств механического транспорта имеет общие признаки, а значит, и не исключена возможность неверной их квалификации.

Рассмотрим отграничение угона средств механического транспорта, предусмотренного УК Латвийской ССР, от других преступлений, имея в виду, что высказанная нами точка зрения по этому вопросу может быть приемлема только в отношении тех союзных республик, которые устанавливают такие же признаки состава угона средств механического транспорта, как это сделано в УК Латвийской ССР. В тех же случаях, когда союзная республика предусмотрела иные признаки состава преступления, то и вопрос об отграничении состава

угона средств механического транспорта от иных преступлений должен быть решен иначе. Так, например, УК Эстонской ССР, обрисовывая состав угона средств механического транспорта, предусмотрел определенную цель совершения преступления - временное использование угнанного транспортного средства. Таким образом, угон средств механического транспорта в Эстонской ССР следует отграничить от других составов преступлений с учетом этой специфики.

Угон средств механического транспорта следует отграничить от самоуправных действий в отношении чужого имущества, так как угон во многом сходен с самоуправством. Эти составы имеют общие признаки объективной и субъективной сторон преступления. Оба деяния носят характер самовольных, незаконных и умышленных действий; однако в случаях угона средств механического транспорта отсутствует такой признак субъективной стороны самоуправства, как осуществление своего действительного или предполагаемого права. Лицо, виновное в совершении угона автотранспорта или иных средств механического транспорта, достоверно и заведомо знает, что оно не имеет никаких прав в отношении предмета угона. Лицо же, совершающее самоуправство /самовольное, помимо установленного законом порядка, совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается другим лицом, государственным или общественным учреждением, предприятием или организацией/, может в незаконном порядке осуществлять свои права /угон своей реквизированной машины, угон задержанной автомашин со стоянки ГАИ и т.п./ . Кроме того, самоуправство может выразиться и в том, что лицо осуществляет право, относительно принадлежности которого себе, добросовестно заблуждается, предполагая, что это право принадлежит ему, хотя в действительности им не обладает.

По отношению к самоуправству угон средств механического транспорта является специальной или конкретизированной нормой. Предусмотренное данной нормой преступление является наиболее опасной формой самоуправства, исходя из специфики предмета, поэтому законодатель не предусмотрел для наличия состава угона необходимость наступления

каких-либо последствий, за исключением тех, которые неизбежно вытекают из самого деяния. Самоуправство же является материальным составом преступления и уголовная ответственность за самоуправство наступает лишь в случаях, когда этими действиями причиняется значительный ущерб / статья 195 УК Латвийской ССР / или значительный вред, как это предусмотрено соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик.

Угон средств механического транспорта необходимо отграничить от хулиганства, так как с субъективной стороны не исключается возможность совершения угона транспортных средств и из хулиганских побуждений.

В связи с тем, что хулиганство является самостоятельным преступлением, предусмотренным статьей 204 УК Латвийской ССР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, возникает вопрос о том, следует ли квалифицировать угон средств механического транспорта, совершенный из хулиганских побуждений, по статье 197 УК Латвийской ССР или же любой угон из хулиганских побуждений перерастает в другое преступление — хулиганство.

При разграничении состава угона средств механического транспорта по Уголовному кодексу Латвийской ССР и уголовным кодексам других союзных республик, где состав данного преступления такой же, от хулиганства, на наш взгляд следует:

во-первых: исходить из того, что угон средств механического транспорта может быть совершен из любых, в том числе и из хулиганских побуждений. Если лицо угоняет транспортное средство из хулиганских побуждений и в дальнейшем эти действия не свидетельствуют о злом или особо злом хулиганстве, угон средств механического транспорта квалифицируется по статье 197 УК ЛатвССР. Иными словами, мы полагаем, что если угон автотранспорта или иных средств механического транспорта совершен из хулиганских побуждений при условиях, предусмотренных частью I статьи 204 УК Латвийской ССР, то такие действия квалифицируются только как угон средств механического транспорта и в дополни-

тельной квалификации по статье 204 УК Латвийской ССР не нуждаются;

Во-вторых: если угон средств механического транспорта из хулиганских побуждений совершается при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии злостного хулиганства, т.е. совершаются умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью, например, лицо угоняет автобус с места стоянки, или пьяный садится в автомашину и с целью напугать прохожих выезжает на тротуар, или из хулиганских побуждений лицо направляет чужой автомобиль на огороды, повреждая посевы и т.п., такое преступление по своим объективным и субъективным признакам перерастает в злостное хулиганство, и действия виновного должны квалифицироваться по статье, предусматривающей ответственность за хулиганство;¹

В-третьих: идеальная совокупность угона средств механического транспорта и хулиганства исключается. Если же угон транспортного средства сопряжен с совершением злостного или особо злостного хулиганства, в действиях виновного имеется реальная совокупность и содеянное должно квалифицироваться по статье 197 и части II или III статьи 204 УК Латвийской ССР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик, поскольку санкции, предусмотренные в частях II и III статьи 204 являются более суровыми, нежели санкция, установленная в части I статьи 197 УК Латвийской ССР.

М.А.Ефимов придерживается другого мнения. Он считает, что угон автомобилотранспортных средств или иных средств механического транспорта, совершенный из хулиганских

¹ См. также Комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1971, с.334.
Комментарий к уголовному кодексу Латвийской ССР. Рига, 1969, с.433.

побуждений, должен квалифицироваться как хулиганство, то есть более опасное преступление, поскольку виновный грубо нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу.¹

Если согласиться с этой точкой зрения, то необходимо прийти к выводу, что совершение угона, квалифицируемого по статье 197 УК Латвийской ССР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик, из хулиганских побуждений исключается. Такое решение вопроса представляется неверным, так как угон средств механического транспорта может быть совершен по различным мотивам и для достижения различных целей, кроме цели хищения, на что прямо указано в законе.

Статья 197 УК Латвийской ССР предусматривает ответственность за угон средств механического транспорта без цели присвоения. В уголовных кодексах РСФСР, Белорусской ССР, Киргизской ССР, Молдавской ССР и Украинской ССР исключается цель хищения, либо, как это делают уголовные кодексы Армянской ССР, Туркменской ССР и Узбекской ССР — подчеркивается отсутствие признаков хищения, что по сути одно и то же.

Угон от кражи / тайное похищение государственного или общественного имущества, а также личного имущества граждан / отличается признаками субъективной стороны преступления, т.е. отличается тем, что виновное лицо не преследует цели обратить транспортное средство в свою собственность, а противоправно, временно изымает его из ведения законного владельца или пользователя. Вопрос об отграничении угона средств механического транспорта от их хищения одинаково решается как в теории, так и в практике.

Установление цели хищения, это вопрос факта, который разрешается в каждом конкретном случае с учетом обстоя-

¹ Вшивов М.А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. М., 1971, с.88.

тельств дела в их совокупности. Об отсутствии цели хищения могут свидетельствовать оставление угнанного транспортного средства при фактической возможности его дальнейшего использования, неоднократное совершение подобных действий, т.е. угона лицом в прошлом, не преследовавшим при этом корыстных целей. Следует отметить, что угон средств механического транспорта может быть совершен и из корысти, когда лицо / по чьей-либо просьбе/ за вознаграждение угоняет чужое транспортное средство и использует его как средство передвижения, однако в таких случаях в действиях виновного отсутствуют признаки хищения и его действия квалифицируются как угон.

Доказательствами намерения похитить транспортное средство могут служить изменение его цвета, перестановка или замена колес, изготовление фиктивных документов, подтверждающих право собственности, изменение номерных знаков и номеров двигателя и шасси, тщательное сокрытие транспортного средства, длительное пользование угнанным транспортом, его отчуждение и другие признаки.

Только как хищение государственного или общественного имущества или кража личного имущества граждан квалифицируется угон транспортных средств с целью похищения отдельных деталей для их сбыта или присвоения - снятие колес, приборов освещения и т.п., так как умысел виновных лиц в таких случаях направлен на хищение.

По уголовному делу по обвинению Таратутина и других народный суд Московского района города Риги по одному из эпизодов, связанному с угонем мотоцикла "Ява-250", квалифицировал действия трех несовершеннолетних подсудимых по части II статьи 139 УК Латвийской ССР, указав в приговоре на то, что хотя мотоцикл и был угнан, но с самого начала умысел виновных был направлен на его хищение.^I

^I Уголовное дело № I-294/1971 г. Архив народного суда Московского района города Риги.

Этот вывод подтверждается материалами предварительного следствия - при обыске у всех троих подсудимых были обнаружены узлы и детали этого мотоцикла.

Таким же путем рекомендуется решать данный вопрос и Пленумом Верховного суда РСФСР № 50 от 22 октября 1969 года " О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их угоном", в котором разъясняется, что угон, совершенный с целью хищения, подлежит квалификации как хищение без ссылки на статью 212¹ УК РСФСР, поскольку угон является в таких случаях способом хищения.¹

Нами ранее было отмечено, что цели угона могут быть самые различные, за исключением цели обратить угоняемое транспортное средство в свою собственность или в собственность третьих лиц. Других ограничений в отношении цели и мотивов угона в законе не устанавливается, поэтому представляется, что цель хищения имущества, реализуемая путем угона транспортного средства, не исключает применения нормы, предусматривающей ответственность за угон средств механического транспорта по совокупности с нормами, устанавливающими ответственность за хищение государственного или общественного имущества или кражу личного имущества граждан.

На наш взгляд, вопрос о квалификации преступления в данном случае должен решаться в зависимости от цели угона, - в тех случаях, когда вначале виновное лицо преследовало цель просто покататься или руководствовалося другими соображениями, а умысел на хищение принадлежностей из угнанного транспортного средства созревает позже, налицо совокупность преступлений.

Угон средств механического транспорта, сопряженный с тайным похищением принадлежностей транспортного средства /набора инструментов, канистры, радиоприемника и других предметов/ или похищение личных вещей водителя или пассажи-

¹ "Бюллетень Верховного суда РСФСР", 1970, № 1, с. 7.

ра этого транспортного средства / одежды, обуви, портфеля и др./ квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 197 и статьями 85 или 139 УК Латв.ССР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. В этом случае имеет место реальная совокупность преступлений. По делу Юргайтис, Осипова и Шершнева, осужденных народным судом Московского района города Риги было установлено, что Юргайтис совместно с Шершневым угнали из гаража автомашину "Москвич-403". Покатавшись на ней, они похитили из автомашины две канистры с бензином, канистру масла, набор ключей и водительские перчатки. Суд признал Юргайтис и Шершнева виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 197 и 139 УК Латв.ССР, так как умысел на хищение возник позже, уже после реализации основной цели — покататься.¹

Иное решение данного вопроса предлагается А.Зелинским, который считает, что по совокупности квалифицируется лишь угон, сопряженный с мелким хищением деталей угнанной автомашины или ее принадлежностей / статья 197 и статья 90 или статьи 197 и 139 УК Латв.ССР — В.Л./ . По его мнению, угон, сопряженный с хищением существенных частей или деталей, стоимость которых выходит за пределы мелкого хищения, квалифицируется по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за посягательство на государственную или общественную собственность или личную собственность. Статью же, предусматривающую ответственность за угон средств механического транспорта, в данном случае не следует применять.² Такая трактовка данного вопроса представляется ошибочной, ибо это может привести к пренебрежению такими признаками субъективной стороны преступления, как цель и мотив и, в конечном итоге, к неправильной квалификации.

¹ Уголовное дело № I-689/1971 г. Архив народного суда Московского района города Риги.

² Зелинский А. Квалификация угонов транспортных средств. — "Советская юстиция", 1971, № 16, с. 14.

Угон средств механического транспорта также следует отграничить от хищения государственного или общественного имущества путем грабежа или разбоя и от открытого похищения личного имущества граждан и разбойного нападения с целью завладения личным имуществом граждан. Если при совершении открытого угона средств механического транспорта, соединенного с насильем или без такового, цель виновного выходит за пределы изъятия чужого транспортного средства из ведения владельца или пользователя для его временного использования, то действия виновного квалифицируются как грабеж или разбой и в дополнительной квалификации по статье 197 УК ЛатвССР не нуждаются.

Практике известны случаи угона средств механического транспорта, сопряженные с последующим их уничтожением или повреждением, а также случаи угона с целью повреждения или уничтожения транспортного средства из мести или иных низменных побуждений. Характер юридической квалификации в таких случаях зависит от субъективного отношения к этим последствиям. Установление умышленной вины влечет квалификацию в зависимости от принадлежности транспортного средства по статьям 197 и 95 или 146 / при наличии значительного ущерба потерпевшему / УК Латвийской ССР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик, так как в действиях лица имеется реальная совокупность двух преступлений.

Интерес представляет вопрос об ответственности лица, совершившего угон транспортного средства в состоянии опьянения. Следует полагать, что совершение угона средств механического транспорта в нетрезвом состоянии влечет различные последствия в зависимости от того, привлекался ли виновный ранее к административной ответственности за управление транспортом в нетрезвом состоянии.^I

^I См. также Ляцунов Ю.А. Квалификация автотранспортных преступлений. - "Советская юстиция", 1969, № 18, с.15.

Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М, 1970, с.94-95.

Если к виновному в совершении угона ранее применялись меры административного воздействия в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета ЛатвССР от 29 июня 1972 года "О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма", то повторное управление угнанным транспортным средством в нетрезвом состоянии в пределах срока действия взыскания - одного года, а при лишении водительских прав - до пяти лет, составляет совокупность преступлений по статьям 197 и 213^I УК Латв.ССР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Если же лицо, совершившее угон и управлявшее угнанным транспортным средством в нетрезвом состоянии, ранее не привлекалось к административной ответственности за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, то наступает уголовная ответственность за угон средств механического транспорта и административная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Мы не можем привести исчерпывающих данных судебной практики по данному вопросу, так как в материалах уголовных дел не во всех случаях отражено, принимались ли меры административного воздействия в связи с управлением угнанным транспортным средством в нетрезвом состоянии. Из рассмотренных нами в выборочном порядке 696 уголовных дел о 942 случаях угона средств механического транспорта лишь в II уголовных делах имелись копии сообщений в Государственную автоинспекцию об управлении угнанным транспортным средством в нетрезвом состоянии. Это составляет 1,5 % из всех случаев, когда угон средств механического транспорта совершался лицами, находящимися в нетрезвом состоянии.

Изучение уголовных дел данной категории позволяет прийти к выводу, что органами предварительного следствия лишь в отдельных случаях проверяются данные об имевшем место в прошлом привлечении лица к административной ответственности за управление транспортными средствами в состоянии опьянения. Поэтому совокупность преступлений, предусмотрен-

ных статьями 197 и 213^I УК ЛатвССР, отмечена всего лишь в 13 случаях, что составляет 1,8 % всех уголовных дел, когда угон и последующее управление транспортными средствами производились лицами в нетрезвом состоянии. Представляется, что данному вопросу в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства необходимо уделять большее внимание, поскольку угон средств механического транспорта, а также преступления, связанные с нарушением правил движения, как правило, совершаются лицами в нетрезвом состоянии (в 76,1 % из общего количества изученных уголовных дел). Отмеченная неполнота предварительного следствия, а также недостаточная требовательность со стороны судебных органов - отсутствие частных определений или определений о возвращении дел на дополнительное расследование для выяснения указанных обстоятельств, позволяет отдельным лицам уйти от уголовной ответственности за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии.

Правильное решение данного вопроса, уяснение всех необходимых признаков состава угона средств механического транспорта по действующему уголовному законодательству союзных республик, а также четкое отграничение состава угона средств механического транспорта от других преступлений позволит прийти к единому толкованию закона и единообразному применению его на практике.

У. Крастыньш

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ В УК
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Общественную опасность преступления главным образом определяют объективные признаки преступного деяния. Поэтому правильное понимание всех признаков объективной стороны каждого состава преступления имеет большое значение для правильной квалификации преступления и назначения наказания.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть некоторые спорные вопросы объективной стороны составов преступлений в области охраны природных богатств, ответственность за которые предусмотрена в ст.ст. 159 (незаконное занятие рыбным промыслом), 160 (незаконная охота) и 161 (незаконная порубка леса) УК ЛатвССР.

Правильное понимание объективной стороны названных преступлений послужит укреплению социалистической законности, будет способствовать установлению единой судебной практики в Латв.ССР, что в свою очередь обеспечит успешную борьбу с правонарушениями в области охраны природных богатств.

Одной из причин возникновения спорных проблем при определении признаков объективной стороны составов преступлений, предусмотренных в названных статьях, является то обстоятельство, что эти признаки не описаны самим законодателем. Диспозиции статей являются бланкетными. Это означает, что в таких диспозициях не указываются все необходимые признаки состава преступления. Поэтому для установления этих признаков необходимо обратиться к другим нормативным актам. Статьи, в которых описаны признаки незаконного занятия рыбными и другими водными добыва-

щими промыслами, незаконной охоты и незаконной порубки леса, содержат только определенные запреты, однако признаки этих недозволенных действий даны в других нормативных актах. Они содержат правила, которые должны соблюдаться лицами, занимающимися рыбной ловлей, охотой или порубкой леса. Такое построение диспозиции статей следует признать правильным, так как эти правила многообразны и их перечисление в качестве признаков объективной стороны данных преступлений в диспозиции соответствующих статей УК сделало бы статьи громоздкими и неудобными для пользования. Кроме того, надо учесть, что правила, регулирующие рыбную ловлю, охоту и порубку леса, изменяются, поэтому законодателя пришлось бы следовать этим изменениям и вносить соответствующие поправки в уголовный кодекс (например, часто изменяются сроки, в которые разрешается рыбная ловля или охота и т.д.). Из сказанного следует, что необходимость сохранения бланкетных диспозиций требует от уголовно-правовой теории более точного установления всех признаков объективной стороны вышеперечисленных преступлений.

Другой причиной возникновения спорных вопросов при определении признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных в ч.2 ст.ст. 159, 160 и 161 УК Латв.ССР, является наличие оценочных понятий. Так в ст.ст. 159 и 160 УК Латв.ССР употребляется такое оценочное понятие, как "значительный ущерб", в ст.161 УК Латв.ССР - "крупный размер", содержание которых законодателем в тексте этих статей не раскрыто.

Мы полагаем, что для правильного применения уголовно-правовых норм, содержащихся в статьях 159, 160 и 161, в первую очередь необходимо определить, какое содержание вкладывалось законодателем в понятия "охота", "рыбная ловля" и "порубка леса".

Определение охоты дано в п.19 Положения об охоте и охотничьем хозяйстве Латв.ССР. В нем сказано, что охотой

считается отлов и отстрел в охотничьих угодьях диких зверей и птиц с соблюдением правил, способов и сроков охоты. Пребывание лиц в пределах угодий, вне дорог общего пользования и на водоемах с ружьем, охотничьей собакой, ловчими птицами, с орудиями лова приравнивается к охоте.¹

Нормативные акты, регулирующие охрану рыбных запасов и рыболовство, не дают определение рыбной ловли.² Однако, исходя из содержания этих нормативных актов, представляется возможным дать следующее определение рыбной ловли. Под рыбной ловлей понимается любой лов рыбы во всех водоемах СССР (территориальные воды СССР, внутренние моря, реки, озера, пруды, водохранилища и их приточные воды), с соблюдением установленных правил рыболовства.

Определение порубки леса дано в одном из комментариев УК РСФСР. Под порубкой леса понимается отделение растущего или сухостойного дерева от почвы с помощью топора, пилы или другим способом.³

Данное определение неполное - его недостатком является отсутствие указаний на условия законной порубки леса. Между тем, эти условия важны для решения вопроса о правомерности действий лиц, производивших порубку леса. Поэтому мы предлагаем такое содержание определения порубки леса. Под порубкой понимается отделение растущего или сухостойного дерева от почвы любым способом заготовительными предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами с со-

¹ Охрана природы и памятников Латвийской ССР. (Сборник законов, постановлений, положений и правил об охране природы и памятников). Рига, 1972, с.140

² Положение об охране рыбных запасов и регулировании рыболовства в водоемах СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 15 сентября 1958 г. № 1045; Правила рыболовства во внутренних водоемах Латвийской ССР, утвержденные приказом Министерства рыбного хозяйства СССР от 18 октября 1968 года № 343; Там же с.239, 258

³ Комментарий к уголовному кодексу РСФСР, М., 1971, с.362

ответствующим разрешением (лесорубочного билета, ордера), на участках, отведенных для рубки, в том количестве и тех пород деревьев, на порубку которых дано разрешение.

Предлагаемые нами определения достаточно полные и пригодные для практического решения вопроса о том, что следует считать незаконной охотой, рыбной ловлей или порубкой леса, предусмотренных в ст.ст. 159, 160 и 161 УК ЛатвССР, а также для ответа на вопрос о том, с какого момента незаконная охота и рыбная ловля должна быть признана оконченным составом преступления.

Некоторые разногласия возникают также при применении ст.159 УК ЛатвССР, в которой предусматривается уголовная ответственность за незаконное занятие рыбным промыслом. Не всегда одинаково толкуется употребляемое в этой статье понятие рыбного промысла.

При ознакомлении с судебной практикой по делам о применении законодательства об охране природы, обращает на себя внимание такой факт, что в суды ЛатвССР поступает незначительное количество дел о незаконной рыбной ловле (ст.159 УК ЛатвССР), хотя по данным Балтийского управления по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства "Балтрибвод", в республике каждый год отмечается много случаев нарушений правил рыбной ловли, в том числе и представляющих большую опасность. Мы полагаем, что это положение частично можно объяснить, во-первых, тем, что отсутствует ясное представление о том, в каких случаях должна наступить уголовная ответственность по ч.1 ст.159 УК и, во-вторых, тем обстоятельством, что к уголовной ответственности по ч.2 ст.159 УК может быть привлечено лицо лишь после применения к виновному мер административного воздействия за такое же правонарушение. Как известно, на первое нарушение распространяется годичный давностный срок, после наступления которого, лицо считается не подвергавшимся такому воздействию.

Преступление, предусмотренное ч.1 ст.159 УК ЛатвССР (в редакции Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 25 февраля 1963 года) с объективной стороны выражается в производстве рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов в морях, реках, озерах и иных водоемах без надлежащего на то разрешения, либо в недозволенных местах или недозволенными орудиями и способами.

В диспозиции ч.2 ст. 159 УК ЛатвССР (в редакции Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 9 декабря 1968 года) в отношении рыбной ловли предусмотрены такие же альтернативные признаки - рыбная ловля в недозволенных местах либо в запретное время или недозволенными орудиями и способами, если эти действия совершены после применения мер административного воздействия за такое же нарушение.¹

Если сравнить тексты обеих частей ст.159 УК ЛатвССР, то обнаружим, что в ч.2 ст. 159 УК отсутствует такой признак, как добыча рыбы без надлежащего на то разрешения.

Согласно ст. 7 Правил рыболовства во внутренних водоемах ЛатвССР, утвержденных приказом министерства рыбного хозяйства СССР от 18 октября 1968 года, спортивный и любительский лов рыбы для личного потребления (без права продажи рыбы) разрешается всем трудящимся бесплатно во всех водоемах, за исключением рыбопромысловых участков, заповедников, рыбпитомников и других культурных рыбных хозяйств,

¹ В отличие от ч.2 ст. 159 УК ЛатвССР, ч.2 ст. 163 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за незаконное занятие рыбным промыслом, содержит только квалифицирующие признаки данного преступления - повторность, улов или убой ценных пород рыб либо причинение крупного ущерба

с соблюдением установленных правил рыбной ловли.¹

Таким образом, отсутствие в диспозиции ч.2 ст. 159 УК ЛатвССР этого признака можно объяснить тем, что для рыболова-спортсмена или любителя такое разрешение не требуется.

Исходя из этого соображения и сопоставления текстов обеих частей ст. 159 УК ЛатвССР, надо полагать, что в ч.2 ст. 159 УК законодателем выделены составы тех преступлений, которые могут быть совершены исключительно частным лицом, занимающимся спортивной или любительской рыбной ловлей, а по ч.1 ст.159 УК отвечает лицо, производившее промысловый лов рыбы, если нарушены установленные правила для промысловой рыбной ловли.

Поэтому наказание, предусмотренное ч.2 ст.159 УК ЛатвССР значительно мягче, чем в ч. 1 той же статьи, так как не предусматривает лишение свободы. Указанное положение можно объяснить тем, что нарушением правил рыбной ловли в промысловой ловле может быть причинен значительно больший вред рыбному хозяйству, чем рыболовом-спортсменом или любителем. Суды должны учесть существующую разницу в степени общественной опасности этих двух преступлений.

Необходимо отметить также, что ч.1 ст.159 УК ЛатвССР не предусматривает административную прецеденту для привлечения к уголовной ответственности за нарушение правил рыбной ловли. За нарушение соответствующих правил в промысловой рыбной ловле виновный может быть привлечен как к административной, так и к уголовной ответственности, поэтому возникают трудности при решении вопроса об определении вида ответственности лицу, которое нарушает правила рыбной ловли. При решении этого вопроса в каждом случае нарушения правил рыбной ловли следует исходить из конкретных обстоятельств. Как правило,

¹ См. Охрана природы и памятников Латвийской ССР, с.265.

к уголовной ответственности должно привлекаться лицо, занимающееся промысловой рыбной ловлей, если оно грубо нарушает правила рыбной ловли (например, в случаях применения взрывчатых или химических веществ, при повторном нарушении правил) или когда рыбному хозяйству причинен значительный ущерб и т.д.

В случаях, когда лицо совершает нарушение правил рыбной ловли, представляющие небольшую общественную опасность, то оно должно подвергаться мерам административного или общественного воздействия.

По ч. I ст. 159 УК ЛатвССР привлекается к уголовной ответственности любое лицо, которое без надлежащего на то разрешения использует орудия промысловой рыбной ловли, как, например, сети, неводы и т.д.

Это положение прямо вытекает из постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 года "О практике применения судами законодательства об охране природы", в котором сказано, что под производством незаконного промысла¹ следует понимать лов рыбы с использованием промысловых орудий (сетей, неводов и т.д.) без соответствующего на то разрешения.²

Представляется правильным по ч. I ст. 159 УК ЛатвССР квалифицировать действия лиц, которые для добычи рыбы применяют такие недозволённые способы массовой рыбной ловли, как взрывчатые и химические вещества и электроток без надлежащего разрешения, при помощи которых вылавливается большое количество рыбы и, как правило, такие действия связаны с уничтожением рыбных запасов.

¹ Диспозиция ч. I ст. 159 УК ЛатвССР сходна с ч. I ст. 163 УК РСФСР

² "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1972, № 3, с. 9

В таких случаях не только хищнически истребляются рыбные запасы, но возникает и угроза для жизни и здоровья людей. Эти действия должны быть оценены как представляющие большую общественную опасность. Поэтому было бы несправедливо подвергнуть только административной ответственности лиц, которые совершили столь опасные действия, хотя и впервые, и лишь при повторном нарушении правил рыбной ловли, привлечь их к уголовной ответственности по ч.2 ст.159 УК ЛатвССР.

Необходимо отметить, что в юридической литературе понятие "промысел" применительно к незаконной рыбной ловле не всегда толкуется в вышеизложенном смысле. Некоторые авторы связывают это понятие с систематическим занятием рыбной ловлей.

Так, А.Наумов высказал мнение, что под занятием запрещенным рыбным промыслом следует понимать "извлечение виновным из своей преступной деятельности, т.е., из незаконного лова рыбы, более или менее постоянного дохода, не обязательно ощутимого, но получаемого систематически".¹ С этим положением нельзя согласиться.

В этой связи необходимо отметить, что слово "промысел" в русском языке имеет и такие значения, как добывание, добыча, охота на кого-нибудь, занятие охотой, работа по добыче зверя, птицы и т.п.²

Поэтому прав Н.Т.Некипелов, который в отношении промыслов, упомянутых в ст.163 УК РСФСР, отмечает, что "промысел применительно к исследуемому составу - это независимая от характера, назначения и объема получаемого результата, уголовнонаказуемая ловля рыбы или водных животных".³

¹ Наумов А. Квалификация незаконного занятия рыбным промыслом., "Советская юстиция", 1969, № 12, с.10

² Ожегов С. Словарь русского языка, 1973, с.566

³ Некипелов Н. Хозяйственные преступления по советскому уголовному праву. Автореф. на соиск.уч.ст.доктора юрид. наук, Киев, 1967, с.37

С таким пониманием незаконного рыбного промысла можно согласиться. Следовательно, незаконный рыбный промысел необходимо отличать от занятия определенной преступной деятельностью в виде промысла, под которым понимается систематическое занятие этой деятельностью, извлекая нетрудовой доход, который является для виновного основным или дополнительным источником существования.

Одним из вопросов, который в юридической литературе и в судебной практике решается не всегда одинаково, является вопрос о том, что понимать под оценочным признаком "значительный ущерб", который законодателем употребляется в ч.2 ст.159 УК ЛатвССР, предусматривающей уголовную ответственность за рыбную ловлю в недозволенных местах либо в запретное время или недозволенными орудиями и способами, если в результате этих действий причинен значительный ущерб, и в ч.2 ст. 160УК ЛатвССР, предусматривающей уголовную ответственность за незаконную охоту, причинившую значительный ущерб.

Употребляя этот оценочный признак в названных статьях, законодатель не определяет его содержание. Необходимо отметить, что в определенной мере такого рода обозначение признака объективной стороны состава преступления имеет положительное значение. В этой связи можно согласиться с В.Н.Кудрявцевым, который отмечает, что "общественные отношения в период действия уголовноправовой нормы постоянно подвержены изменениям, они развиваются, усложняются. Суд должен иметь возможность в определенных пределах учитывать эти изменения, происходящие в жизни".^I

Только оценочный признак в составе преступления дает возможность полностью учитывать такие изменения в общественных отношениях. Вместе с тем, необходимо учесть, что к раскрытию этого понятия нельзя подходить произвольно, поэтому при уяснении содержания признака значительного ущерба, юристы должны придерживаться единых критериев.

^I Кудрявцев В. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 137

Прав В.Н.Кудрявцев и в том, что "оценочные суждения должны основываться на реальных фактах, отражать требования закона, истолковываться во взаимосвязи с другими институтами и понятиями советского права".¹

Из сказанного следует, что оценить причинен ли значительный ущерб рыбному или охотничьему хозяйству окончательно может только суд при рассмотрении конкретного уголовного дела.

Разумеется, что для раскрытия понятия значительного ущерба из конкретных обстоятельств дела необходимо выделить те обстоятельства, которые характеризуют это понятие и тем самым раскрывают содержание объективной стороны конкретного состава преступления.

Такое решение вопроса нашло свое подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 года "О практике применения судами законодательства об охране природы". В п.4 Постановления разъяснено, что "решая вопрос о том, относится ли ущерб, причиненный незаконным и водным промыслом, охотой, порубкой леса, другими правонарушениями, к крупному, существенному или значительному, и в связи с этим о квалификации содеянного, судам следует исходить из стоимости, количества добытого, поврежденного или уничтоженного и вреда, нанесенного растительному и животному миру или охраняемым объектам природы".²

Не может быть сомнений, что для раскрытия понятия значительного ущерба, необходимо глубоко расследовать и оценить те обстоятельства конкретного случая, которые относятся к нанесенному вреду охраняемым законом общественным отношениям в области использования природных богатств.

¹ Кудрявцев В. Общая теория квалификации преступлений.с.138

² "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1972, № 3, с.9.

П.4 Постановления не содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, характеризующих понятие значительного ущерба. Кроме того, содержание самого понятия значительного ущерба может меняться в конкретных условиях применения закона.

В этом отношении показательным является применение ч.2 ст.160 УК ЛатвССР в практике судов республики. Ч.2 ст. 160 УК ЛатвССР предусматривает уголовную ответственность за незаконную охоту, причинившую значительный ущерб.

Продолжительное время суды ЛатвССР по признаку значительного ущерба квалифицировали действия лиц, незаконно убивавших оленя или лося, таксовая стоимость которых 500 рублей каждого, то есть, суды исходили только из стоимости убитого зверя в денежном выражении. Поэтому, народный суд Прейльского района приговором от 25 марта 1970 года оправдал Д., который органами предварительного следствия был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 160 УК ЛатвССР за то, что он незаконно убил косулю. Суд, прекращая уголовное дело, сослался на то, что в отношении Д. ранее не были применены меры административного воздействия за такое же нарушение и поэтому не усмотрел в действиях Д. состава преступления. Но судом не было учтено другое обстоятельство - Д. своими действиями причинил значительный ущерб охотничьему хозяйству, Прокурором ЛатвССР был внесен протест в Судебную Коллегию по уголовным делам Верховного Суда ЛатвССР, в котором он просил отменить приговор народного суда и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия из-за неправильной квалификации содеянного. В протесте указывалось, что Д., убивая косулю, таксовая стоимость которой 200 рублей, причинил значительный ущерб охотничьему хозяйству, поэтому его действия содержат признаки состава преступления, предусмотренного ч.2 ст. 160 УК ЛатвССР.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда ЛатвССР протест прокурора был отклонен по мотивам, что причиненный ущерб незаконным отстрелом косули нельзя признать значительным.

Последовал протест прокурора ЛатвССР в Президиум Верховного Суда ЛатвССР и постановлением Президиума от 16 ноября 1970 года протест был удовлетворен, а все состоявшиеся по делу судебные решения отменены с передачей дела на дополнительное предварительное расследование.

Президиум Верховного Суда ЛатвССР признал, что действия Д., выразившиеся в незаконном отстреле косули, содержат признаки ч.2 ст.160 УК ЛатвССР. В постановлении Президиума указано, что при решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб охотничьему хозяйству Латв. ССР, следует руководствоваться кроме стоимости убитого зверя и значимостью данной породы животных для охотничьего хозяйства ЛатвССР.¹

В свете сказанного никак нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением, что значительный ущерб охотничьему хозяйству ЛатвССР причиняется только в случае, если одновременно убито несколько лосей и т.д.²

¹ Latvijas PSR Augstākās tiesas Biļetens, 1970, 4 Nr., 24 - 25 lpp.

² Cīrulis G. Atbildība par mežu apsardzības noteikumu pārkāpumiem. Latvijas republikāniskās zinātniski tehniskās informācijas un propagandas institūts. Rīga, 1972, 35 lpp.

Такое толкование понятия значительного ущерба применительно к ч.2 ст.160 УК ЛатвССР совершенно не соответствует практике судов ЛатвССР и не находит поддержки в юридической литературе.¹

Значительный ущерб охотничьему хозяйству причиняется и тогда, когда убито несколько животных небольшой стоимости, в течение небольшого промежутка времени.

Совершенно правильно в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 года указано, что при решении вопроса о размере ущерба, причиненного незаконной рыбной ловлей, должно учитываться не только количество добытого действиями виновного и стоимости выловленной рыбы, но и другой вред, причиненный рыбным запасам.

Можно согласиться, что к такому вреду необходимо отнести и стоимость рыбы, которая уничтожается при незаконной ловле, гибель мальков, а также уничтожение кормовых полей.²

Небезразлична должна быть и ценность породы рыбы, которая незаконно вылавливается или уничтожается.³ Последнее обстоятельство особенно важно по той причине, что в последние годы в водоемах ЛатвССР стали выращиваться новые породы рыб, часть из которых можно отнести к ценным. Вылавливание или уничтожение такой рыбы причиняет значительный ущерб рыбному хозяйству. Необходимо учесть, что

¹ Курс советского уголовного права. Т.5.М., 1971, с.530

² Там же, с. 540
Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1971, с. 267

³ В ч.2 ст. 163 УК РСФСР предусмотрен состав преступления с таким квалифицирующим признаком, как улов и убой ценных пород рыб или водных животных

для выращивания такой рыбы вложены значительные денежные средства и человеческий труд. Сказанное, конечно, не относится к незаконному вылову рыбы, выращиваемой рыбозаводами, рыбхозами и колхозами в специально устроенных или приспособленных водоемах. Такие действия виновных лиц, если им об этом было заведомо известно, следует квалифицировать как хищение или уничтожение государственного или общественного имущества.

Для установления, какой ущерб причинен рыбному хозяйству, в необходимых случаях органами следствия и судом следует пригласить ихтиологов, ботаников, зоологов и других лиц, обладающих специальными знаниями в этой области.

К сожалению, по делам данной категории, рассмотренных в судах ЛатвССР, такие экспертизы не проводились.

Ч.2 ст. 161 УК ЛатвССР предусматривает уголовную ответственность за незаконную порубку леса в крупных размерах. В данном составе преступления по другому обозначается ущерб, причиненный лесному хозяйству, по сравнению с оценочным признаком, который законодателем употребляется в ст.ст. 159 и 160 УК ЛатвССР.

Представляется, что обозначение ущерба оценочным признаком "крупный размер" в ч.2 ст.161 УК ЛатвССР, является неудачным, так как такая формулировка объективной стороны преступления не отражает существо того ущерба лесному хозяйству, за причинение которого необходимо установить уголовную ответственность.

Понятие крупного размера мы обычно связываем с такими преступлениями как хищение государственного или общественного имущества, спекуляция и т.д. Такое обозначение ущерба в нашем представлении шире, по размеру больше, чем значительный или существенный ущерб.

Требование причинения столь большого ущерба лесному хозяйству для наступления уголовной ответственности по

ч. 2 ст. 161 УК ЛатвССР, как это охватывается понятием крупного размера, не способствует борьбе с правонарушениями в лесном хозяйстве. В таком случае безнаказанными останутся лица, которые совершают действия, представляющие значительную общественную опасность, но не подпадающие под признак крупного размера. Поэтому следовало бы отказаться от употребления оценочного признака "крупный размер" в ч.2 ст.161 УК ЛатвССР и придерживаться одинакового обозначения вреда как лесному, так и рыбному и охотничьему хозяйству.¹

Мы предлагаем в диспозиции ст. 161 УК ЛатвССР оценочный признак "крупный размер" заменить признаком "значительный ущерб", который в достаточной мере характеризует тот ущерб за причинение которого необходимо устанавливать уголовную ответственность в ч.2 ст. 161 УК ЛатвССР. Кроме того, судебная практика судов ЛатвССР уже имеет определенный опыт толкования такого оценочного признака состава преступления в области охраны природных богатств.

При этом мы исходим из того положения, что понятия "значительный ущерб" и "крупный размер", которые употребляются в ст.ст. 159, 160 и 161 УК ЛатвССР, являются едиными по содержанию и по смыслу и единственное различие между ними состоит лишь в словесной форме их выражения.

В дальнейшем при исследовании содержания объективной стороны данных преступлений, мы будем придерживаться понимания такого ущерба, который охватывается признаком значительного ущерба.

¹ В статьях УК РСФСР, которые предусматривают уголовную ответственность за незаконную рыбную ловлю (ст.163), незаконную охоту (ст.166) и незаконную порубку леса (ст.169), употребляется одинаковое обозначение оценочного признака - крупный ущерб

При определении ущерба, за причинение которого наступает уголовная ответственность по ч.2 ст.161 УК ЛатвССР, кроме размера причиненного ущерба в денежном выражении, который значительно выше указанного в ч.1 ст.161 УК, должно учитываться как количество срубленных деревьев, так и ценность породы леса.

Уголовная ответственность за незаконную порубку леса наступает в тех случаях, когда причинен ущерб на сумму, которая превышает указанную в ч.1 ст.161 УК. При определении в законе установленного размера ущерба по таксовым ценам, учитываются только диаметр срубленного дерева у пня и то, к какой категории относится лес, в котором произведена незаконная порубка.¹

Однако, не может быть безразличным и то обстоятельство, к какой породе относится срубленное дерево, независимо от того, где оно растет, если оно уже в настоящее время или в будущем представляет собою значительную ценность для лесного хозяйства. Поэтому в таких случаях незаконной порубки деревьев, виновное лицо должно отвечать по ч.2 ст.161 УК ЛатвССР.

В ч. 3 ст. 161 УК ЛатвССР отдельно выделена уголовная ответственность за незаконную порубку деревьев на территории городов, курортов, в полевых защитных, почвозащитных, берегозащитных лесах, государственных заповедниках, лесах зеленых зон вокруг городов, а также придорожных деревьев, если указанные нарушения не носят характера мелкой порчи насаждений.

¹ Приложение # I к постановлению Совета Министров Латв. ССР от 12 декабря 1968 года # 568, Таксы для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный населением незаконной порубкой растущего леса, повреждение растущих деревьев до степени прекращения роста. См. указ. сб. Охрана природы и памятников Латвийской ССР, с.114

Поэтому мы не касаемся затронутого в юридической литературе вопроса о том, следует ли учесть при раскрытии понятия крупного размера и место незаконной порубки леса,¹ так как решение этого вопроса находит свое отражение в законе, предусматривая повышенную уголовную ответственность за порубку деревьев в указанных местах по сравнению с незаконной порубкой леса, предусмотренной в ч.1 ст.161 УК ЛатвССР

Спорным является и решается не всегда одинаково вопрос о том, каких зверей и птиц следует считать такими, охотиться на которых полностью запрещено.

В ч.2 ст.160 УК ЛатвССР предусмотрена уголовная ответственность за охоту на зверей и птиц, охотиться на которых полностью запрещено.

Диспозиция ч.2 ст.160 УК ЛатвССР является бланкетной и для установления объективной стороны состава преступления, необходимо обратиться к другим нормативным актам.

Одним из таких актов является Положение об охоте и охотничьем хозяйстве ЛатвССР, утвержденное постановлением Совета Министров ЛатвССР от 11 марта 1964 года № 127.

Пунктом 33 Положения (в редакции постановления Совета Министров Латвийской ССР от 18 декабря 1968 года № 571) установлено, что в течение всего года запрещается охота на медведей, бобров, белок, тетеревов, ланей, лебедей, самок глухарей и тетеревов, а также на всех зверей и птиц, охраняемых законом.²

Под зверями и птицами, которые охраняются законом в смысле п.33 Положения, понимаются также и запрещенные к добыче виды зверей и птиц, которые перечислены в приложении № 4 к постановлению Совета Министров

¹ Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1973, с.366

² См. указ. сб. Охрана природы и памятников Латвийской ССР, с. 146

ЛатвССР от 24 апреля 1957 года № 219 (например, орлы, аисты (черный и белый), все совы и др.).¹

Из положений этих нормативных актов следует, что в свое время неправильно на практике был применен уголовный закон, когда причисляли к зверям, охотиться на которых полностью запрещено, и тех зверей, на отстрел которых ежегодно устанавливается определенный лимит. Такое понимание данного квалифицирующего признака противоречит грамматическому толкованию слов закона "полное запрещение", под которым следует понимать, что никто и ни при каких обстоятельствах не имеет право охотиться на этих зверей и птиц. Такого мнения придерживается и судебная практика в настоящее время. Так следственным органам к уголовной ответственности по ч.2 ст.160 УК ЛатвССР были привлечены П. и Б. за то, что они из ружья убили лося, охотиться на которого полностью запрещено.

Приговором народного суда Стучкинского района от 12 июня 1970 года правильно было признано, что лось не является зверем, охотиться на которого полностью запрещено, хотя на отстрел лосей установлен определенный лимит, поэтому в действиях П. и Б. суд не усмотрел этого квалифицирующего признака ч.2 ст.160 УК ЛатвССР.²

В юридической литературе недостаточное внимание уделяется вопросу о том, с какого момента незаконная рыбная ловля и незаконная охота признается оконченным преступлением. Правильное решение этого вопроса имеет большое практическое значение, так как от этого зависит квалификация содеянного и назначение наказания виновным.

¹ См. указ, сб.: Охрана природы и памятников Латвийской ССР, с.64-65

² Latvijas PSR Augstākās tiesas Biļetens, 1971, 2.Nr., 45. - 46. lpp.

Основные составы рассмотренных нами преступлений относятся к формальным, а в формальных преступлениях, как известно, преступные последствия вынесены за пределы объективной стороны преступления. Поэтому уже само совершение действий, предусмотренных в диспозиции соответствующей статьи, образует окончательный состав преступления.

Это положение в первую очередь следует применить к тем формальным преступлениям, которые формулируются как нарушение или невыполнение тех или иных предписаний других нормативных актов. Сказанное вполне относится к таким преступлениям, как незаконная рыбная ловля и незаконная охота.

Исходя из выше нами предложенных определений рыбной ловли и охоты, можно сделать вывод, что независимо от получения добычи в результате незаконной охоты и рыбной ловли, сам факт такой охоты или рыбной ловли при установлении других необходимых признаков объективной стороны состава преступления (предварительное применение мер административного воздействия на аналогичное правонарушение и т.д.) уже образует окончанный состав преступления.

Надо отметить, что сказанное относится к основным составам названных преступлений, то есть, без учета квалифицирующих признаков.

Изложенное в отношении такого преступления, как незаконная рыбная ловля, нашло подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 года, в котором сказано, что уголовная ответственность за производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов наступает независимо от того, была или не была добыта рыба или водное животное.^I

^I "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1972, № 3, с. 9

В юридической литературе уже высказывалось мнение о том, что незаконную охоту следует считать законченным преступлением, если установлено выслеживание или преследование зверя с целью добычи, хотя и браконьер не добыл его.¹

Таким образом, в таких преступлениях, как незаконная рыбная ловля и незаконная охота, без квалифицирующих признаков, отсутствует одна из стадий предварительной преступной деятельности - покушение. Приготовление к совершению этих преступлений имеет место, так как приготовительные действия виновного лица еще непосредственно не направляются на достижение преступного результата.

Рассмотренные в данной статье проблемы требуют дальнейшего тщательного теоретического исследования, а также всесторонней проверки правоприменительной деятельности следственных и судебных органов.

Правильное и единообразное применение законодательства об охране природы будет способствовать выполнению задач, поставленных XXIV съездом КПСС, в области усиления охраны природы, в рациональном использовании природных ресурсов и воспроизводстве растительного и животного мира.

¹ Курс советского уголовного права. Часть Особенная, Т.5. 1971, с.529

Э. Стумбина

доктор юрид. наук

СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ

Преступность – сложное социальное явление.¹ Чтобы борьба за сокращение и ликвидацию преступности в нашей стране была успешной, необходимо знать не только общие причины, порождающие ее, но и причины, порождающие конкретные преступления и виды преступлений, что невозможно без наличия криминологической характеристики как по стране в целом, так и по отдельным республикам, а также по областям, районам, городам. Криминологическая характеристика преступности, как известно, обычно складывается из трех элементов, из трех составных частей: состояния, структуры, динамики.

Определение этих понятий дано в работах И.И.Карпеца, В.Н.Кудрявцева, Н.Ф.Кузнецовой и других советских криминологов.

В этой статье речь пойдет только об одном из элементов криминологической характеристики преступности – о ее структуре.

Под структурой преступности обычно понимается ее качественная характеристика. Но при решении вопроса о том, что именно, какие показатели следует включать в эту характеристику, советские криминологи высказывают различные точки зрения. И.И.Карпец, например, считает, что структура преступности – это удельный вес и соотношение наиболее тяжких и распространенных видов преступлений в

¹ "Преступность – это относительно массовое; исторически изменчивое социальное явление, имеющее уголовноправовой характер, явление классового общества, складывающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени" (Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969, с. 173)

общем их числе за определенный период времени на определенной территории.¹ Другие авторы полагают, что в понятие структуры преступности следует включать не только те признаки, о которых пишет И.И.Карпец, но и ряд других; что она характеризуется целым комплексом показателей. Н.Ф.Кузнецова сначала называла такие признаки, характеризующие структуру преступности, как характеристика лиц, совершающих преступления, по полу, возрасту и социальному положению; мотивы, время, место, способы совершения преступных деяний.² Позже, в монографии "Преступление и преступность", в этот комплекс она включила десять признаков: соотношение тяжких, менее тяжких и малозначительных преступлений; соотношение умышленных и неосторожных преступлений; соотношение и удельный вес групп преступлений (по главам особенной части УК); соотношение и удельный вес нескольких наиболее распространенных преступлений; удельный вес рецидивной, профессиональной и групповой преступности, а также преступности несовершеннолетних; наказуемость преступлений; их территориальную распространенность.³ А.Э.Малинский и А.А.Герасун в статье "Криминологические аспекты непредумышленных преступлений", в целом соглашаясь с этим перечнем Н.Ф.Кузнецовой, предлагают включить в него соотношение не только умышленных и неосторожных, но умышленных, неосторожных и непредумышленных преступлений, что, по их мнению, значительно бы уточняло социальную

¹ Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969, с.120

² Криминология, М., 1968, с.99; О понятии преступности и ее основных чертах. Вестник МГУ (серия Право), 1966, № 6, с. 38,39

³ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность, с. 178, 179, 181

характеристику преступности.¹

Большинство же криминологов в своих работах, как правило, не дают перечня признаков структуры преступности, а или ссылаются на те работы, где такой перечень имеется,² или просто характеризуют преступность в соответствии с этими признаками, не перечисляя их.

Таким образом, содержание понятия структуры преступности как в работах различных авторов, так и в работах одного и того же автора, но написанных в разное время, определяется не одинаково. Перечень признаков, характеризующих структуру преступности, существенно отличается.

Это порождается, видимо, во-первых, сложностью осуществления структурного анализа преступности как такового; во-вторых, отсутствием более или менее значительной и стабильной практики решения этого вопроса; и, в-третьих, различием задач, стоящих перед теми, кто анализирует структуру преступности (делается это для научных целей, т.е. в более теоретическом плане, или для практических целей). В первом случае анализируется (или предполагается анализировать), как правило, максимум показателей структуры преступности, во втором — минимум.

Думается, что, определяя структуру преступности, следует прежде всего, исходить из точного понимания самого слова структура (строение, внутреннее устройство).³ Исходя из такого его понимания, а также из реальных возможностей анализа внутренней организации преступности, достаточно репрезентативным будет анализ, складывающийся из следующих эле-

¹ "Вопросы борьбы с преступностью". Вып. I5, М., 1972, с. 8

² Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 107

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под общей ред. акад. С.П. Обнорского. М., 1952, с. 717

ментов; соотношение и удельный вес групп преступлений (по главам особенной части УК); соотношение и удельный вес наиболее распространенных преступлений; соотношение тяжких, менее тяжких и малозначительных преступлений в видах преступлений; соотношение умышленных и неосторожных преступлений; удельный вес рецидивной преступности; удельный вес преступности несовершеннолетних; удельный вес женской преступности; территориальная распространенность преступлений (для района, города - по объектам).

При этом следует отметить, что некоторые из названных показателей в тех случаях, когда анализируется не только структура, а дается полная криминологическая характеристика преступности, рациональней рассматривать в разделе о состоянии преступности (преступность несовершеннолетних, территориальная распространенность и др.).

Исходя из этого перечня, постараемся проанализировать структуру преступности в ЛатвССР в 1970-72 гг., используя для этого данные о судимости отдела криминологии Латв.Научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз и криминологии.

Начнем с того, что в 1970 г. наиболее распространенными преступлениями являлись:

хулиганство (ст.204 УК ЛатвССР);

преступления против личного имущества граждан (ст.ст. 139, 140, 141, 142);

преступления против государственного и общественного имущества (ст.ст.85, 86, 97, 88, 89, 89¹);

нарушение правил движения автотранспорта (ст.213).

Они составляют почти три четверти преступлений, за совершение которых виновные были осуждены судами республики.

Обращает на себя внимание тот факт, что процентный интервал между хищением государственного и общественно-

гл имущества и следующего за ним преступления (нарушения правил движения автотранспорта) в два раза превышает интервал между стоящими перед ним хулиганством и хищением личного имущества граждан. Еще более велик интервал между тремя наиболее распространенными преступлениями и другими преступлениями, например, насильственными преступлениями, в частности, умышленными убийствами и т.д.

Это как бы выделяет в структуре преступности первые три вида преступлений в отдельную группу.

Интересно при этом отметить, что С.С.Остроумов в брошюре "Советская судебная статистика" приводит данные, показывающие, что в целом по Союзу структура преступности несколько иная: хищение социалистической собственности; хулиганство;

преступления против личного имущества граждан;
дела частного обвинения (клевета, оскорбления, побои);
преступления против личности;
автотранспортные преступления;
прочие (назв. работа, М., 1969, с.21).

Эти данные свидетельствуют с одной стороны о том, что в общесоюзном масштабе (1968 -69 гг.) наиболее распространенными являлись преступления против общественного и государственного имущества, а не хулиганство, как в ЛатвССР. С другой стороны, что те же три вида преступлений (хулиганство, хищения общественного и государственного имущества, хищения личного имущества граждан) и в общесоюзном масштабе стоят на первом месте, являясь наиболее распространенными.

Этот факт обязывает особенно пристально изучать данную часть преступности, акцентируя внимание как на особенностях каждого из перечисленных видов преступлений, так и на том общем, что объединяет их в плане причин и условий, способствующих совершению преступлений, и в плане личности

преступника.

И первое, с чего, видимо, следует начинать такое изучение, это расчленение каждого вида преступления на составляющие его части, с тем, чтобы выделить, если можно так выразиться, простейшие элементы, без изучения которых невозможно по-настоящему охарактеризовать структуру преступности. Например, в ст. 204 УК ЛатвССР, носящей наименование "Хулиганство", имеются три части, первая из которых предусматривает ответственность за простое хулиганство и за мелкое хулиганство, совершаемое лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия за мелкое хулиганство; вторая - за злостное хулиганство; третья - за действия, предусмотренные частями первой и второй, если они совершены с применением или попыткой применения оружия и других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений. И осужденных за хулиганство, как таковое, тоже можно разделить на три группы, каждая из которых отличается по своему удельному весу.

На долю осужденных по ч. I и по ч. II ст. 204 приходится примерно одинаковое количество осужденных по этой статье (примерно такова же и доля этих преступлений), а по ч. III - во много раз меньше.

Такой анализ помогает раскрыть степень общественной опасности хулиганства, увидеть, что эта степень не одинакова, что наиболее общественно опасные деяния (ч. III ст. 204 УК ЛатвССР) имеют наименьший удельный вес, и в то же время наименее общественно опасное хулиганство (ч. I ст. 204 УК ЛатвССР) - значительно больший.

Аналогичным образом можно проанализировать и преступления против личной собственности граждан, против государственной и общественной собственности и др.

Так, в структуре деяний, объединенных в группу преступлений против личной собственности, кража (ст.139 УК ЛатвССР) стоит на первом месте; на втором - грабеж (ст.140 УК); на третьем - разбой (ст.141 УК); на четвертом - мошенничество (ст.142 УК). При этом удельный вес каждого последующего преступления в несколько раз меньше предшествующего.

Эти данные свидетельствуют о том, что на более общественно опасные виды преступлений против личной собственности граждан также имеют наименьший удельный вес и наоборот - менее общественно опасные - больший удельный вес.

Та же картина и в хищениях государственного и общественного имущества.

Более того, сказанное характерно и для других видов преступлений: в структуре преступности республики вообще преобладают менее тяжкие и малозначительные преступления.

Удельный вес видов преступлений в структуре преступности, как правило, обратно пропорционален их общественной опасности.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют подкрепить этот вывод, исходя из структуры особенной части УК ЛатвССР, также следующим: государственные преступления (особо опасные и иные государственные преступления) по своему удельному весу в структуре преступности стоят на одном из самых последних мест; преступления против социалистической собственности - на третьем месте; преступления против личности - на одном из последних; преступления против политических, трудовых и иных прав граждан - на самом последнем; преступления против личной собственности граждан - на втором; хозяйственные

преступления, должностные преступления, преступления против правосудия, преступления против порядка управления - так редки, что их даже нет смысла выделять в самостоятельные группы; и, наконец, преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения - на первом месте.^I

Таким образом, анализ структуры преступности в республике позволяет сделать вывод, что наиболее общественно опасные преступления совершаются сравнительно редко. Необходимость профилактики этих преступлений, внимание к ним со стороны органов, осуществляющих специальную превенцию, диктуется именно их тяжестью и опасностью для государства и граждан, а не распространенностью. Другое дело - менее общественно опасные преступления. Необходимость не только продолжения борьбы с ними, но и усиление этой борьбы, диктуется именно распространенностью этих преступлений (количество переходит в качество).

Известные указания Партии и Правительства на необходимость усиления борьбы с хулиганством как раз в силу названной закономерности и не теряют своей актуальности, особенно для нашей республики. То же и в отношении имущественных преступлений, борьба за сокращение которых, видимо, должна быть усилена.

^I Данными о воинских преступлениях, дела о которых рассмотрены военными трибуналами, автор не располагает

Анализ структуры преступности можно продолжить, выделив преступность несовершеннолетних и показав структуру этой преступности, ее наиболее характерные черты.

Из каких преступлений складывается преступность несовершеннолетних, каков удельный вес тех или иных преступлений?

В исследуемый период несовершеннолетние были осуждены за следующие преступления (в зависимости от удельного веса):

против личной собственности граждан;

хулиганство;

против государственной и общественной собственности;

изнасилование;

остальные преступления.

Сравнение этих данных с аналогичными данными в отношении совершеннолетних осужденных показывает, что удельный вес осужденных (им более или менее точно соответствует и удельный вес преступлений) за одинаковые преступления не совпадает. Здесь на первом месте стоит не хулиганство, а хищение личной собственности граждан; на втором - хулиганство, а не хищение личной собственности; на третьем - хищение государственной и общественной собственности; на четвертом - изнасилование.¹

¹ Наши данные не совпадают с данными, приводимыми Н.Ф.Кузнецовой, отмечающей, что наиболее распространенными являются: кража социалистического или личного имущества (едва ли удачно говорить только о краже, во-первых, и, во-вторых, объединять преступления против социалистического и против личного имущества); телесные повреждения, хулиганство; половые преступления. Такое несовпадение может зависеть от многих обстоятельств, в том числе и от объема изученного массива; и от времени, когда это изучение было произведено (разница в несколько лет может изменить всю картину) и от многого другого. Но возможно, что несовпадение действительно имеет место в силу определенных более глубоких причин. (Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. с.207)

Отличается не только "распределение мест", но и удельный вес отдельных видов преступлений. Так, удельный вес осужденных за хулиганство, занимающих второе место в общем количестве несовершеннолетних осужденных, выше, чем удельный вес совершеннолетних, осужденных за хулиганство, хотя хулиганство совершеннолетних имеет наиболее высокий удельный вес (первое место). Вместе с тем, удельный вес несовершеннолетних, осужденных за преступления против личной собственности граждан (первое место среди осужденных несовершеннолетних) выше, чем удельный вес совершеннолетних, осужденных за самое распространенное преступление (хулиганство). Это объясняется в значительной степени тем, что в соответствии со статьей 10 УК ЛатвССР несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет подлежат уголовной ответственности не за все преступления, а только за убийство (ст.ст. 98-100), умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья (ст.ст. 105-108 и 109 часть первая), изнасилование (ст.121), разбойное нападение (ст.ст. 87 и 141), грабег (ст.ст. 86 и 140), кражу (ст.ст. 85 и 139), злостное хулиганство (ст.204 части вторая и третья) и еще три вида преступлений (ст.ст. 95 часть вторая и 146 часть вторая; ст.219, ст.81). Круг преступлений, совершаемых несовершеннолетними, значительно уже круга преступлений, совершаемых взрослыми (в силу объективных обстоятельств). Таким образом, перечень преступлений, совершаемых несовершеннолетними, короче, чем перечень преступлений, совершаемых взрослыми, и в связи с этим удельный вес каждого вида преступлений выше, чем у взрослых (хотя в абсолютных цифрах во много раз меньше). Возможно, что при более детальном анализе обнаружатся и другие причины.

Имеется некоторое своеобразие и в структуре (или точнее, в структуре судимости) отдельных преступлений несовершеннолетних.

Если проанализировать с этой точки зрения хулиганство, то выявляется такая картина (1970 г.). Удельный вес наиболее общественно опасного хулиганства у взрослых и несовершеннолетних осужденных по ст.204 УК ЛатвССР, почти совпадает; удельный вес менее общественно опасных видов хулиганства свидетельствует о противоположных тенденциях. За простое и повторное мелкое хулиганство несовершеннолетних осуждено значительно меньше, чем взрослых; а за злостное хулиганство (ч.II) наоборот - больше, чем взрослых. Можно считать, что примерно таково же и соотношение преступлений. Эта закономерность требует специального исследования. Но, думается, что кроме других обстоятельств, не последнее место здесь занимает тот факт, что по ст.204, ч. I привлекаются несовершеннолетние в возрасте от 16 лет, а по ч. II и III - от 14 лет (ст.10 УК ЛатвССР).

Характеризуя структуру преступности несовершеннолетних, следует сказать также, что значительная часть преступлений совершается группами. При этом половина групповых преступлений - это преступления, совершенные несовершеннолетними совместно со взрослыми (данные по республике мало отличаются от общесоюзных).^I

Среди лиц, осужденных за совершение преступлений, подавляющее большинство преступлений совершается мужчинами, а примерно одна восьмая часть - женщинами. Соотно-

^I Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. с.207

шение женщин и мужчин среди осужденных не соответствует их удельному весу среди всего населения республики.

Среди осужденных это соотношение равняется 1:7, среди всего населения 1:0,8 (на 1 января 1971 г.).¹

При этом нельзя забывать, что приведенное соотношение — соотношение усредненное, в разных видах преступлений оно не одинаково. Так, среди осужденных по ст. 100 (убийство материю своего новорожденного ребенка), женщины, естественно, составляют 100%, т.е. все эти преступления совершаются только женщинами; то среди осужденных по ст. 150 (обман покупателей) — более половины, а по ст. 204 (хулиганство) — не достигает и одной десятой.

То же самое можно сказать и о рецидиве: степень распространенности преступлений, совершенных рецидивистами, не одинакова для разных видов преступлений (особая распространенность в кражах личной собственности и некоторых других видах преступлений). В рамках настоящей статьи нет необходимости более детально рассматривать эти вопросы: это надлежит скорей, делать при анализе состояния преступности. Можно лишь добавить, что общие показатели рецидива и преступности женщин совпадают с общесоюзными.² При более же детальном исследовании могут выявиться и некоторые особенности, как это уже имело место в ряде других показателей.

Где совершаются преступления, какова их территориальная распространенность?

¹ Латвийская ССР в 1970 году. Краткий статистический сборник, Рига, 1971, с. 21

² Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. с. 204-205

Сравнительно высок уровень преступности в пределах Рижской агломерации, а также в городах и районах, где наблюдается повышенный приток мигрантов (главным образом, в связи в большим размахом строительства). И в то же время уровень преступности в ряде крупнейших городов республики (Даугавпилс, Лиепая, Резекне) ниже среднереспубликанского (1971 г.). В некоторых же районах (Алуксненский, Валкский, Мадонский и некоторые другие) уровень преступности еще ниже.

Вместе с этим нельзя не отметить, что, как правило, не все виды преступлений в этих городах и районах имеют совершенно одинаковый уровень (не одинаков их коэффициент в расчете на одинаковое количество населения) — одних преступлений там совершается больше, других меньше. Так, например, в Крмале уровень хулиганства и имущественных преступлений выше среднереспубликанского, а телесных повреждений — ниже.

Нужно отметить еще, что и уровень преступности несовершеннолетних не только в разных городах и районах, но и в разных по типу населенных пунктах, а также в целом в городах и в сельской местности, не одинаков. В городах республики он несколько выше, чем в сельской местности.

Различен и удельный вес отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними в городах и в сельской местности (удельный вес хулиганства, например, в сельской местности меньше, чем в городах и т.д.).

Такова примерная структура преступности в республике. Анализ структуры можно было бы продолжать, особо останавливаясь на таких его аспектах как рецидив в разных видах преступлений, рецидив в "женской" преступности и т.д., но и те аспекты, которые рассмотрены, позволяют судить о том, какие преступления совершаются

особенно часто; каковы тенденции в структуре преступности в плане степени общественной опасности преступлений и т.д.

Анализ структуры преступности можно сделать и по материалам отдельного района или города. Он поможет, с одной стороны, выяснить из каких преступлений складывается преступность именно в этом районе или городе; установить наиболее интенсивно "работающие" статьи уголовного кодекса; а с другой — более точно направлять профилактическую деятельность органов юстиции; согласовывать общие задачи, стоящие перед этими органами в пределах всей республики с конкретными задачами отдельных районов и городов.

Сравнение структуры преступности в пределах разных районов и городов может помочь активизации обобщения и изучения лучшего опыта осуществления общей и специальной превенции.

Ученым же криминологам и криминалистам анализ структуры преступности может подсказать более правильные ориентиры для выбора в качестве объектов криминологических и уголовноправовых исследований именно тех вопросов, которые являются наиболее актуальными, ответов на которые ждет практика, а также — определить некоторые элементы криминологического прогнозирования, актуальность которого все более и более повышается в свете задач, стоящих сегодня как перед криминологической наукой, так и перед практикой борьбы с преступностью (в первую очередь хулиганство, имущественные преступления, некоторые аспекты преступности несовершеннолетних и др.)₂

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЧЕТАНИЯ МЕТОДОВ
УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Задачи уголовного судопроизводства, предусмотренные статьей 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик решаются при сочетании методов убеждения и принуждения. Непосредственной целью уголовного процесса по каждому делу является установление истины, применение справедливой меры воздействия к лицу, совершившему преступление, ограждение граждан от необоснованного обвинения и обеспечение воспитательного воздействия судопроизводства.

Использование методов убеждения и принуждения в уголовном процессе особый характер приобретает в связи с тем, что до вступления приговора в законную силу правовое и моральное положение обвиняемого связано с презумпцией невиновности. В постановке проблемы и практическом применении этих методов это приводит к затруднениям, не встречающимся в других отраслях права и практической деятельности. Определение четких границ в применении методов убеждения и принуждения в уголовном процессе весьма сложно.

Идея сочетания методов воздействия на общности людей и отдельные личности глубоко разработана в ленинских произведениях.

В.И. Ленин подчеркивал, что успехи политической власти рабочего класса объясняются умелым соединением принуждения и убеждения.¹

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 139

Убеждение и принуждение — это самостоятельные методы воздействия на личность. Предпосылкой решения проблемы сочетания методов в любой отрасли является их четкое разграничение. В зависимости от конкретной обстановки и объектов воздействия могут быть применены разнообразные средства убеждения и принуждения.

Это создает логическую предпосылку классификации методов и средств воздействия. Основой классификации методов, очевидно, является механизм воздействия на личность.

Механизм воздействия дает реальную возможность не только разграничивать методы воздействия, но и определить содержание, условия их эффективности, перспективу развития их соотношения.

В нормах уголовно-процессуального права регламентировано поведение участников уголовного судопроизводства. Но одно лишь существование уголовно-процессуальных норм еще не означает достижения желаемого результата. Необходимо добровольное соблюдение норм предусмотренного поведения, либо принятие специальных принудительных мер для выполнения требований права. Даже знание уголовно-процессуальных норм еще практически не решает вопроса о добровольном их соблюдении. Наоборот, это знание дает иногда возможность недобросовестным людям уйти от ответственности за несоблюдение уголовно-процессуальных норм. Например, потерпевший может сознательно не являться на заседание суда, ибо в законе не предусмотрена возможность его привода в суд, как это имеет место в отношении свидетеля.

Если соблюдение уголовно-процессуальных норм на почве их знания стало личным убеждением человека, то содержанием убеждения выступает уже не уголовно-процессуальная норма, а внутренне принятые человеком принципы поведения. Но было бы неправильно абстрагироваться от процесса формирования этого конечного результата — внутреннего убеждения человека. Нам в большей степени интересуют метод достижения этого конечного результата, сам процесс воздействия не только на правонарушителя, но и на любого человека, так как он при определенных обстоятельствах может оказаться участником процесса в качестве свидетеля, эксперта, потерпевшего и т.д. Здесь влияние на качество нормального осуществления уголовно-процессуальных функций будет иметь не только убеждение, как конечный результат морального влияния, но и соответствующая деятельность по формированию нравственного убеждения участника процесса.

Однако, законодатель не может рассчитывать на то, что все члены общества одинаково понимают и выполняют уголовно-процессуальные нормы, поэтому для решения практических вопросов необходимо допускать возможность общественно вредных действий и проступков.

При рассмотрении сущности убеждения в уголовно-процессуальной деятельности надо учитывать не только объективно-принудительный характер требований норм уголовного процесса, но и субъективное чувство принуждения. Объективно-принудительный характер имеет целый ряд уголовно-процессуальных действий, например, применение мер пресечения, осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос подозреваемого, обвиняемого, свидетеля. Однако субъективное чувство принуждения в не-

которых случаях может и отсутствовать.

Нельзя согласиться с М. Д. Шаргородским, который считает, что характер уголовно-процессуальных норм "заключается вовсе не только в том, что к нарушителям права применяются меры принуждения, а в том, что лица, которые хотели бы поступить иначе, поступают в соответствии с правовыми нормами, учитывая, что в противном случае к ним будут применены меры принуждения".¹

Это положение правильно лишь в отношении нарушителей права, подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Прочие же участники уголовного судопроизводства подчиняются воле государства, выраженной в уголовно-процессуальных нормах в большинстве случаев добровольно, а не в принудительном порядке. Было бы неправильно полагать, например, что должностные лица компетентных государственных органов, представители общественных организаций (коллективов трудящихся) и многие другие действуют соответственно регламентированному в нормах уголовно-процессуального права поведению из страха ответственности, грозящей им в случаях, если они будут действовать иначе.² Но в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуальных норм, сознательно и добровольно могут действовать также обвиняемые и подсудимые, если они

¹ Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататарского общества. М., 1957, с. 7

² Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, с. 81

осознали свою вину перед обществом и готовы понести наказание. Такое добровольное подчинение уголовно-процессуальным нормам чаще всего можно встретить по делам о преступлениях, совершенных по неосторожности (см. например, ст.ст. 103, 110, большинство дел по ст.213 УК ЛатвССР и др.).

Если же человек совершает преступление обдуманно, сознательно, то трудно ожидать от него и добровольного подчинения уголовно-процессуальным нормам.

Для уточнения характера мер уголовно-процессуального принуждения необходимо указать на основные виды этих мер.

Все меры уголовно-процессуального принуждения можно разделить на три группы.

1. Меры, при помощи которых обеспечиваются интересы юрисдикции, т.е. меры, устраняющие возможность уйти от ответственности за совершенное преступление. К этим мерам относятся меры пресечения, а также задержание подозреваемого.

2. Меры, при помощи которых устанавливаются и закрепляются доказательства. К этим мерам можно отнести ряд следственных действий, предусмотренных статьями 168, 173, 183 и др. УПК ЛатвССР.

3. Меры, предусмотренные для поддержания порядка в зале судебного заседания.^I

Все указанные меры процессуального принуждения имеют одинаковую юридическую природу. Они служат обеспечению выполнения процессуальных обязанностей, например, для выполнения процессуальных обязаннос-

^I См. также - Liede A. Kriminālprocess un tiesu pierādījumi. Rīga, 1971, 182 lpp.

тей дачи показаний свидетелями, для возмещения причиненного преступлением материального ущерба и т.п. По своей юридической природе меры процессуального принуждения не являются наказанием, хотя и в ряде случаев значительно ограничивают права личности в целях уголовного судопроизводства. Весьма своеобразно и использование этих мер при вступлении в процессуальные правоотношения. Практически здесь находит место как добровольное, так и принудительное вступление субъектов в эти отношения.

В своей работе "Сущность советского уголовно-процессуального права" П.С.Элькинд высказывает мнение, что субъекты уголовно-процессуальных правоотношений, как правило, вступают в эти правоотношения не добровольно, но главным образом по властному распоряжению государственных органов (следствия, прокуратуры, суда).^I

Но с этим положением не всегда можно согласиться. Даже в том случае, когда уголовно-процессуальные правоотношения возникают по инициативе государственных органов, они не обязательно сочетаются с принуждением или даже с властным началом. Примером могут служить дела частного обвинения, которые возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего и прекращаются в случае примирения потерпевшего с обвиняемым.

Это формы и методы добровольного и сознательного формирования правоотношений в уголовном судопроизводстве.

^I См. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, с.70

Однако, в настоящее время в уголовном судопроизводстве преобладает принцип публичности. Отсюда государственные компетентные органы вправе не только допускать, но и принуждать отдельных субъектов к вступлению в уголовно-процессуальные отношения. Это принуждение может быть допущено лишь в случаях, предусмотренных в нормах уголовного процесса.

Нормы уголовно-процессуального права имеют своей целью наиболее эффективное осуществление задач уголовного судопроизводства.

Как и другие правовые нормы, нормы уголовно-процессуального права являются классовым регулятором поведения людей, в данном случае участников уголовного судопроизводства. С помощью этих норм, обеспечивая надлежащую организацию их применения и исполнения, советское социалистическое государство направляет поведение лиц, участвующих в возбуждении, расследовании и разрешении уголовных дел в соответствии с задачами уголовного судопроизводства.

"Как бы ни была сформулирована уголовно-процессуальная норма, в виде ли запрета или дозволения, предписания или ограничения, она всегда в конечном счете указывает на то, как может (должен) вести себя участник уголовного процесса в условиях определенной процессуальной ситуации".² Но данный образ действий применим к методу борьбы за добровольное соблюдение норм уголовного процесса. В то же время надо учесть, что

¹ См. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961, с.60

² Элькинц П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, с.109

правонарушителей не только убеждают, но и принуждают.

Об убеждении и принуждении нельзя говорить как о различных методах достижения соблюдения уголовно-процессуальных норм. Речь идет об их соблюдении путем мер общественного или государственного воздействия. Если говорить о мерах общественного воздействия, то здесь "... имеет место такое сближение убеждения, воспитания и принуждения, что порой трудно провести четкое разграничение между ними".^I

Например, если мера пресечения не гарантирует определенное поведение обвиняемого против его воли, то это субъективно нельзя считать мерой принуждения. Такие меры пресечения как личное поручительство (ст. 74 УПК ЛатвССР) и поручительство общественной организации (ст. 75 УПК ЛатвССР) практически непосредственно не влияют на поведение обвиняемого, а лишь косвенно, через поручителей или общественную организацию. Статья 74 УПК содержит принудительный элемент — угрозу санкцией против поручителя. С поручительством связанные меры пресечения можно было бы считать мерами принуждения лишь в таком случае, если поручителю было бы предоставлено право обеспечивать явку обвиняемого к следователю против его воли. Но такое право поручителю закон не предоставляет. В случае уклонения от ответственности отвечает поручитель, а не обвиняемый. Таким образом элемент принуждения имеется лишь в отношениях между государством и поручителями. В отношениях же между государством и обвиняемым, или между обвиняемым и поручителями существует лишь взаимное доверие. А доверие есть характерная мера убеждения, но не принуждения.

^I Баймаханов М.Т. О методах осуществления общественными организациями переданных им функций государственных органов. — "Советское государство и право", 1961, № 6, с. 35

Однако отдельные авторы считают, что все меры пресечения имеют принудительный характер.¹ Такое понимание мер пресечения представляется односторонним. Это видно из приведенного выше примера такой меры пресечения как общественное поручительство или личное поручительство. Законодатель предусмотрел возможность использования принуждения путем изменения меры пресечения. Это является удачным сочетанием убеждения и принуждения. Но применение меры пресечения в каждом случае нельзя считать принуждением.² Следовательно, и в области применения таких ярко выраженных мер процессуального принуждения, как меры пресечения, находим не менее ярко выраженную возможность сочетания принуждения с убеждением.

Однако, отдельные авторы расширенно подходят к толкованию понятия принуждения в уголовном судопроизводстве. Именно такое расширенное понимание находим в работах О.Э.Лейста.

К мерам принуждения О.Э.Лейст относит отмену необоснованных судебных приговоров, а также других незаконных индивидуальных либо нормативных актов. Мерами принуждения во всех случаях О.Э.Лейст признает осмотры и выемки.

В некоторых случаях принудительный характер мер им подразумевается и вытекает из признания их юридическими санкциями. О.Э.Лейст утверждает, что "любая санкция представляет собой указание на меру

¹ См. Уголовный процесс. М., 1972

² См. Мотовиловкер Я.О. Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971, с.90

принуждения, осуществляемому в случае правонарушения органами государства".^I

Санкция нормы права, обычно действительно содержит указание на возможность применения мер принуждения. Но это в некоторых случаях допускает и диспозиция нормы права. Поэтому в плане анализа структуры правовой нормы вопрос о содержании принуждения не может быть исчерпан. Примером может служить статья 262 УПК, предусматривающая меры, принимаемые в отношении нарушителей порядка в судебном заседании. Санкция этой нормы предусматривает типичное для уголовно процессуального права стрелление оказывать определенное воздействие на правонарушителей. К числу таких санкций можно отнести, например, санкции, устанавливающие ответственность свидетеля за отказ от дачи показания или за дачу заведомо ложных показаний, эксперта — за отказ от дачи заключения или за дачу заведомо ложного заключения, специалиста — за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей, переводчика — за заведомо ложный перевод.

Отмена необоснованных приговоров суда, обязанности прокурора возвратить недостаточно полно, всесторонне и объективно расследованное уголовное дело для производства дополнительного дознания или следствия (ст.217 п.3), обязанность суда в распорядительном заседании возвратить уголовное дело на доследование в случаях, указанных в статье 235 УПК, также лишено каких-либо элементов принуждения. Принуждение в отношении судов и органов прокуратуры недопустимо.

^I Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 129, 134

Выемки сами по себе также не являются мерами принуждения, хотя иногда они и содержат отдельные элементы принуждения.

Приступая к выемке, следователь обязан предъявить постановление об этом, а затем он предлагает выдать предметы или документы, подлежащие изъятию. Лишь в случае отказа в выдаче, следователь производит выемку принудительно (статья 171 УПК Латвийской ССР).

Поэтому не следует к понятию принуждение подходить расширительно.

Но принуждение как воздействие на поведение человека нельзя смешивать с совершением различных поступков из побуждений, порождаемых какими-то другими внешними факторами, в том числе и угрозой принуждения.

Так, например, если явка к следователю по повестке, содержащей предупреждение о возможности привода осуществляется не в виду угрозы принуждением, но вполне добровольно, то это не есть еще осуществление принуждения. В данном случае человек сам приходит к следователю и никто не применяет по отношению к нему мер ни психического, ни физического принуждения.

Но, когда человек к следователю не является и поэтому подлежит приводу, то это уже есть осуществление принуждения.

В той мере, в какой человека принуждают, он не выступает как добровольно действующий субъект. В связи с принуждением он лишается определенных благ, терпит различные ограничения.

Все изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Главным условием правильного сочетания методов убеждения и принуждения в уголовном судопроизводстве является четкое соблюдение предписаний уголовно-процессуального права.

2. Уголовно-процессуальное право, будучи обеспечено силой государственно-правового воздействия для осуществления своих целей, предполагает возможность применения процессуального принуждения, но вместе с тем допускает использование также и метода убеждения.

3. Нормы уголовно-процессуального права, содержащие санкции собственно процессуального характера, допускают применение санкций из других отраслей права.

4. Возможность сочетания методов убеждения и принуждения можно найти даже в таких ярко выраженных мерах процессуального принуждения, как меры пресечения.

5. Сочетание методов убеждения и принуждения, характерное во всей деятельности советского государства, выражено также в уголовно-процессуальной деятельности, несмотря на проявление в ней государственно-властного начала.

Я. Вилдерс

О НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА СТАБИЛЬНОСТЬ ПРИГОВОРА

Судебный приговор — важнейший акт социалистического правосудия — призван служить интересам Советского государства и всего народа в борьбе с преступными проявлениями, за укрепление социалистической законности и социалистического правопорядка. Успешное выполнение этих задач требует от органов правосудия постоянной заботы о повышении воспитательного и предупредительного значения приговора.

Среди мер, принимаемых по обеспечению эффективности судебного приговора, важное место занимают меры, направленные на достижение его стабильности.

Стабильность приговора — это неизменность его смыслового содержания: изложенных в нем констатаций, выводов и решений суда по рассмотренному уголовному делу. Она распространяется на все части приговора и определяет его непоколебимость в целом, как единого, неделимого акта правосудия. Когда речь идет об изменении приговора в какой-либо части, это в то же время означает его изменение в целом как акта правосудия. Вместе с тем, это означает изменение приговора и как документа уголовного судопроизводства уголовно-процессуального акта.

В судебной статистике стабильность приговора устанавливается по отчетным периодам. Приговор, сохранивший стабильность к началу отчетного периода, является по отношению данного периода (месяца, квартала и т.д.) стабильным. Такой учет не находится в зависимости от проверки законности и обоснованности приговора в кассационном порядке или в порядке судебного надзора.

Стабильность приговора не ставится также в зависимость от вступления его в законную силу, ибо приговор как акт социалистического правосудия существует с момента его провозглашения. Лишенный стабильности приговор не только не мог бы существовать как акт правосудия, но тем более — быть в какой-либо части приведен в исполнение. В предусмотренных ст. 319 УПК ЛатвССР случаях только что провозглашенный приговор имеет уже ограниченную законную силу: подлежит немедленному исполнению в части освобождения преданных суду лиц из-под стражи.

Стабильность приговора после его провозглашения зависит в основном от следующих взаимосвязанных факторов:

1. от качества вынесенного приговора,
2. от уровня судебного надзора за соблюдением законности,
3. от активности участников процесса по выявлению допущенных судом ошибок,
4. от уровня судебной деятельности по выявлению и устранению судебных ошибок.

Рассмотрим важнейшие из этих факторов, основное внимание уделяя вопросу о качестве приговора.

Качество приговора — это соответствие приговора предъявляемым к нему требованиям законности и обоснованности. Высокое качество приговора — это основа его стабильности. Законный и обоснованный приговор обладает необходимыми качествами, гарантирующими его стабильность, неизменность. Поэтому стабильность приговора, как правило, является внешним выражением его законности и обоснованности. Таким образом законность, обоснованность и стабильность являются характерными свойствами правосудного приговора.

Законность приговора, как необходимое свойство его качества, определяющее его стабильность, является специфическим выражением законности в области правосудия; она озна-

чает, что не только судом, но также и органами предварительного расследования соблюдались и исполнялись все требования юридических норм, гарантирующих вынесение правильного, соответствующего закону приговора. При этом имеется в виду соблюдение и исполнение норм как уголовно-процессуального, так и материального права.

Точку зрения, что законность приговора зависит от законности всего предшествующего производства по делу, защищают многие советские процессуалисты.¹

Ее правильность находит подтверждение на практике. В качестве примера можно указать на определение Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда ЛатвССР, которым как незаконный отменен приговор народного суда Московского района гор.Риги от 3 февраля 1972 г. в отношении К.Э., осужденного по ч.1 ст.217¹ УК ЛатвССР за злостное нарушение правил пожарной безопасности, на том основании, что в нарушение ст.127 УПК ЛатвССР вместо предварительного следствия по делу проводилось только дознание. Незаконность дознания вызвало в данном случае и незаконность приговора.

Однако не каждое нарушение процессуального закона влечет за собой незаконность приговора и влияет на его стабильность.

¹ Лиеле А.А. Уголовный процесс Латвийской ССР /особая часть/. Производство по уголовным делам. Р., 1973, с.185
Кобликов А.С. Судебный приговор. М., 1966, с.8
Куцова Э.Ф. Приговор. М., 1962, с.6-7
Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972, с.3-4
Матвиенко Е.М. Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968, с.6
Ривлин А.Л. Законность и истинность судебного приговора. - "Советское государство и право", 1957, № 7, с.114

Таковым его делают только существенные нарушения, которые повлияли или могли повлиять на правильное решение дела.

Законность является основой обоснованности приговора. Вынесение обоснованного приговора возможно лишь при условии точного, неуклонного исполнения процессуального закона и правильного применения материально-правовых норм.

Обоснованность приговора означает прежде всего обоснованность, правильность всех выводов суда, изложенных в приговоре, их соответствие собранным и объективно, полно и всесторонне исследованным по делу доказательствам. При этом выводы суда должны полностью охватывать вопросы, входящие в предмет доказывания и своим содержанием отражать устанавливаемую по делу объективную истину.

Законный и обоснованный приговор пронизан справедливостью и гуманностью, — характерными чертами советского правосудия. Справедливость и гуманность характеризуют качество законного и обоснованного приговора, являются его свойствами, определяющими его стабильность. Справедливость и гуманность — это моральные ценности, имеющие существенное значение как для всего человечества, так и для каждого человека в отдельности.

В.И. Ленин подчеркивал, что справедливость как заветная мечта трудового человека" ... двигает во всем мире необъятными трудящимися массами".²

Марксистско-ленинским принципом справедливости пронизано все советское уголовное судопроизводство. Ст.2 УПК ЛатвССР непосредственно указывает на обеспечение спра-

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т.34, с.332

ведливости, как одну из задач уголовного судопроизводства в борьбе с преступностью.

Если приговор суда несправедлив или не гуманен, он не должен сохранять свою стабильность, несправедливость приговора должна быть устранена путем его изменения или отмены в дальнейшем производстве по делу. Таким образом устраняется или прекращается отрицательное социальное воздействие подобного приговора.

Обоснованность, включающая как истинность так и справедливость приговора, распространяется на все части приговора.³ Истинными и справедливыми должны быть все выводы и решения суда — как основные, т.е. о вине и наказании, так и второстепенные, вытекающие из решения основных вопросов в приговоре. Приговор нельзя признать справедливым и истинным, если, например, в нем неправильно решен гражданский иск, в результате чего нарушены законные интересы потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или осужденного в сфере регулирования гражданских правоотношений.

Если допустить, что справедливость приговора не зависит от правильности решения таких правоотношений, может возникнуть вопрос, можно и нужно ли вообще относить понятие справедливости к сфере применения гражданско-правовых норм. Однако неприменение понятия справедливости к этой сфере противоречило бы задачам советского правосудия, ибо справедливость должна соблюдаться при применении как уголовно-правовых, так и гражданско-правовых норм.

Нельзя также считать истинным и справедливым приговор, которым лицо без достаточного на то основания признано особо опасным рецидивистом или к которому необоснованно, в нарушение ст. 57 УК ЛатвССР применено принудитель-

³ Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве, М., 1972, с. Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961, с. 76

ное лечение от хронического алкоголизма.

Во всех подобных случаях речь идет о судебных ошибках, допущенных в результате нарушения определенных норм закона, в которых закреплены справедливые требования нашего общества. Социалистические законы закрепляют интересы народа, соответствующие нравственным требованиям справедливости. Соблюдением законности обеспечивается также справедливость в регулировании общественных отношений и наоборот, вместе с нарушением процессуальных и материальных норм права, исчезает и справедливость и тем самым причиняется вред интересам социалистического правосудия.

Отсюда можно сделать вывод, что только такой приговор, который соответствует требованиям законности и обоснованности, является в то же время справедливым. При отсутствии законности и обоснованности нельзя говорить о справедливости этого важнейшего акта социалистического правосудия. Поэтому нельзя признать правильной точку зрения отдельных авторов,⁴ что справедливость приговора зависит лишь от правильности решения в нем вопросов о виновности и наказании.

Одним из основных требований, предъявляемых к качеству судебного приговора, является его мотивированность. Это требование выражено в ст.313 УПК ЛатвССР. Невыполнение указанного требования делает приговор не соответствующим закону, т.е. приговор становится незаконным. Однако мотивированность влияет не только на законность, но и на обоснованность приговора. При отсутствии мотивов в приговоре иногда невозможно судить о правильности оценки доказательств судом первой инстанции. В таких случаях могут возникнуть сомнения в обоснованности приговора и в связи с этим он может быть подвергнут отмене.

⁴ Оганесян Р.М. Справедливый приговор в советском уголовном процессе. Ереван, 1972, с.29
Сирота С., Панько К. Суд выносит приговор. Воронеж, 1972, с.18

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ЛатвССР от 15 июня 1972 года обоснованно отменен приговор народного суда Ленинского района города Риги от 11 мая 1972 года по кассационной жалобе осужденного в части удовлетворения гражданского иска в сумме 59 руб.55 коп., так как в приговоре отсутствовали мотивы такого решения, а из материалов дела непонятно, почему суд посчитал необходимым удовлетворить иск в полном размере похищенного без учета износа похищенных деталей.

Мотивировка приговора необходима не только для проверки доказательств при рассмотрении дела в кассационном порядке и в порядке надзора. Мотивировка имеет также большое значение как обстоятельство, в силу которого приговор становится более понятным и убедительным для широкой аудитории — как для присутствующих на судебном заседании лиц, так и изучающих содержание приговора в коллективе трудящихся по месту работы или жительства.

Надлежащая мотивировка приговора способствует повышению воспитательного воздействия приговора среди населения и вместе с тем — повышению эффективности судебной деятельности по борьбе с преступностью. Мотивировка выявляет ход мышления судей от доказательств к изложенным в приговоре выводам и решениям, и таким образом помогает осужденному осуществлять право на защиту. При отсутствии достаточного обоснования выводов и решений суда, осуществление этого права может быть затруднено.

Ст.341 УПК ЛатвССР предусматривает в качестве основания отмены или изменения приговора наличие противоречивых доказательств. Однако с учетом значения мотивировки приговора, целесообразно было бы закрепить в законодательстве требование, что отсутствие достаточной мотивировки всегда должно повлечь отмену или изменение приговора.

Вышеизложенные соображения свидетельствуют о том, что качество приговора, являющееся базой его стабиль-

ности, должно соответствовать ряду обязательных требований. Несоответствие же приговора предъявляемым к нему требованиям является основанием к его отмене или изменению, т.е. — нарушению его стабильности.

Законность и обоснованность, объединяющие все прочие относящиеся к качеству приговора требования, всегда воспринимаются как единство, и не могут быть противопоставлены друг другу. В самом деле, нельзя представить себе приговор, являющимся законным и в то же время необоснованным или наоборот: обоснованный приговор и в то же время незаконный.

Незаконность приговора всегда вызывает сомнения в его обоснованности и поэтому незаконный приговор не может быть признан обоснованным. Причину же необоснованности приговора в свою очередь всегда следует искать в нарушении определенного закона. Например, нарушение требований ст.19 УПК Латвийской ССР о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела дает основание считать приговор одновременно незаконным и необоснованным. Незаконным такой приговор является потому, что он вынесен при нарушении уголовно-процессуального закона, имеющего существенное значение. Необоснованным же он является в силу того, что при нарушении закона неполно выяснялись существенные для дела обстоятельства, что повлияло или могло повлиять на выводы суда, излагаемые в приговоре.

Такая постановка данного вопроса вытекает также из уголовно-процессуального закона, в частности, из содержания ст.342 УПК ЛатвССР, где сказано, что нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, если оно помешало суду всесторонне разобрать дело и повлияло или могло повлиять на постановление законного и обоснованного приговора. Следовательно, существенное нарушение закона влияет в одно и то же время как на законность, так и

обоснованность приговора. Это потому, что обеспечение законности в уголовном судопроизводстве является не самоцелью, а гарантией обоснованности выводов и решений суда в приговоре, гарантией установления истины и обеспечения справедливости по каждому уголовному делу. Вместе с тем соблюдение и исполнение требований закона, имеющих существенное значение для дела, предопределяет законность приговора.

В связи с этим нельзя согласиться с мнением, что на законность приговора не влияют те нарушения требований закона, которые направлены на обеспечение его обоснованности.⁵

Взаимосвязь, существующая между качеством и стабильностью судебных приговоров, позволяет сделать вывод, что стабильность является, как правило, показателем качества приговора.

Исходя из этого можно сказать, что данные судебной практики о состоянии стабильности приговоров подтверждают, что судами республики с некоторыми исключениями обеспечивается вынесение приговоров, отвечающих предъявляемым к ним требованиям законности и обоснованности. Так, из числа обжалованных в кассационном порядке приговоров в последнем пятилетнем периоде оставлены без изменений 86,6% - 87,9%. Однако тот факт, что с года в год все же отменяется часть приговоров, свидетельствует о том, что в судебной деятельности имеют место и недостатки, отрицательно влияющие на правильное решение конкретных уголовных дел и вынесение законных и обоснованных приговоров.

⁵ Мотовиловкер Я.О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Томск, 1966, с. 78

Итоги исследования судебной практики дают основание для вывода, что основными недостатками, влияющими на стабильность приговоров, являются проявлением недостаточного уважения к закону при отправлении правосудия и упущения при оценке доказательств. Эти недостатки конкретизируются во множестве разнородных фактов по рассмотренным уголовным делам, с различными индивидуальными нюансами и особенностями. Однако по существу они заключаются в следующем.

1) В ряде случаев судами недостаточно полно, всесторонне и объективно исследовались существенные по делу обстоятельства. Иногда рассмотренным в судебном заседании доказательствам не давалась в приговоре соответствующая оценка. Таким образом, допускались нарушения ст.ст. 19 и 313 УПК ЛатвССР.

Например, приговором народного суда города Лиепая от 14 сентября 1971 года признана виновной и осуждена И.И. за совершение в общей квартире, где она проживала, хулиганских действий. Подсудимая виновной себя не признала и заявила, что во время инкриминируемого события она дома не находилась, стирала белье у соседки, где и ночевала. Судом должным образом не исследовалась версия осужденной, не принимались меры к вызову соседки в судебное заседание для допроса. Обвинительный приговор суда был основан на показаниях двух свидетелей. При этом без какой-либо оценки и проверки остались показания свидетеля П., показавшего суду, что его жена, на показание которой сослался суд в приговоре, оговаривает подсудимую, так как она у последней во время инкриминируемого события не находилась и поэтому не могла видеть, что она делала.

При наличии таких обстоятельств приговор в кассационном порядке был отменен.

По ряду дел выносятся приговоры при наличии такой

неполноты следствия или дознания, которую невозможно восполнить в судебном разбирательстве. Это допускается в результате слабого изучения судьями рассматриваемых уголовных дел. Обвиняемые по таким делам иногда предавались суду без достаточных оснований, а на судебном следствии существенные вопросы оставались не выясненными. В результате приговоры отменялись с возвращением дела для производства дополнительного расследования или дознания.

2) Приговоры подвергаются изменениям еще и потому, что отдельными судами не всегда строго соблюдаются требования уголовно-процессуального закона о том, что приговор не может быть основан на предположениях. Данное требование закона распространяется на все содержание приговора в любой его части. Его соблюдение является одним из самых важных предпосылок обеспечения обоснованности выводов суда по решаемым вопросам и придает содержанию приговора ясность и убедительность.

На практике предположения обычно проявляются в предположительных мотивах суда, объясняющих, почему суд основывает свой приговор на одних доказательствах и отвергает другие. При этом иногда не учитывается, что суд может давать ту или иную оценку отдельным доказательствам не на основании каких-либо гаданий о причинах противоречий между доказательствами, а лишь исходя из полно и объективно исследованных, достоверных данных. Последствия несоблюдения полной объективности выявляет следующий пример.

Приговором народного суда города Даугавпилса от 27 марта 1968 года осужден за изнасилование. Виновным осужденный себя не признал и давал на суде подробные показания, при каких обстоятельствах потерпевшая оказалась в его квартире. Должным образом не проверив и не оценив противоречивые показания потерпевшей, народный суд без достаточного к тому основания отверг показания подсудимо-

го как голословные, причем без ссылки на имеющиеся в деле доказательства. Приговор в связи с этим Судебной коллегией по уголовным делам был отменен, а дело направлено на новое судебное рассмотрение. При повторном судебном разбирательстве данного дела суд, подробно исследовав все доказательства, пришел к выводу, что вина не установлена и вынес оправдательный приговор. Таким образом, только при повторном разбирательстве дела, когда причины противоречий между доказательствами должным образом были исследованы и оценены, суд пришел к обоснованному выводу, реабилитирующему обвиняемого.

3) Приговоры иногда подвергаются отмене вследствие несоблюдения судами предписаний ст.313 УПК ЛатвССР о требованиях, предъявляемых к формулировке обвинения в приговоре, имеющих исключительно важное значение в системе процессуальных гарантий обвиняемого на защиту.

Формулировка обвинения должна быть достаточно полно и точно изложена и строго индивидуализирована в отношении каждого из обвиняемых, с указанием конкретного места, времени, способа, мотивов и последствий совершенного им преступления.

Приговор народного суда Валмиерского района по делу осужденных Д., З. и К в совершении ограбления был отменен по той причине, что в приговоре в формулировке обвинения судом не конкретизировались преступные действия К. В нем лишь упоминалось, что К. около кафе познакомилась с потерпевшим, затем вместе с ним отправилась по улице дальше, а когда они остановились, подошли Д. вместе с З. Последние напали на потерпевшего и его ограбили. Действовали ли К по договоренности с остальными осужденными и какова была ее роль в ограблении, в приговоре не указывалось. Из формулировки обвинения, изложенной в приговоре по отношению К., в ее действиях

вообще не усматривались признаки преступления.

4) Из смысла ст.313 УПК ЛатвССР вытекает, что приговор суда должен быть ясным и понятным, а выводы суда должны быть изложены в строгой логической последовательности. Несоблюдение этого требования также снижает качество приговора и в итоге влияет на его стабильность.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда ЛатвССР отменен приговор народного суда Екабпилского района по делу Ф. за совершение им злостного хулиганства. Суд перепутал в приговоре последовательность событий, указав, что вначале подсудимый напал на потерпевшего Н., а потом избил Б. В действительности эпизод с Н. предшествовал эпизоду с Б. В данном случае установление правильной последовательности событий имело значение при определении мотива содеянного.

5) Неточное исполнение требований закона в части назначения судами меры наказания лицам, признанным виновными в совершении преступлений также влияет на стабильность приговоров. В частности, не всегда строго соблюдаются требования ст.35 УК ЛатвССР в том, что при назначении наказания необходимо учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

К нарушениям этих требований в ряде случаев приводит односторонность исследования подлежащих выяснению обстоятельств дела, имеющих значение для назначения справедливого наказания: о степени вины обвиняемого, данных о его личности, обстоятельствах смягчающих или отягчающих его ответственность. Иногда и при выяснении всех этих обстоятельств делается неправильный вывод о мере наказания. Это происходит в тех случаях, когда суд назначает наказание при наличии одностороннего, необъективного подхода к оценке собранных по делу фактов, имеющих существенное значение,

когда не учитывается, что выяснение всех фактов, имеющих значение при назначении наказания, их объективная оценка и справедливое наказание составляют единую неразрывную цепь. Только в своей совокупности они определяют правильность, истинность приговора в части о мере и виде наказания.

Вторым из вышеназванных факторов, определяющих стабильность судебных приговоров, является судебный надзор за их законностью и обоснованностью.

Судебный надзор с одной стороны предупреждает от вынесения неправосудных приговоров, а с другой стороны — обеспечивает практическое исправление допущенных судами ошибок. Как в первом, так и во втором случае он способствует достижению стабильности приговоров на основе их законности и обоснованности.

Говоря о задачах прокурорского надзора, В.И. Ленин указывал, что "... прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение... не расходилось с законом и только с этой точки зрения прокурор обязан опротестовать всякое незаконное решение".⁶

Данное требование в равной мере относится и к председателям вышестоящих судов и их заместителям, наделенных правом принесения протестов в порядке судебного надзора. При этом значение имеют не только количественные показатели принесенных протестов. Не менее важное значение имеет своевременность опротестовывания незаконных и необоснованных приговоров, т.к. от этого зависит незамедлительное прекращение стабильности этих приговоров и вместе с тем — уменьшение вредных последствий, возникающих по их вступлении в законную силу и исполнение.

подавляющее большинство судебных ошибок на практике,

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 27, с. 298

как правило, исправляются при кассационном рассмотрении дел или же в течение первых месяцев после вступления незаконного и необоснованного приговора в законную силу.

Например, за 1972 год в республике принесено и рассмотрено 76% надзорных протестов об устранении допущенных в приговорах ошибок в течение первых 4-х месяцев после вступления опротестованных приговоров в законную силу.

Это безусловно свидетельствует о достаточном уровне судебного надзора в республике. Наряду с этим, имеют место факты несвоевременного реагирования на судебные ошибки, что создает условия для того, что отдельные незаконные и необоснованные приговоры, сохраняют стабильность и причиняют вред длительное время лицам, несправедливо осужденным. Из общего количества измененных и отмененных в порядке судебного надзора приговоров за 1972 год 8% сохраняли стабильность от 1 до 2 лет, 4,4% - от 4 до 7 лет, а 1,4% таких приговоров имели стабильность свыше 7 лет.

Столь длительная стабильность некоторого числа незаконных и необоснованных судебных приговоров объясняется недостатками судебного надзора.

Приговором суда в 1955 году признан виновным гражданин Б. за то, что он путем нанесения ранений ножом совершил убийство гр-ки Ю. по причине, что последняя отказалась продолжать с ним совместную жизнь как с фактическим мужем. Данное преступление судом квалифицировалось по ст.136 ч.1 п."а" УК РСФСР (в редакции от 1926 года) как убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах. Только через 17 лет было обнаружено, что установленные по делу фактические обстоятельства не дают основания признать, что убийство совершено при отягчающих обстоятельствах.

Поэтому Президиум Верховного Суда ЛатвССР по принесенному протесту содеянное Б. переквалифицировал со ст. 136 ч. I п "а" УК РСФСР на ст. 98 УК ЛатвССР. На основании этого назначения Б. мера наказания была снижена до 10-ти лет лишения свободы. Этот приговор мог сохранить стабильность долгие годы лишь по причине недостаточной организованной работы по осуществлению судебного надзора.

Исследования судебной практики показывают, что в подавляющем большинстве случаев источниками надзорного производства являются поступившие жалобы осужденных, их защитников или потерпевших, т.е. лиц, непосредственно заинтересованных в деле. Такое положение имеет место и в кассационном производстве. Лишь 8% из числа измененных или отмененных в кассационном порядке приговоров, вынесенных народными судами города Риги и других городов республиканского подчинения за 1972 год, рассмотрены по протесту прокурора. Остальные 92% приговоров рассмотрены по жалобам вышеуказанных лиц.

Из этого следует, что стабильность неправосудных приговоров практически находится в зависимости от инициативы и активности участников процесса, от уровня их правосознания. Такое положение вряд ли можно признать нормальным явлением, если учесть, что задача органов, осуществляющих судебный надзор, состоит в принесении протеста на всякое незаконное решение суда, независимо от поступления жалобы от заинтересованных лиц.

Лица, уполномоченные приносить протесты, при решении вопроса о принесении протеста должны руководствоваться критерием законности и обоснованности, не ожидая поступления жалобы осужденного или других не-

посредственно заинтересованных в деле лиц.

Своевременное прекращение стабильности незаконных и необоснованных приговоров необходимо для сведения к минимуму вредных последствий действия неправосудных приговоров. Гарантия достижения такой цели — усиление судебного надзора за отправлением правосудия.

Для достижения этой цели следует, во-первых, активизировать прокурорский надзор с тем, чтобы прокурором не остался незамеченным ни один неправосудный приговор и чтобы на всякий незаконный и необоснованный приговор был незамедлительно принесен протест. Во-вторых, необходимо активизировать и усовершенствовать надзорную деятельность вышестоящих судебных инстанций с целью обеспечения своевременного выявления и устранения ошибок, допущенных нижестоящими судебными инстанциями при разбирательстве уголовных дел по первой инстанции. Для этого необходимы более регулярные оперативные проверки правильности разрешения судами уголовных дел. Такие проверки следует проводить по инициативе вышестоящих судов независимо от поступления надзорных жалоб.

При решении вопроса об отмене или изменении приговора, а также при решении вопроса о принесении надзорного протеста, нельзя исходить из того, как давно приговор вступил в законную силу, обращен ли он к исполнению или нет, как это ошибочно предлагает В. Маслов.⁷ Это означало бы подмену законности личным усмотрением в осуществлении правосудия. Цель судебного надзора — установление законности и справедливости, а это не может быть обеспечено без строгого соблюдения требований уголовного и уголовно-процессуального законов.

⁷ Маслов В.И. Пересмотр уголовных дел в порядке судебного надзора. М., 1965, с. 11, 23, 31

В работе по осуществлению судебного надзора следует строго учесть, что "уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека... Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они мотивировались, терпимы быть не могут".⁸

Усиление надзорной деятельности является одним из необходимых мероприятий в системе обучения судей их профессиональному мастерству и одним из необходимых условий обеспечения единой судебной практики по рассмотрению уголовных дел.

Эти мероприятия будут способствовать вынесению законных и обоснованных приговоров, и вместе с тем — укреплению их стабильности.

Успешное выполнение задач, поставленных перед органами правосудия, борьба за укрепление советской социалистической законности и социалистического правопорядка требует максимального обеспечения законности и стабильности судебного приговора, а вместе с тем — его обоснованности, справедливости и гуманности. Без этих качеств приговор не может быть признан правосудным и был бы лишен также воспитательного значения.

⁸ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 81

Ю. Адоян
канд. юрид. наук

РЕСТИТУЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОХРАНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА ОТ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Успешная борьба с преступными посягательствами на социалистическое имущество во многом зависит от того, насколько полно и своевременно будут восстановлены имущественные права государственных и общественных организаций, нарушенных преступлением.¹

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает действенные средства охраны этих прав. К таким средствам относится восстановление имущественного положения граждан и организаций, имевшего место до совершения преступления, т.н. реституция.²

Если обнаружение и возвращение похищенных ценностей собственнику окажется невозможным, причиненные преступлением убытки должны быть возмещены путем предъявления и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, а если он не предъявлялся, то суд решает вопрос о воз-

¹ Передовая. О задачах органов прокуратуры по дальнейшему укреплению социалистической законности и советского правопорядка, вытекающих из решений декабрьского (1972 г.) Пленума ЦК КПСС и доклада Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л.И. Брежнева "О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических республик" - "Социалистическая законность", 1973, № 5, с. 4.

² Уголовно-процессуальное законодательство термина "реституция" не знает. В теории Советского уголовного процесса только отдельные авторы именуют восстановление прежнего, нарушенного преступлением правового положения вещей посредством возвращения потерпевшему похищенного у него имущества - реституцией. (см. М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Изд. 2-е. Госюриздат. М., 1951, с. 132). В гражданском праве под реституцией понимается восстановление первоначального правового положения, она применяется в обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда, либо из необоснованного приобретения или сбережения имущества, при недействительности сделки, при утрате собственником права владения вещью (в этом случае реституция осуществляется в форме виндикации). См. Энциклопедический словарь правовых знаний (Советское право) М., 1965, с. 403

мещении материального ущерба при постановлении приговора по собственной инициативе (статьи 29, 85, 303, 310, 317 УПК РСФСР и статьи 41, 42, 62, 263, 275 УПК ЭССР).³

Таким образом уголовно-процессуальное законодательство предусматривает оптимальные процессуально-правовые средства охраны социалистического имущества от последствий преступных посягательств. Среди этих средств реституция имеет первостепенное и, несомненно, важное значение. Анализ судебно-следственной практики по делам о хищении государственного и общественного имущества свидетельствует о том, что следователями обнаруживается и изымается примерно одна третья часть из всего похищенного имущества. (в денежном выражении). По изученным делам этой категории, рассмотренным судами Эстонской ССР в 1968 г., этот процент составлял 28,7%, а в 1971 г. - 32%. По 50% изученных дел этой категории следователями было обнаружено все похищенное имущество, однако, это имущество составляло лишь 11,9% процентов из всего похищенного (в денежном выражении) в том числе 30% из уголовных дел были дела о мелком хищении. По 13,5% изученным делам этой категории следователями была обнаружена большая часть (больше половины) похищенного имущества (по каждому уголовному делу в отдельности), что составляло 14,5% стоимости всего похищенного имущества. По остальным уголовным делам (3,5%) обнаружено похищенное имущество в меньшем размере. Таким образом реституция встречается в судебно-следственной практике весьма часто (по изученным делам в 68% случаях), она имеет немаловажное значение, поскольку примерно третья часть похищенного восстанавливается посредством реституции. В теории Советского уголовного процесса этому институту, однако, уделялось мало внимания. Только некото-

³ Имеются в виду и соответствующие статьи УПК других союзных республик

рые авторы исследовали реституцию и то лишь по отдельным вопросам.⁴

Реституция как самостоятельный правовой институт в советском уголовном процессе не существует: он органически соединен с производством по обнаружению, изъятию и хранению вещественных доказательств, имеющих имущественную ценность и возвращаемых их собственникам или законным владельцам (статьи 83, 84, 85, 86, 167, 168, 170, 171 и др. УПК РСФСР, статьи 61, 62, 63, 139, 140, 142, 147, 150 и др. УПК ЭССР).

Таким образом обнаружение и изъятие похищенных имущественных ценностей в уголовном процессе имеет двуединую задачу: во-первых, это необходимо для обнаружения доказательства в целях изобличения виновных; во-вторых, это необходимо как средство охраны имущественных прав лиц, понесших материальный ущерб от преступления. Эти две задачи органически связаны между собой: первая не может выполняться в ущерб второй, а вторая - выполняться в отрыве от первой.

Законодатель не ставит перед следователем и лицом, производящим дознание, задачу обнаружения всего похищенного или иным преступным путем приобретенного имущества, а лишь указывает на задачу обнаружения и изъятия предметов имеющих значение для уголовного дела и обязывает следователя при производстве выемки и обыска строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу (ст.171 УПК РСФСР). Однако задача обнаружения всего похищенного имущества вытекает из общих положений закона, требующих полного и всестороннего исследования всех обстоятельств уголовного дела и применения всех предусмотренных законом мер в деле охраны социалистическо-

⁴ См. М.А.Чельцов, Советский уголовный процесс, Изд.2-е. М.,1951, с.132; см.также В.Г.Власенко. Вопросы теории и практики возмещения материального ущерба при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Саратов.1972

го имущества и личного имущества граждан от любых преступных посягательств (ст.2 Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, статьи 20, 29 и др. УПК РСФСР и статьи 19, 41, 42 и др. УПК ЭССР).

Поэтому следователь и лицо, производящее дознание, не могут ограничиться обнаружением лишь отдельных предметов (части имущественных ценностей), не ставя задачи полной реституции. Так, например, Президиум Верховного Суда РСФСР по делу Н. указал: что следствие и суды обязаны принимать меры к установлению действительных размеров похищенного, не ограничиваясь предъявлением обвинения лишь в отношении тех ценностей, при хищении которых преступники были пойманы с поличным.⁵

Это требование должно, по нашему мнению, найти отражение и в законодательстве. В связи с этим было бы необходимо дополнить ст.139 ч.1 УПК ЭССР (ст.170 ч.4 УПК РСФСР) словами: "При производстве обыска следователь обязан принять надлежащие меры для обнаружения всего имеющегося в наличии имущества (ценностей), добытого преступным путем". Характеризуя работу следователей Генеральный Прокурор обращает их внимание на то, что многие следователи не проявляют инициативы и оперативности в расследовании дел о хищениях, не обеспечивают полного раскрытия этих преступлений, несвоевременно принимают меры к обнаружению и изъятию похищенного имущества. Он указывает на необходимость прокурорам и следователям немедленно после возбуждения дел о хищениях принимать меры к поиску и изъятию похищенного имущества. Придавая огромное значение этой деятельности, Генеральный прокурор СССР указывает, что работу следователей по возме-

⁵ Сборник Постановлений Пленума, Президиума и Определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1961 -1963 гг. М., 1964, с.385

нию ущерба, причиненного расхищениями, государственным и общественным организациям надо рассматривать как один из основных показателей следствия.

По делам хищения государственного и общественного имущества имеется всегда надежда восстановить прежнее состояние, существовавшее до совершения преступления, т.е. найти, изъять и возвратить похищенное имущество его собственнику. По делам же уничтожения имущества или его порчи и т.п. такой возможности нет и материальный ущерб, причиненный такими преступлениями, могут быть только возмещен, т.е. за ущерб выплачены убытки в денежном выражении или же в натуре как это предусматривает гражданское законодательство (ст. 456 ГК РСФСР, ст. 461 ГУ ЭССР). Так, например, по постановлению Совета Министров СССР о материальной ответственности лиц, виновных в гибели и хищении скота принадлежащего колхозам и совхозам, виновным предоставляется возможность возмещать причиненный ущерб путем сдачи в натуре равноценного скота. Полагаем, что возмещение материального ущерба в натуре не является по содержанию реституцией. Хотя некоторые элементы восстановления первоначального правового положения здесь наблюдается, основным признаком является здесь все же возмещение ущерба равноценным имуществом, а не восстановление положения, которое имело место до совершения преступления. Если реституция в уголовном процессе осуществляется в порядке обнаружения, изъятия и возвращения имущественных ценностей их собственнику (ст. 85 ч.2 и 86 ч.4 УПК РСФСР, ст. 63 п.5 УПК ЭССР), то возмещение ущерба в натуре может происходить только в порядке искового производства с предоставлением участникам процесса (истцу, подсудимому и ответчику) возможности оспаривать такое возмещение.

Если часть похищенного имущества была следователем обнаружена, изъята и приобщена в качестве вещественных

доказательств к уголовному делу, то требование о возмещении материального ущерба должно быть в размере стоимости этой части уменьшено. Если же будут обнаружены все похищенные вещи, то гражданский иск не может быть предъявлен, а предъявленный - рассмотрен, поскольку в уголовном процессе не предъявляются и не рассматриваются виндикационные иски. В гражданском процессе путем виндикации возвращаются собственнику или законному владельцу изъятые у него индивидуально-определенные вещи. В уголовном процессе такие вещи подлежат возвращению собственнику или законному владельцу не посредством искового производства, а в порядке уголовного судопроизводства (ст.86 п.4 УПК РСФСР, ст.63 УПК ЭССР). Так, по делу Саркисяна Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что "по делам о хищениях материальный ущерб в виде стоимости похищенного подлежит взысканию только в том случае, если похищенные вещи не возвращены законным владельцам". Коллегия исключила из приговора народного суда взыскание с Саркисяна 15.630 рублей (в старом масштабе цен), поскольку все похищенные предметы были обнаружены.⁶

Правовые основания изъятия от обвиняемого (подозреваемого) или иных лиц материальных ценностей и возвращение их собственникам или законным владельцам предусмотрены нормами гражданского, уголовного и уголовно-процессуального права. В соответствии со ст.28 Основ гражданского законодательства собственник имеет право истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело право его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя лишь в

⁶ Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1948, с.426

случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли (ст.152 ГК РСФСР, ст.156 ГК ЭССР).⁷

Если по гражданским делам истребование имущества из чужого незаконного владения происходит в порядке искового производства, то по уголовным делам порядок обнаружения и изъятия этого имущества регулируется нормами УПК, которые предусматривают в этой цели различные следственные действия. Это осуществляется путем обыска и выемки (ст.139-148 УПК ЭССР), осмотра места происшествия (ст. 150 УПК ЭССР), изъятия и хранения вещественных доказательств (ст.61-63 УПК ЭССР).

При производстве по уголовным делам суды допускают еще ошибки по вопросам возвращения вещественных доказательств, являющихся имущественной ценностью, их собственникам (законным владельцам). На это обстоятельство Верховный Суд Союза ССР неоднократно обращал внимание. Так, например, по делу К. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1959 г. указал, что вещественные доказательства, в том числе и деньги подлежат возврату их законным владельцам, а не в доход государства.⁸ По делу С. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала,

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по иску Кочкиной к Берикову и Весновской, "Судебная практика Верховного Суда СССР", 1952, № 5, с.25-26; Определение по иску Ратене к Барткевичене и Будрис, "Судебная практика Верховного Суда СССР", 1955, № 3, с.33

⁸ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946-1962 гг. "Юридическая литература", М., 1964, с.144

что вещественные доказательства, не подлежащие конфискации, подлежат возврату в натуре их владельцам,⁹ а вещественные доказательства и вещи, добытые преступным путем, подлежащие по закону возврату владельцам, не могут включаться в состав конфискуемого имущества осужденного.¹⁰ Также не могут быть обращены на возмещение ущерба вещественные доказательства потерпевшему, не являющемуся законным владельцем этих вещественных доказательств.¹¹

Закон не отличает вещи и ценности, добытые преступным путем (ст.168 УПК РСФСР) от ценностей, нажитых (приобретенных) преступным путем (ст.83 УПК РСФСР, ст.63 УПК ЭССР). Под ценностями; нажитыми преступным путем, закон имеет в виду изделия из золота, серебра, платины, сплавов драгоценных металлов, изделия из драгоценных камней, дом, автомашину, мебель и т.д.:

- а) приобретенные непосредственно в результате преступления;
- б) приобретенные на деньги, полученные в результате совершения преступления или реализации имущества, добытого преступлением.¹²

Из незаконного владения изымаются предметы и имущество, приобретенное преступным путем. Если не установлены законные владельцы этих предметов, они передаются в доход государства. К таким относятся те предметы и ценности, которые нажиты преступным путем, но до совершения преступления не при-

⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР 1944 г. 1946, с.180

¹⁰ Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. 1948, с.333

¹¹ Там же, с.247

¹² Научно-практический комментарий уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Под ред. Л.Н.Смирнова. Изд. 3-е. М., 1970, с.125 и 228

надлежали лицу, понесшему ущерб от преступления. Факт приобретения имущества на средства добытые преступным путем, может быть установлен лишь приговором суда.¹³ А поэтому суд не вправе обращать в доход государства деньги и иные ценности, если они не конфисковались и по делу не установлено, что это имущество нажито преступным путем или было объектом преступления.¹⁴

Уголовно процессуальное законодательство предусматривает порядок осмотра, хранения и выдачи вещественных доказательств (статьи 84, 85, 86 УПК РСФСР, статьи 62, 63 УПК ЭССР). Подробная регламентация порядка хранения, возврата и передачи в доход государства ценностей, изъятых у граждан в порядке уголовного судопроизводства, дается в инструкции Министерства финансов СССР от 10 августа 1955 г. № 598, которая издана на основании распоряжения Совета Министров СССР от 3 августа 1955 г. за № 5766-Р.¹⁵

Несмотря на достаточно подробную регламентацию порядка хранения вещественных доказательств и различных ценностей, ни уголовно-процессуальное законодательство, ни специальная инструкция не предусматривает порядка возврата похищенного или иным преступным путем приобретенного имущества их законным владельцам (собственникам) в особенности же со стороны следственных органов. Закон определяет, что вещественные доказательства могут быть до раз-

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 7 июня 1968 г. - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1968, № 6, с.28. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу У.- "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1968, № 9, с.11

¹⁴ Определение судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу М.- "Бюллетень Верховного Суда РСФСР", 1968 г., № 8, с.12. Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Г. - "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1971, № 5, с.19

¹⁵ Исполнение судебных решений (справочник по законодательству и судебной практике). Под ред.В.А.Болдырева, М., 1959, с.344 и сл.

бирательства уголовного дела возвращены их владельцу, если последний ходатайствует об этом и если удовлетворение ходатайства возможно без ущерба для производства по уголовному делу (ст. 85 ч.2 УПК РСФСР, ст.62 ч.3 УПК ЭССР). Однако закон не определяет, в каком порядке возврат вещественных доказательств (имущества, ценностей и пр.) должен происходить. По правилам, действующим в уголовном процессе, - вещественные доказательства и иное имущество, подлежащее возвращению владельцам, выдаются им в натуре по постановлению о прекращении следственного дела или по вступлению приговора (определения суда) в законную силу (ст.209 и 303 УПК РСФСР и ст.168 и 263 УПК ЭССР).

В отдельных случаях следователь, прокурор и суд могут вернуть законному владельцу вещи и ценности и до вступления приговора в законную силу. В судебной и следственной практике Эстонской ССР это встречается часто. Однако, ввиду отсутствия единого порядка в этом процессе каждое должностное лицо оформляет это по-своему. Чаще всего следователь получает от представителя потерпевшего или представителя потерпевшей организации простую расписку о том, что вещественное доказательство передано на хранение этой организации (или без такой обязанности). В таких расписках нет данных о лице, кто выдал имущество, нет данных о лице, кто принял, имеется лишь фамилия получателя и его подпись, нет данных о доверенности и т.п.¹⁶ Некоторые следователи требуют от получателя имущества справку за подписью должностного лица (директора, бухгалтера, главного агронома и т.д.), подтверждающую поступление

¹⁶ Архив Морского районного народного суда г.Таллина за 1968 г. дело № I-123, I-31 и за 1970 г. дело № I-192; Калининского района г.Таллина за 1970 г. № I-246 и Харьковского района за 1968 г. № I-25; г.Пярну за 1970 г. № I-99

указанного имущества.¹⁷ Другие составляют акт о выдаче и приеме материальных ценностей,¹⁸ третьи получают от организации ордер на поступление товара,¹⁹ четвертые ограничиваются справкой, полученной от организации по телефону²⁰ и т.п.

Неполное оформление выдачи вещественных доказательств их законным владельцам может послужить основанием для споров о сумме возмещения.

Так при расследовании уголовного дела по обвинению А.В. и К. по ст.88 ч.2 п.1 УК ЭССР в хищении из клуба войсковой части телевизора и радиоприемника на сумму 394 рубля 54 коп. следователем было обнаружено похищенное имущество; осмотрено и сдано на хранение потерпевшей организации. Представитель этой организации расписался в приеме телевизора и радиоприемника и никаких претензий не заявил. В простой расписке о приеме этого имущества никаких данных о состоянии этого имущества не указывалось. В судебном заседании представитель гражданского истца заявил ходатайство о выплате суммы за ремонт телевизора и радиоприемника, которую им пришлось уплатить. В результате возникшего спора гражданский иск в уголовном деле остался без рассмотрения.²¹

Полагаем, что вещественные доказательства могут передаваться их законным владельцам до вынесения приговора на хранение только на основании постановления следователя, в котором излагаются обстоятельства передачи вещественного доказательства, указываются необходимые данные о лице, кто передал и кто получил имущество, данные о состоянии иму-

¹⁷ Архив народного суда Йыгеваского р-на за 1968 г. дело I-57; Ракверского района 1970 г. дело № I-93

¹⁸ Архив народного суда Пайдеского района за 1968 г. дело № I-27.

¹⁹ Архив Центрального р-на г.Таллина за 1968 г. дело № I-57.

²⁰ Архив народного суда г.Кохтла-Ярве за 1970 г., дело № I-72

²¹ Архив народного суда Морского р-на г.Таллина за 1970 г., дело № I-301

щества, его признаки, стоимость и т.п. На основании этого постановления отбирается подписка лица, получившего имущество, в которой указываются данные о доверенности организации или прилагается сама доверенность. Полагаем, что ст.63 п.5 УПК ЭССР (ст.85 УПК РСФСР) необходимо дополнить, указав порядок передачи вещественных доказательств их законным владельцам.

Восстановление имущественного положения, существовавшего до совершения преступления, является во всех тех случаях, где такое восстановление вообще возможно, самым эффективным средством охраны имущественных интересов лиц, понесших материальный ущерб от преступления. Полная реституция исключает любое производство по возмещению материального ущерба причиненного преступлением. С ростом оперативности в работе органов расследования, с пресечением преступления в его начальной стадии и принятием действенных мер для быстрого обнаружения похищенных ценностей, необходимость в гражданском иске в уголовном процессе будет все меньше.

Действующее советское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает оптимальные процессуально-правовые средства охраны социалистического имущества от последствий преступных посягательств. Среди этих средств реституция в настоящее время занимает выдающееся место.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

С первых дней создания органов внутренних дел Советского государства на них было возложено выполнение весьма многочисленных функций. Наряду с поддержанием общественного порядка и проведением оперативно-розыскных и иных мероприятий по пресечению готовящихся и раскрытию уже совершенных преступлений, в числе этих функций с самого начала было и проведение дознания, как одного из видов предварительного расследования. Под этим термином советская юридическая наука понимала и понимает строго регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность специально уполномоченных на то органов государства, направленную на выявление и фиксацию доказательств в целях установления признаков совершенного преступления и изобличения лиц, его совершивших.¹

За исключением небольшого периода в первые месяцы Советской власти, когда должностные лица только что созданной рабоче-крестьянской милиции проводили дознание и даже предварительное следствие, руководствуясь, в основном, своим революционным правосознанием, в дальнейшем оно осуществлялось в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального за-

¹ См. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР, М., 1970, с.170

кона. Таким образом, дознание в Советском государстве, в отличие от большинства капиталистических стран, всегда являлось деятельностью процессуальной. Установленные в процессе дознания факты всегда принимались и признавались судами в качестве доказательств.

Вместе с тем законодательством советского государства предусматривается и другой вид процессуальной деятельности — предварительное следствие. Этот вид вполне обоснованно считается главным, основным. Законом предусмотрена обязательность его проведения по абсолютному большинству всех совершающихся преступлений, особенно наиболее опасных для советского общества. Для осуществления данного вида процессуальной деятельности государством были учреждены специальные должностные лица — следователи. Организационно они находились в составе прокуратур и органов государственной безопасности. И только с 1963 года — также в органах внутренних дел. Попутно следует заметить, что на организационном вхождении следователей в состав прокуратур настоял в свое время А.Я.Вышинский,¹ вопреки серьезным возражениям Н.В.Крыленко и других видных юристов того периода.²

Представляется, что именно особенности исторического развития и организационного построения предварительного следствия в стране обусловили как специфику проведения, так организационные формы и даже самое существование дознания, как самостоя-

¹ См. У Всероссийский съезд деятелей Советской юстиции. Стенографический отчет. Резолюции. М., 1924, с. 20

² См. там же, с. 14

тельной формы советского предварительного расследования.

Исторически возникновение дознания и наделение этой функцией органов милиции было оправданным и неизбежным. Милиция, единственная из всех органов, призванных бороться с преступностью, одновременно являясь и структурной составной частью исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, создавалась в полном смысле этого слова повсеместно, где только образовывались Советы, начиная от крупных городов и кончая поселками и селами глубинных сельских районов. Следственные аппараты были созданы несколько позднее, значительно малочисленнее и не столь повсеместно. В результате этого, первыми о каждом совершенном преступлении, как правило, узнавали работники милиции. Они же в большинстве случаев задерживали преступников. Логично поэтому наделение милиции правом производства неотложных следственных (процессуальных) действий до прибытия следователя и начала предварительного следствия. Думается, что именно в этом обстоятельстве, т.е. в физической невозможности немедленно начать предварительное следствие по каждому совершенному даже тяжкому преступлению в первые годы Советского государства, кроются истоки причины наделения органов милиции функцией дознания в виде обязанности проведения неотложных следственных действий, по делам, которым предварительное следствие обязательно. Видимо, наряду с другими обстоятельствами, эта же причина в какой-то мере обусловила появление и развитие второй разновидности дознания - дознания, как самостоятельного вида предварительного расследования по менее опасным преступлениям, причем материалы такого дознания являлись основа-

нием для рассмотрения дела в суде.

По мере развития и укрепления Советского государства, рос численно и укреплялся качественно следственный аппарат. Поэтому, казалось бы, названная причина осуществления дознания, как стадии регламентированного уголовно-процессуальным законом процесса борьбы с преступностью, а равно необходимости наличия этой функции у органов внутренних дел, отпала. Однако дознание продолжало существовать, и как функция органов внутренних дел — получила все большее развитие.

Анализ создавшейся ситуации показывает, что, несмотря на это кажущееся противоречие, существование дознания и в дальнейшем, до определенного периода, было исторически оправданным и необходимым. Одна из основных причин этого, по глубокому убеждению автора, кроется в самостоятельном организационном существовании следственных аппаратов вне системы органов внутренних дел.

Органы внутренних дел, и в первую очередь милиция, с входящими в ее состав аппаратами уголовного розыска, а затем и службы БХСС, продолжали оставаться наиболее мощными в количественном отношении органами государства, осуществляющими борьбу с преступностью. Более того, они были единственными органами, наделенными правом применять в этой борьбе такой высокоэффективный и практически ничем не заменимый вид работы, как оперативно-розыскную деятельность. В то же время, специфика этой деятельности такова, что в подавляющем большинстве случаев она может дать практический результат (изобличение лица, совершившего преступление) лишь после реализации собранных оперативно-розыскных данных путем проведения предусмотренных уголовно-процессуальным

законом следственных действий. Следователи другого ведомства, не наделенного к тому же правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, не были и не могли быть активными и равноправными участниками такой реализации, требующей детального знания всех реализуемых материалов, приемов и методов их получения.

Видимо именно вследствие изложенного, функция дознания в органах внутренних дел не только сохранилась, но даже с течением времени расширилась.

Способствовало расширению данной функции и то, что это в какой-то мере являлось наиболее рациональным путем организации процесса борьбы с преступностью. В силу действительной загруженности следователей прокуратуры, а иногда просто вследствие их ведомственной разобщенности с органами милиции, организация реализации оперативно-розыскных данных путем возбуждения и расследования дела следователем, зачастую требовала от руководителей органов внутренних дел значительных усилий и затрат времени. Такие затраты и усилия отсутствовали при возбуждении дела самими работниками милиции и проведения ими неотложных следственных действий, другими словами - при проведении ими дознания.

Существовало, на наш взгляд, в то время и еще одно условие, способствующее расширению дознания в органах милиции. Условие это, безусловно, менее существенное, однако полностью его игнорировать для правильной и объективной оценки истории развития рассматриваемого явления, видимо, неправильно.

Специфика оперативно-розыскной деятельности такова, что оценка ее результатов, к сожалению, даже до сих пор носит в значительной мере количественный ха-

рактер (количество выявленных преступников, количество выявленных преступлений). Учитывая эти критерии, оперативные работники милиции, а иногда и некоторые руководители, вольно или невольно, в силу, естественно присущего каждому человеку стремления улучшить результаты своего труда, стремятся больше возбудить уголовных дел (линия БХСС), больше показать в отчетности изобличенных преступников (линия уголовного розыска) даже за счет реализации не всегда полных или достаточно перепроверенных оперативно-розыскных данных. Следовательно, в случае проведения первоначальных следственных действий непосредственно им самим, является в какой-то мере "фильтром", не допускающим реализацию таких недоброкачественных материалов. Естественно, поэтому стремление некоторых недобросовестных работников обойти этот "фильтр", другими словами - реализовать материал, возбудить дело и провести вместо следствия дознание. Если при этом вспомнить, что в течение ряда лет органы внутренних дел либо непосредственно возглавлялись, либо, во всяком случае, находились под сильным влиянием авантюриста Л.П.Берия, становится очевидным не столь уж маловажное значение и этого фактора в те годы. Условием, способствовавшим многим нарушениям законности того времени является именно подмена предварительного следствия дознанием.

Последовательное расширение функции дознания органов внутренних дел имело и ряд других весьма отрицательных последствий.

Наиболее существенное из них - все большее отвлечение оперативного состава аппаратов уголовного розыска и службы БХСС от осуществления опе-

ративно-розыскной деятельности. Дознание, как и любой иной вид процессуальной деятельности, прямо регламентированной нормами закона, специфичен своей строгой обязательностью как вообще, так и в части сроков проведения тех или иных действий. Если в области оперативно-розыскной деятельности срок проведения того или иного мероприятия обуславливается соображениями тактического порядка, а зачастую выбирается в зависимости от возможностей оперативного работника, то в процессе дознания обязательными явятся сроки, установленные законом. К примеру, оперативный работник милиции, проводящий дознание по уголовному делу, в день истечения срока задержания подозреваемого, бесспорно, вынужден будет отложить все ранее планировавшиеся оперативно-розыскные мероприятия, лишь бы успеть доложить собранные материалы уголовного дела прокурору для решения вопроса об избрании меры пресечения задержанному. Обязательность соблюдения процессуальных сроков, необходимость выполнения и оформления всех предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом действий неизбежно лишает лицо, проводящее дознание, в том числе и оперативного работника, если он этим занимается, в значительной части возможности бывать на объектах оперативного обслуживания, в местах концентрации уголовно-преступного элемента, не говоря уже о занятии личным сыском.

Изложенное обстоятельство привело к созданию внутри аппаратов уголовного розыска и службы БХСС отдельных групп или отделений работников, специализирующихся только на проведении дознания. В

дальнейшем эти специализированные отделения и группы были выведены из состава уголовного розыска и БХСС, сведены воедино и образовали самостоятельные аппараты дознания органов милиции.

Объем и компетенция вновь созданных подразделений были настолько широки, что в нормативных актах Министерства внутренних дел, несмотря на то, что это противоречило уголовно-процессуальному закону, они стали официально именоваться следственными отделами, отделениями, группами, а работники этих подразделений — следователями милиции. Деятельность этих работников, кроме более коротких процессуальных сроков, отличалась от работы следователей прокуратуры лишь тем, что по части дел фактически законченное производство передавалось " по подследственности" следователю прокуратуры для перепредъявления обвинения и окончания следствия. Несмотря на огромный вклад этих подразделений милиции в дело борьбы с преступностью, существование такого противоречащего закону суррогата следствия в милиции оценить положительно, видимо, нельзя.

Присвоение органам милиции столь гипертрофированной функции дознания имело отрицательные последствия и в ином плане. Выполнение основного объема работы по предварительному расследованию преступлений органами дознания, лишило естественного стимула роста, развития и укрепления следственные аппараты прокуратуры. Весьма малочисленные по количественному составу, сравнительно плохо оснащенные средствами транспорта и даже криминалистической техники, следователи прокуратуры без помощи органов дознания, по существу, не смогли бы выполнить возложенные на них функции. Неудивительно поэтому, что в то время нача-

ли проявляться различные скрытые формы увеличения мощи следственных аппаратов прокуратуры. Наглядным примером подобных, не обоснованных на законе форм является практиковавшееся зачастую создание смешанных следственных бригад, возглавляющихся следователями прокуратуры, но имеющих в своем составе работников органов милиции.

Такое вкратце было положение с дознанием до 1963 года, когда Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР органам внутренних дел было предоставлено право проведения предварительного следствия. Сразу после этого существовавшие ранее в милиции подразделения дознания были упразднены и на их базе, с добавлением очень незначительной штатной численности следователей прокуратуры, были образованы следственные аппараты МВД. В подследственность этим аппаратам законодателем был передан весьма обширный перечень уголовных дел. Причем круг этот постепенно расширялся. На сегодня следователями МВД расследуется порядка 64% всех уголовных дел, возбуждаемых в стране.^I

В области организации дознания предоставление органам внутренних дел права проведения предварительного следствия и создание в их составе соответствующих следственных аппаратов создало весьма парадоксальное положение. С одной стороны, как уже отмечалось, аппараты дознания в органах внутренних дел были упразднены. С другой стороны — дознание, как разновидность предварительного расследования, сохранилось, причем сохранилось в обеих своих формах. Так, по ряду составов преступлений материа-

^I См. Илларионов В.П. Пути дальнейшего совершенствования деятельности органов МВД СССР в свете решений XXIV съезда КПСС. — В сб.: Вопросы организации следственной работы. Волгоград, 1972, с.19.

лы дознания по-прежнему являются основанием рассмотрения дела в суде. Количественно такие дела составляют порядка 12% от всех возбужденных в стране.¹ Кроме того, порядка 20% уголовных дел, по которым предварительное следствие обязательно, по-прежнему возбуждается работниками милиции и лишь после проведения неотложных следственных действий передается по подследственности следователям МВД или следователям прокуратуры.

Таким образом, несмотря на то, что создание следственных аппаратов в системе МВД казалось бы ликвидировало основную причину необходимости существования дознания, о которой говорилось в начале настоящей статьи, оно продолжает существовать. Представляется, что на современном этапе такое существование уже ничем не оправдано, и может быть объяснено лишь силой инерции исторически сложившихся традиций.

Практика деятельности органов внутренних дел, бесспорно, подтверждает правоту тех авторов, которые ставят вопрос о нецелесообразности дальнейшего сохранения дознания.²

В каком бы аспекте данный вопрос ни исследовать, можно обнаружить отрицательные стороны существования и сохранения дознания.

Во-первых, оно не соответствует элементарным принципам научной организации управления и труда. Отсутствие в аппаратах милиции самостоятельных специализированных подразделений дознания так же, как и раньше, приводит к отвлечению сил, средств и времени оперативного состава уголовного розыска,

¹ См. Илларионов В.П. Цит. работа, с.19.

² См. Илларионов В.П. Цит. работа, с.19.

служб БХСС и иных служб милиции от выполнения оперативно-розыскных и иных задач, стоящих перед ними. Причем, если процессуальные действия (дознание) могли бы быть выполнены следователями (при соответствующем увеличении их штатной численности), то оперативно-розыскной деятельностью никто другой не вправе заниматься, и поэтому этот важный участок работы зачастую остается, в ущерб интересам борьбы с преступностью, попросту невыполненным надлежащим образом. Создание за счет штатной численности оперативных аппаратов милиции вновь самостоятельных подразделений дознания также явно неоправдано, так как по существу приведет к наличию в системе одного органа (органа внутренних дел) двух параллельных служб, выполняющих входные (процессуальные) функции. Такое структурное построение в корне нарушает системность организации, нарушает элементарные принципы НОУТ. Не соответствует этим принципам и неизбежная необходимость неоднократного вызова граждан (потерпевших, свидетелей) для допроса и проведения иных следственных действий вначале к дознавателю, затем еще раз к следователю. Подобный "порядок" вызывает справедливое возмущение трудящихся.^I

Во-вторых, в настоящее время и с точки зрения тактики и методики предварительного расследования сохранение дознания также не оправдывает себя. Возможность возбуждения уголовного дела и проведение целого комплекса следственных действий кем-то иным, а не следователем, который в дальнейшем будет это дело расследовать, как правило, имеет целый ряд отрицательных последствий.

^I См. Гиганов А. Сахалин-Ессентуки и обратно. - "Литературная газета", 1973, 31 января, с. II

Следователь лишен возможности непосредственного восприятия места происшествия и целого ряда других важных источников доказательств.

Передача уголовного дела от одного работника к другому почти неизбежно связана с потерей психологических контактов с участниками процесса (свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми). Нежелательность передачи уголовного дела от одного лица к другому в криминалистической и процессуальной литературе признается давно. Однако, к сожалению, до сих пор обычно говорится лишь о нецелесообразности передачи дела в рамках одного аппарата от следователя к следователю. Совершенно очевидно, что передача дела от лица, проводящего дознание к следователю скажется не менее отрицательно. Министерство внутренних дел страны в последние годы, не ожидая решения вопроса о ликвидации дознания, стремится свести к минимуму случаи таких передач уголовных дел. В ряде директивных указаний и приказов подчеркивается необходимость возбуждения дел своей подследственности, как правило, следователями органов внутренних дел. Эти указания и приказы на местах выполняются. Однако все еще много дел, требующих проведения предварительного следствия, возбуждается органами милиции, не говоря уже о делах, по которым материалы дознания являются основанием для их рассмотрения в суде.

И, в-третьих, не оправдывает себя сохранение дознания и с точки зрения соблюдения социалистической законности. Не прекращающиеся, несмотря на принимаемые многочисленные весьма жесткие меры, случаи необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел в аппаратах милиции, являются на-

глядным доказательством правильности данного тезиса. Единственный практически реальный путь избежания этих нарушений - это лишение права принимать процессуальные решения по собранным материалам работников служб, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОУР, БХСС). Сама специфика их работы, критерии ее оценки подчас создают благоприятные условия для таких нарушений. Вместо кропотливой и трудоемкой работы по организации и проведению оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступлений, некоторые недостаточно сознательные низовые работники порой идут по пути "наименьшего сопротивления" - принимают необоснованные процессуальные решения - отказывают в возбуждении уголовного дела. Аналогичны причины встречающихся еще случаев необоснованного возбуждения уголовных дел работниками милиции, а также случаев необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности. И в том и в другом случае это иногда делается в целях искусственного улучшения формальных показателей результатов работы оперативных служб. Ликвидация дознания и предоставление права принятия процессуальных решений только следователей органов внутренних дел, в принципе исключило бы подобную возможность.

Таким образом, представляется очевидным, что дознание, во всяком случае как функция органов внутренних дел, на современном этапе себя изжила, и ее дальнейшее сохранение приносит лишь отрицательные последствия. Единственным аппаратом в системе органов внутренних дел, имеющим право и обязанность принимать процессуальные решения, а также проводить следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, должны быть следственные подразделения и следователи этих органов.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Относительно объекта и предмета науки криминалистики высказываются различные мнения. В работах криминалистов, как правило, речь идет о предмете науки. Существующие взгляды на предмет криминалистики в известной мере обобщены, в настоящее время здесь различают три основные точки зрения, которые в концентрированной форме нашли свое отражение в даваемых науке криминалистике определениях. Это, во-первых, традиционное определение криминалистики, выработанное А.И. Винбергом¹ и развитое далее С.П. Митричевым². Во-вторых, определение криминалистики, предложенное в последние годы А.Н. Васильевым³. В-третьих, определение, которое развил в своих работах Р.С. Белкин⁴. Расхождения в трактовке предмета криминалистики известны и поэтому на этом вопросе мы не останавливаемся.

В то же время вопрос об объекте криминалистики еще не привлек к себе должного внимания. Имеющиеся в литературе немногочисленные суждения относительно объекта криминалистики не содержат каких-либо развернутых обоснований, а поз-

¹Криминалистика. Ч. I. Под ред. А.И. Винберга и С.П. Митричева, М., 1950, с. 4; Винберг А.И. Введение в криминалистику. Предмет, метод, система курса и история советской криминалистики. М., 1950, с. 6.

²Митричев С. Предмет советской науки криминалистики и её место в системе юридических наук. — "Социалистическая законность", 1952, № 3, с. 25-26; Митричев С.П. Теоретические основы советской криминалистики (Введение в науку). М., 1965, с. 21.

³Васильев А.Н. Советская криминалистика. М., 1970, с. 16. Криминалистика. Под ред. А.Н. Васильева. М., 1971, с. 7-8; Васильев А.Н. О задачах криминалистики в деле усиления борьбы с преступностью и повышения раскрываемости преступлений. — "Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики". Свердловск, 1972, с. 24.

⁴Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с. 42; Криминалистика. Т. I. Под ред. Р.С. Белкина и Г.Г. Зуйкова, М., 1969, с. 10.

тому могут быть признаны предварительными. Эти суждения еще не подверглись сопоставлению, обобщению и оценке. Объектом криминалистики называют уголовно-процессуальные нормы, "а именно те, в которых идет речь о собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств"¹, доказательства², "преступления, замышляемые, готовящиеся, начавшиеся и совершенные"³; Г.А. Матусовский в одном случае объектом криминалистики называет "преступность и методы борьбы с ней", а в другом - предварительное следствие⁴.

Уточнение взглядов на объект науки криминалистики имеет немаловажное значение для дальнейшего развития её теоретических основ, ибо тем самым может быть определено направление дальнейшего развития криминалистических знаний. Во-вторых, может быть более точно определено место криминалистики в системе наук. Наконец, исследования в области объекта науки помогут по-иному подойти к существующим взглядам на предмет криминалистики, с иных позиций оценить их и внести в объяснение предмета науки криминалистики соответствующие коррективы.

При наличии разных точек зрения на объект и предмет криминалистики целесообразно вначале обратиться к понятиям

¹Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с. 42.

²Лузгин И.М. К вопросу о предмете советской криминалистики. - "Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики". Свердловск, 1972, с. 169.

³Колмаков В.П. Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973, с. 6.

⁴Матусовский Г.А. Криминалистика в системе научного знания. - "Криминалистика и судебная экспертиза", вып. 6, 1971, с. 122; Матусовский Г.А. Вопросы научной организации управления и труда в следственной аппарате и их связь с криминалистикой. - "Криминалистика и судебная экспертиза", вып. 9, Киев, 1972, с. 43.

объекта и предмета науки в целом, т.е. безотносительно какой-либо конкретной науки. Это предполагает уяснение того, каковы воззрения на объект и предмет науки в свете совокупного знания о науке как общественном явлении. Не менее важно также уяснение того, каковы пути, способы правильного установления объекта и предмета конкретной науки.

Обращение к тем высказываниям, в которых излагается соотношение объекта и предмета науки, показывает насколько они расплывчаты и неопределенны. В ряде случаев относительно объекта и предмета науки высказываются диаметрально противоположные суждения. Например, то, что одни именуют объектом науки, другие это же именуют предметом и наоборот.¹ Как бы подводя итог всему тому, что высказано в этой области, Б.В.Князев и А.И.Куфтырев пишут, что "в нашей литературе не сформулировано достаточно четко понимание, во-первых, предмета специальной науки вообще, и во-вторых, различие предмета и объекта специальной науки",² хотя "в марксистской гносеологии различаются понятия "объект" и "предмет" исследования".³

Предпринимая попытку уяснить данные понятия, мы исходим из того, что уже высказано в нашей литературе и получило более или менее широкое признание. В самом общем виде объект науки можно определить как объективную реальность, существующую независимо от сознания человека.⁴ Иногда объект нау-

¹См. Грязнов Б.С. Логический анализ понятия "объект научного исследования". - "Проблемы исследования структуры науки (Материалы к симпозиуму)". Новосибирск, 1967, с.35-39; Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973, с.229.

²Князев Б.В., Куфтырев А.А. Методологические основы предмета научного коммунизма. М., 1971, с.8.

³Фетисов В.Я. О предмете научного коммунизма и его специфике. "Методологические проблемы теории научного коммунизма". Л., 1973, с.17.

⁴Копнин П.В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966, с.68; Кардзая Д. К вопросу о гносеологических функциях практики. - "Практика и познание". М., 1973, с.165; Щедровицкий Г.П. Проблема методологии системного исследования. М., 1964, с.14.

ки характеризуют как окружающую человека действительность¹, подчеркивая, что "объект познания есть то, на что направлено познание, о чем нужно получить знание".² Эти в целом правильные положения требуют некоторых пояснений и уточнений, ибо они не показывают соотношение объекта и предмета науки. Чтобы выяснить объект и предмет научного исследования, необходимо обратиться к вопросу о происхождении знания.

Как известно, теория познания домарковского материализма упрощенно объясняла происхождение знаний. Она различала, с одной стороны, внешний человеку мир вещей и процессов в природе или обществе, а с другой — знания как отражение внешнего мира в голове индивида, ученого-одиночки, познающего путем созерцания природные или общественные явления. Окружающую человека действительность метафизический материализм считал объектом познания, а знания — отражением действительности в голове индивида. Тем самым гносеология отождествляла объект знания и действительность. Такова теория познания старого материализма, получившая в марксистской литературе меткое название "гносеологической робинзонады".

Марксистская теория познания принципиально отличается от теории познания старого материализма. В соответствии с марксистской гносеологией познание (практическое и научное) функционирует и развивается на основе практики.³ Марксизм включил в теорию познания также практику. Это крайне существенное уточнение действительности, изучаемой наукой. Отсюда следует, что познание осуществляется не путем пассивного созерцания, а в процессе активного, практического воздействия человека на окружающие его природные или об-

¹ Грязнов Б.С. Цит. работа, с.35; Удин Э. Как понимать объект и предмет научного познания. — "Политическое самообразование", 1967, №3, с.96.

² Кардвая Д. Цит. работа, с.166.

³ Горский Д.П., Смирнов С.Н. Актуальные проблемы диалектико-материалистического учения о практике и познании. — "Практика и познание", М., 1973, с.10.

ественные процессы. В соответствии с марксистской теорией познания, "та действительность, которая определяет возникновение и содержание конкретного знания о данной вещи или явлении природы, это не только сама вещь или явление природы, а нечто большее. Она включает в себя вместе с такой вещью и человека, его определенные материальные средства, его особые действия, направленные на данную вещь".¹ Действительность, изучаемая наукой, должна рассматриваться не только в форме объекта, но и в форме практики,² т.е. должна рассматриваться в единстве обеих форм проявления.

Гносеология старого материализма сводила действительность лишь к объекту знания, тем самым ограниченно объясняла действительность, рассматривала её односторонне, только со стороны объекта, только в форме объекта.

Понимание действительности, изучаемой наукой, как единства объекта познания и субъекта познания в его практической деятельности (и соответственно практического познания), направленной на данный объект впервые в истории было изложено К.Марксом в первом тезисе о Фейербахе.³

Научное знание является отражением действительности. К.Маркс отмечал, что существует лишь одна, единственная наука - наука истории, которую можно рассматривать с двух сторон и соответственно различать истории природы и истории людей,⁴ т.е. естественные и общественные науки. Все общественные науки объединяет то, что каждая из них изучает общество, общественную жизнь, т.е. общественно-значимую деятельность человека, "ибо что такое жизнь, если

¹Трубицын Ю.Н. О предмете и объекте знания. - "Философские проблемы естествознания (материалы конференции 20 октября 1971 г.)" М., 1971, с.79.

²Кардзая Д. Дит. работа, с.170.

³Маркс К.и Энгельс Ф. Сочинения, т.3, с.1.

⁴Маркс К.и Энгельс Ф. Там же, с.16.

она не есть деятельность"¹.

Каждая общественная наука изучает или общество в целом (например, исторический материализм) или его отдельные, относительно самостоятельные области. Одной из таких областей общественной жизни является преступность. Что объединяет такие науки как уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, криминология и некоторые другие? Их объединяет то, что они изучают одно и то же - преступность. Иными словами, преступность является общим объектом целого ряда наук.

Наличие общего объекта позволяет объединить эти науки в одну группу. Так, Г. А. Матусовский выделяет группу наук, которую он называет системой уголовно-правовых наук и их общность видит в наличии у них общего объекта изучения.² А. Н. Васильев³ и С. И. Тихенко⁴ также считают возможным выделить особую группу - "цикл уголовно-правовых наук".⁵

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 564. См. также: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 25; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 415; Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. 2, с. 240, т. 3, с. 170.

² Матусовский Г. А. Криминалистика в системе научного знания. - "Криминалистика и судебная экспертиза", вып. 8, с. 122. Г. А. Матусовский допускает неточность, называя объектом науки "преступность и методы борьбы с ней", ибо методы борьбы с преступностью (т. е. практика), как было показано ранее, наряду с преступностью составляет самостоятельную форму проявления действительности.

³ Криминалистика. Под ред. А. Н. Васильева. М., 1971, с. 8.

⁴ "Методологические проблемы советской юридической науки". Материалы конференции 22 октября 1965 г. Киев, 1965, с. 133.

⁵ Термин "уголовно-правовые науки" недостаточно точен. Среди наук, изучающих преступность и борьбу с ней, нельзя не назвать судебную этику - одну из отраслей науки о нравственности. Судебная этика изучает нравственность в сфере борьбы с преступностью, но остается при этом этической, а не юридической наукой, ибо в противном случае уничтожается грань между правом и нравственностью. Лишь с известной долей условности, исходя из определяющей и ведущей роли науки уголовного права в этой группе наук, их можно именовать уголовно-правовыми, юридическими науками.

В данном случае мы отвлекаемся от того, что разные авторы приводят несопадающие перечни наук, охватываемые понятием "уголовно-правовые науки".

Попытаемся теперь распространить ранее изложенные положения об объекте и предмете научного знания к уголовно-правовым наукам. В целях наглядности развиваемые нами положения схематически можно выразить следующим образом (см. рис. I на следующей странице). На схеме круг слева (А) изображает определенную область действительности - объект уголовно-правовых наук т.е. преступность. В данном случае на схеме преступность обозначена как некая совокупность индивидов - правонарушителей (α^1) и их общественно-значимые т.е. преступные действия (α^2).

Преступности как социальному явлению противостоит не наука, а другая область действительности - борьба с преступностью (В), которая также может быть представлена как некая совокупность индивидов (β^1) и их действия (β^2).

Действительность- предмет уголовно-правовых наук не может быть сведена только к объекту (преступности) или к противостоящей ей деятельности (борьбе с преступностью). Это значит, что предмет уголовно-правовых наук следует брать в обеих формах проявления или, что то же самое, с двух разных сторон. Если следовать приведенной схеме (рис. I), то предмет научного знания составляет всё то, что очерчено эллипсом. Однако более точным и строгим является утверждение о том, что под предметом научного знания следует понимать лишь то, что на схеме обозначено буквой "е". Это и есть предмет уголовно-правовых наук, предмет знания как таковой, т.е. вне форм его проявления. Выделенный таким образом предмет знания есть определенная абстракция, ибо предмет (е) вне форм его проявления (А и В) не существует.

Борьба с преступностью как практическая деятельность является одновременно познанием преступности (практическое познание). В процессе практической деятельности человечество накапливает знания о преступности и методах борьбы с

Рис. 1.

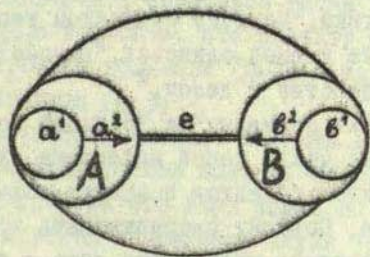
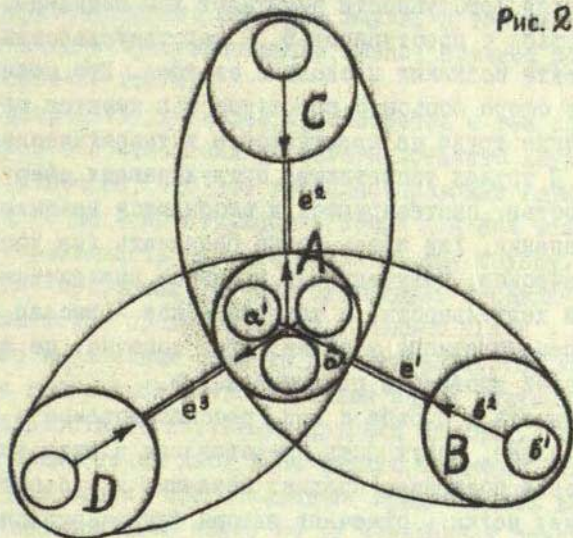

Рис. 2.

ней. Наука (теоретическое познание) обобщает знания, полученные в процессе практического познания. Научное познание, как отмечает болгарский философ П. Гиндев, является духовным освоением практики.¹ Поэтому субъектом теоретического познания является не ученый-одиночка, "гносеологический робинзон", а всё общество в целом.²

Категории "объект познания" и "субъект познания" - парные, взаимосвязанные между собой категории. Та или иная сфера жизни становится объектом познания лишь при наличии познающего субъекта. Поэтому рассматривать преступность в качестве объекта познания правомерно лишь в том случае, если ей противостоит субъект познания. Таким образом, субъектом познания преступности выступают все индивиды, участвующие в борьбе с преступностью. В действительности, вопрос о субъекте познания несколько сложнее. Это объясняется тем, что в сфере борьбы с преступностью имеется определенное разделение труда на практическую и теоретическую деятельности. В трудах теоретиков, обслуживавших сферу борьбы с преступностью, синтезируются и обобщаются накопленные практикой знания. Уже здесь можно различать два уровня знания: эмпирическое, полученное в процессе практической познавательной деятельности, и теоретическое - высшая ступень знания, вырабатываемого учеными. Это, конечно, не исключает и эмпирический уровень в развитии науки.

Преступность и борьба с ней, рассматриваемые в гносеологическом плане, могут быть представлены в виде трех элементов: объект познания, предмет познания и субъект познания. "Предмет науки, - отмечают авторы фундаментального тру-

¹ Ленинская теория отражения и современная наука. Кн. 3. Теория отражения и обществознание. София, 1973, с. 44.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. I, с. 38. См. также: Копнин П. В. Цит. работа, с. 58-65; Хаан Э. Исторический материализм и марксистская социология. М., 1971, с. 27 и др.

да "Марксистско-ленинская общая теория государства и права", - находится, таким образом, как бы между субъектом и объектом исследования"¹. Обратимся вновь к нашей схеме (рис.1): нетрудно заметить, что объекту познания (А) противостоит субъект познания (В), а между ними расположен предмет познания (е).

Итак, изложенное позволяет сделать вывод: объект научного знания составляет лишь одну из сторон предмета научного познания, одну из его двух форм. Но этим самым вопрос о соотношении объекта и предмета науки еще не решен полностью. Связь между ними более сложна, более противоречива и диалектична. Это выражается в том, что наряду с тезисом: объект науки - сторона предмета науки, в той же мере является истинным и противоположный тезис: предмет науки - сторона объекта науки.

Как разрешить указанное противоречие и тем самым решить вопрос о соотношении объекта и предмета науки? Ранее было отмечено, что все уголовно-правовые науки изучают одно и то же - преступность. Общий для них всех объект позволяет объединить все эти науки в одну группу. Но между уголовно-правовыми науками существует и различие, которое выражается в предмете науки. Предмет науки - это та абстрактно выделенная область действительности, которая изучается конкретной наукой. Каждая наука изучает область действительности, не изучаемую другими науками. Ранее приведенная схема точна лишь в известных пределах, она правильна в той части, что показывает предмет всех вместе взятых уголовно-правовых наук, но не показывает различие между ними. Как известно, преступность изучается целым рядом наук, изучается ими с разных сторон, в разных аспектах.

¹Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970, с.53.

Преступность, как отмечает В.Н.Кудрявцев, может рассматриваться в самых различных аспектах: правовом, нравственном, психологическом и других¹.

Чтобы значительно не усложнять ранее приведенную схему, предположим, что преступность изучается только тремя науками. В этом случае схема примет следующий вид (см. рис.2)². При этом оказывается, что единый объект (А) - преступность расчленяется науками, каждая из них вычленяет свою абстрактную сторону объекта (e^1, e^2, e^3) и называет её своим предметом.

То, что предмет каждой науки является научной абстракцией подчеркивают многие авторы. Предметом науки, пишет Б.М.Кедров, является не отдельное материальное образование, а его абстрактно выделенная сторона, нигде и никогда не существующая в самостоятельном виде.³ Л.К. Науменко и Г.А.Югай предмет науки характеризуют как "научную абстракцию от единой многообразной переплетенной в органическую целостность действительности".⁴ Многие авторы прямо указывают на то, что предмет науки - это сторона реального объекта.⁵ Г.П.Щедровицкий, в частности, пишет, что "предмет знания не тождественен объекту: он является про-

¹Кудрявцев В.Н. Социологический аспект преступления. "Вопросы борьбы с преступностью", вып.18, М., 1973, с.3.

²Преступность изучается не тремя, а большим числом наук. В этом случае схема несколько усложнится, но принципиально останется такой же: увеличится лишь количество эллипсов, совпадающих в круге "А" (см.рис.2).

³Кедров Б.М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1967, с.78.

⁴Науменко Л.К., Югай Г.А. "Капитал" К.Маркса и методология научного исследования. М., 1968, с.18.

⁵Лекторский В.А. Принципы воспроизведения объекта в знании. - "Вопросы философии", 1967, №4, с.49.

Фетисов В.Я. О предмете научного коммунизма и его специфике. - "Методологические проблемы теории научного коммунизма". Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда, вып.УИ, Л., 1973, с.17.

дуктом человеческой познавательной деятельности... Начиная изучать или просто "включая" в деятельность какой-либо объект, мы берем его с одной или нескольких сторон. Эти выделенные стороны становятся "заместителем" или "представителем" всего многогранного объекта"¹. О предмете юридической науки как стороне объекта пишут и некоторые правоведы², хотя в целом этот вопрос в юридической литературе совершенно не разработан.

Таким образом, преступность изучается целым рядом наук и с точки зрения каждой науки "картина" преступности будет иной, хотя объект изучения один и тот же. Различные аспекты одного и того же объекта можно сравнить с рассмотрением какого-либо тела, например, конуса по отбрасываемой им тени. В зависимости от взаимного расположения конуса и источника света возникают самые различные изображения конуса: тень, отбрасываемая конусом приобретает форму круга, треугольника и т.п.

Подобно тому как преступность оказывается мысленно расчлененной на различные стороны или аспекты, так и противостоящая ей борьба с преступностью может рассматриваться в различных аспектах. Взятая в одном аспекте, борьба с преступностью является уголовно-правовой, в другой - процессуальной, в третьем - криминалистической, в четвертом - оперативно-розыскной и т.д., ибо всё зависит от аспекта рассмотрения. Каждый аспект борьбы с преступностью может быть представлен как соответствующая форма деятельности: уголовно-правовая, процессуальная, криминалистическая³.

¹Шедровицкий Г.П. Цит. работа, с.14.

²Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система). - "Ученые труды Свердловского юрид. ин-та", т.У1, Свердловск, 1961, с.172.

³Обоснование наличия криминалистической деятельности см.: Р.Домбровский. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения. - "Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства". Ученые записки Латвийского госуд. ун-та им.П.Стучки, т.188, Рига, 1973, с. 114-136.

психологическая, нравственная и т.д. На схеме (рис.2) эти формы деятельности показаны как "B", "C", "D". Следует лишь оговорить, что указанные формы деятельности также являются абстракциями, выделяемыми в мышлении и посредством мышления и не существующими в действительности самостоятельно и отдельно друг от друга. В заключение отметим, что каждому аспекту или стороне преступности соответствует свой аспект или сторона борьбы с преступностью, а предмет науки (на рис.2 соответственно "e", "e¹" и "e²") представляет собой связующее звено, связь, отношение соотносящихся между собой двух сторон - преступности и борьбы с ней.

Подобное объяснение, даваемое нами предмету каждой науки в сфере борьбы с преступностью, не только не противоречит, но и в полной мере соответствует общепринятым положениям относительно предмета общественных наук.

Предмет каждой общественной науки - это определенная область однородных общественных отношений, а общественные отношения, как известно, складываются из взаимных действий индивидов. Поведение личности - определенные действия индивида - составляют одну сторону общественного отношения.¹ Взаимосвязанное с первым поведение другого индивида - вторая сторона того же общественного отношения. Наличие общественного отношения, отмечал Ф.Энгельс, "означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие".²

На схеме (рис.2) показаны: индивид (α') и его определенные действия (α''). Это одна сторона общественного отношения. Названной стороне противостоит вторая сторона - ин-

¹ Пеньков Е.М. Социальные нормы - регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972, с.5.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т.14, с.497-498.

дивид (e') и его действия (e''). То, что находится между указанными сторонами (e'), т.е. то, что нами было названо предметом науки, одновременно является общественным отношением, а взаимные действия индивидов - это стороны или формы проявления общественного отношения. Трудности в объяснении общественных отношений заключаются в том, что они как таковые (т.е. вне форм своего проявления) не обладают никаким непосредственно чувственно воспринимаемым коррелятом.¹ Они могут быть познаны только через формы их проявления, через действия реальных личностей. В связи с этим нельзя не вспомнить широко известные слова В.И.Ленина о том, что "социолог-материалист, делаящий предметом своего изучения определенные отношения людей тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения".²

Как связать эти положения с объяснением предмета науки криминалистики? В криминалистике общепризнанным является отнесение к её предмету определенных приемов и методов, именуемых криминалистическими. Соответственно подобному взгляду формулируется определение предмета криминалистики. Это положение, на наш взгляд, требует некоторого уточнения. Во-первых, все криминалистические приемы, методы могут быть объединены одним понятием - криминалистическая деятельность. В таком случае предметом криминалистики будет названа криминалистическая деятельность. Однако, подобное понимание предмета науки криминалистики является односторонним и, следовательно, неполным. Ранее нами было показано, что действительность, изучаемую наукой, - предмет науки следует брать в единстве двух форм: как в форме объекта, так и в форме практики. Традиционное понимание предмета криминалистики лишь как криминалистических приемов и методов являет-

¹ Хаан Э. Цит. работа, с.67-68.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд.5-е, т.1, с.424.

ся односторонним потому, что оно рассматривает предмет науки лишь со стороны практики и не учитывает его вторую сторону - в форме объекта.

В советской криминалистической литературе по существу все авторы признают, что криминалистика изучает как приемы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, так и приемы раскрытия преступлений. С.А.Голунский и Б.М.Шавер еще в 1939 г. указывали на то, что "методика расследования преступлений всегда учитывает методы совершения этих преступлений", что "при разработке методики расследования отдельных категорий преступлений всегда приходится идти от метода совершения преступления к методу его раскрытия".¹ В работах А.И.Винберга, А.Н.Колесниченко, Н.В.Терзиева, И.Н.Якимова и многих других криминалистов имеются указания на то, что криминалистика изучает способы совершения преступлений. Но как только дело доходит до формулировки определения предмета науки криминалистики, то одна из сторон, одна из форм предмета науки не упоминается.

Как известно, в последние годы общепринятое определение предмета криминалистики стало подвергаться критике. В частности, Р.С.Белкин, критикуя это определение, пишет: "Определение предмета криминалистики нуждается в пересмотре, во-первых, потому, что оно неполно, ибо не отражает целого ряда "традиционных" сторон предмета криминалистики, таких, например, как изучение способов совершения преступлений."²

Пересмотр определения предмета науки криминалистики не означает, конечно, того, что следует отказаться от всего, что уже накопила криминалистическая наука и сформулировать совершенно новое определение. В данном случае речь идет об

¹Голунский С.А. и Шавер Б.М. Криминалистика. М., 1939, с.11.

²Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с.32.

уточнении предмета науки, его дополнении путем указания на его вторую сторону. Предметом науки криминалистики должны быть названы, с одной стороны, приемы подготовки, совершения и укрытия преступлений, а с другой - приемы раскрытия преступлений. Изложенное можно высказать иными словами: предметом науки криминалистики являются определенные общественные отношения, названные нами криминалистическими¹, а сторонами, формами проявления криминалистических отношений выступают взаимные действия индивидов: приемы подготовки, совершения и укрытия преступлений, с одной стороны, и приемы раскрытия преступлений, с другой. Каждое из взаимных действий индивидов представляет собой то, что в философском аспекте именуется явлением. Наука криминалистика изучает эти явления и в то же время не останавливается на них, а стремится установить связи между ними, стремится выявить более глубокие, скрытые за явлениями, связывающие явления сущностные отношения - криминалистические отношения как разновидность общественных отношений.

Изложенные положения, будучи выражены в форме всеобщности, требуют детализации. Действия лица по подготовке, совершению и укрытию преступлений, выраженные в его взаимодействии с материальной средой, составляют технику совершения преступлений, в взаимодействие следователя с материальной средой - технику раскрытия преступлений. Названные действия обеих сторон в их взаимной связи составляют тактику (тактику правонарушителя и тактику следователя). В зависимости от вида совершенного преступления (техника и тактика правонарушителя) действиям правонарушителя противостоят определенные действия следователя - методика расследования отдельного вида преступления (определенная техника и тактика). Связующим звеном всех названных явлений и являются криминалистические отношения.

¹ Домбровский Р. Цит. работа, с.125-135.

Psihologiskā kontakta izpratne un nozīme
apsūdzētā pratināšanā

Lai sasniegtu pratināšanas mērķi - iegūtu pilnīgas un patiesas ziņas par faktiem un apstākļiem lietā, izšķiroša nozīme ir psihologiskā kontakta izveidošanai starp izmeklētāju un apsūdzēto. "Jebkurš no parāmiem, kas izraudzīts, lai iegūtu patiesas liecības, nedos sagaidāmo efektu, ja netiks izveidots psihologiskais kontakts starp izmeklētāju un apsūdzēto."¹

"Psihologiskais kontakts palīdz izmeklētājam izziņāt pratināšanā domas un jūtas, iedarboties uz tām, lai iegūtu patiesas liecības."²

Psihologiskā kontakta izveidošana ar apsūdzēto ir viena no sarežģītākajām problēmām. Tā veidošana pratināšanā jāaplūko, ņemot par pamatu psiholoģijas zinātnes atziņas par cilvēku attiecībām jeb saskarsmi. Kontakta izveidošanu ar apsūdzēto psiholoģija neaplūko, jo tas neietilpst šīs zinātnes uzdevumos.

Prasme veidot pareizas attiecības ar citiem cilvēkiem ir jāapgūst katram, bet, it īpaši, nepieciešama izmeklētājam. Izmeklētāja un apsūdzētā savstarpējās attiecības pratināšanā nosaka mērķis, kas jāsasniedz. Sasniedzamais mērķis veido saskarsmes un savstarpējās mijiedarbības makroievirzi.

Izmeklētājs un apsūdzētais, vadoties no konkrētajiem apstākļiem, novērtē viens otra rīcības iespējas. Atkarībā no tā, kā izmeklētājs un apsūdzētais novērtē viens otra iespējas, veidojas mikroievirze, kas tieši ietekmē izmeklētāja un apsūdzētā konkrēto rīcību un izturēšanos katrā pratināšanas momentā.

Psihologiskā kontakta izveidošana ar apsūdzēto juridiskajā literatūrā aplūkota dažādi un izteikti pretrunīgi viedokļi. Arī praktisko darbinieku vidū šajā jautājumā pastāv

¹ Карнеева Л.М. Тактические приемы допроса обвиняемых - "Труды высшей школы МВД СССР", 1971, вып. 32, с. 180.

² Соловьев А.Б. Очная ставка на предварительном следствии. М., 1970, с. 5.

atšķirīgi uzskati. Dažādo uzskatu pamatā ir jautājumi par to, ko saprot ar psiholoģiskā kontakta jēdzienu, kāds ir tā izveidošanas mērķis; vai psiholoģiskais kontakts starp izmeklētāju un apsūdzēto ir nepieciešams, vai kontakts ir pratināšanas taktikas paņēmieni vai zināms nosacījums, kas sekmē taktikas paņēmieni efektīvu pielietošanu, un kādi faktori nosaka kontakta izveidošanu.

Pretrunīgo uzskatu pastāvēšanu sekina tas, ka līdz šim laikam nav plašu monogrāfisku pētījumu par psiholoģiskā kontakta problēmām.

Nepieciešamību izveidot psiholoģisko kontaktu ar pratināmo pasvītro daudzi autori, kas aplūkojuši pratināšanas taktiku, tomēr retāk tiek iztirzāta kontakta izveidošana ar apsūdzēto. Psiholoģiskā kontakta sasniegšanai lietotajām metodēm, pratinot apsūdzēto, ir visai daudz kopēja ar liecinieka, cietušā vai aizdomās turētā psiholoģiskā kontakta izveidošanas metodēm, tādēļ turpmāk analizēsim arī darbus, kuros aplūkota psiholoģiskā kontakta veidošana, pratinot dažādus kriminālprocesa dalībniekus. Nepieciešams pasvītrot, ka izveidot psiholoģisko kontaktu ar apsūdzēto ir nesalīdzināmi sarežģītāk, nekā sasniegt kontaktu ar liecinieku vai cietušo.

Dažādi autori par psiholoģisko kontaktu izteikuši visai atšķirīgus uzskatus. Vieni uzskata, ka psiholoģiskais kontakts ir izmeklētāja darbības rezultāts un līdzeklis patiesu liecību iegūšanai¹; ka taktikas paņēmieni ir līdzekļi psiholoģiskā kontakta izveidošanai²; otri, ka psiholoģiskais kontakts starp izmeklētāju un apsūdzēto ir taktikas paņēmieni, kas palīdz iekarot apsūdzētā uzticību,³ trešie,

¹Порузов Н. Допрос. Минск, 1968, с. 47. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1970, с. 227-234 и др.

²Доспулов Г. Г. О психологии допроса обвиняемого. В кн.: Некоторые вопросы борьбы с преступностью. Казахстан, 1970, с. 173.

³Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлении. М., 1970, с. 109.

Гарина Л.

ka psihologiskais kontakts ir priekšnosacījums sekmīgai taktikas paņēmieni lietošanai,¹ bet vēl citi, ka psihologiskais kontakts ar apsūdzēto var būt gan kā taktikas paņēmieni, gan savdabīgs fons, kas visaktīvāk sekmē citu pratināšanas taktikas paņēmieni lietošanu.² Izteiktas arī domas, ka jēdziens - psihologiskais kontakts vispār nav pieņemams.³ Bez tam izteikti arī citādi uzskati, kurus turpmāk aplūkosim.

Vispirms analizēsim literatūras avotus par psihologisko kontaktu. Tā kā vienota uzskata šī jautājuma izpratnē nav, tad nepieciešams aplūkot dažādos uzskatus tuvāk, lai noskaidrotu psihologiskā kontakta jēdziena būtību, izveidošanas mērķi un kā to sasniegt.

Psihologiskā kontakta jēdzienu sāksim aplūkot ar reti sastopamu uzskatu, kas vispār noraida jēdzienu psihologiskais kontakts, kritizējot tā nepieciešamību un lietderību. Tā, M. Strogovičs raksta: "Pats jēdziens "psihologiskais kontakts", neskatoties uz tā zinātnisko, vārdisko apvalku, ir tikpat neveiksmīgs, cik izmeklēšanas praksē lietotais neliterārais izteiciens, ka, lai iegūtu no apsūdzētā liecības, izmeklētājam vajag nevis pratināt apsūdzēto, bet strādāt ar apsūdzēto!"⁴

No citētā var secināt, ka M. Strogovičs iebilst pret pašu jēdzienu "psihologiskais kontakts", bet nevis pret psihologisko attiecību izveidošanu starp izmeklētāju un apsūdzēto. Pēc viņa domām jēdziens "psihologiskais kontakts", lai apzīmētu attiecības, kas jāizveido starp izmeklētāju un pratināmo, izraudzīts neveiksmīgi. Tātad, pēc M. Strogoviča domām, vajadzētu lietot citu jēdzienu. Tomēr krimi-

¹ Иванов Д. Воспитательное воздействие советского предварительного следствия. М., 1967, с. 44.

² Кухарев В. А., Филонов Л. Б. О некоторых способах установления психологического контакта с обвиняемым. "Вестник Моск. ун-та. Право." 1970, № 3, с. 64.

³ Строгович М. Рецензия на книгу Рахунова Р. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. - "Социалистическая законность," 1956, № 9, с. 88.

⁴ turpat, 88. lpp.

nālistikas zinātne norāda gluži pretējo, ka jēdziens psihologiskais kontakts ne tikai nav neliterārs izteiciens, bet to plaši lieto arī izmeklēšanas praksē. Tādējādi jēdziens psihologiskais kontakts pierādījis savu plašo pielietojamību un vitalitāti un kā jēdziens kļuvis neaizstājams.

Visai plaši psiholoģiskā kontakta izpratni aplūkojis N. Porubovs, uzsverot, ka "kontakts izmeklēšanas praksē ir savstarpējais sakars starp izmeklētāju un personām, kuras piedalās lietā. Kontakta būtību starp izmeklētāju un procesa dalībniekiem nosaka psiholoģisko attiecību specifika, kas veidojas starp tiem. Psiholoģiskā kontakta izveidošana ar pratināmo ir līdzeklis patiesu liecību iegūšanai, patiesības noskaidrošanai lietā."¹

"Psiholoģiskais kontakts ir savstarpējas ietekmēšanas, saprašanās un kopējā pārdzīvojuma process... Psiholoģiskais kontakts iespējams tur, kur tā dalībnieki izjūt nepieciešamību kopēji darboties un pēc saskarsmes vienam ar otru!"²

Kā redzams no citētā, N. Porubovs uzskata psiholoģisko kontaktu pratināšanā par līdzekli patiesu liecību iegūšanai. Šai jātājuma viņa viedoklis tāpat ir noteikts.

"Savstarpēja saskarsme starp cilvēkiem veido sistēmu, kuru sauc par kontaktu. Pratināšana kā savstarpējs iedarbības process raksturojas ar divām pretstatu pusēm, psiholoģisko cīņu un psiholoģisko kontaktu, atkarībā no tā, vai izmeklēšanai ir konflikta vai bezkonflikta raksturs. Ja pratināmais tiecas dot nepatiesas liecības, tad pratināšanā veidojas konflikta raksturs. Konflikta raksturā starp tā dalībniekiem var būt arī kontakts. Tāpēc kontaktu nevajag saprast kā stāvokli, kad rodas simpātijas vai tiek atrisinātas visas pretrunas ... Psiholoģiskais kontakts ir stāvoklis, kad cilvēki var un vēlas pieņemt cita sniegto

¹ Порубов Н.И. Допрос. Минск, 1968, с. 47.

² Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973, с. 73-74.

informāciju." ¹

N. Porubovs uzskata, ka psihologiskais kontakts ir tāds stāvoklis, kad cilvēki var un vēlas pieņemt cita sniegto informāciju. Tomēr, ja apsūdzētais var un vēlas pieņemt cita sniegto informāciju, tad tas vēl nenozīmē, ka apsūdzētais vēlēšies sniegt informāciju arī izmeklētājam, it īpaši par apstākļiem, kam sakars ar viņa noziedzīgo darbību. Bet šo jautājumu N. Porubovs tuvāk neaplūko.

N. Porubovs atzīmē, ka "psihologiskā kontakta veidošanas process galvenokārt ir atkarīgs no izmeklētāja, viņa profesionālās sagatavotības, pieredzes un psihologiskām īpašībām" ² Psihologiskā kontakta izveidošanai ar pratināmo N. Porubovs norāda uz trīs svarīgiem pasākumiem:

1. Nepieciešams radīt pratināmā ieinteresētību dot liecības, radīt interesi savstarpējai saskarsmei. Izmeklētājs izskaidro apsūdzētajam, ka dot liecības ir viņa paša intereses. Zinot saskarsmes mērķi, var aktivizēt psihiskos procesus. Izmeklētājam jāatklāj un jāpalīdz pratināmajam pārvarēt negatīvos motīvus;

2. Izmeklētājam jāaktivizē pratināmā loģiskā domāšana. Šai nolūkā lietojamas pārliecināšanas metodes un pieredzējumi;

3. Jārada tāds pratināmā emocionālais stāvoklis, kas automātiski novērstu aizturi, pārvarētu apātijas un vienaldzības jūtas par savu likteni, modinot pienākuma jūtas un pārliecību. ³

N. Porubovs atzīmē, ka kontakta izveidošanai ar pratināmo nevar būt šablona. Stingri jāņem vērā pratināmā individualitāte. Īpaši ņemams vērā apsūdzētā psihiskais sasprindzinājums. Katrā gadījumā jācenšas to izprast un ar taktikas paņēmieniem izkļaidēt, jo atsaucas negatīvi uz kontakta izveidošanu. ⁴

1. Порубов Н. И. Допрос. Минск, 1968, с. 46-47.

2 turpat, 50. lpp.

3 turpat, 48-50. lpp.

4 turpat, 47. lpp.

Lai gan N. Forubovs nedod izvērstu psiholoģiskā kontakta jēdziena definīciju, viņa viedoklis pietiekami skaidri izteikts. Var uzskatīt par pareizu, ka psiholoģiskā kontakta veidošanas procesā noteicoša loma ir izmeklētāja personībai. Pareizi aplūkoti arī izmeklētāja veicamie pasākumi psiholoģiskā kontakta sasniegšanai ar pratināmo. Kaut gan pēdējais jautājums nav plašāk aplūkots, teiktais rada pārlicību, ka minētiem trīs pasākumiem ir svarīga loma psiholoģiskā kontakta izveidošanai, lai iegūtu patiesas liecības.

Tomēr var iebilst pret atsevišķiem N. Forubova uzskatiem. Psiholoģiskā kontakta izveidošanu ar apsūdzēto negatīvi ietekmē pratināmā psihiskais sasprindzinājums, tādēļ N. Forubovs iesaka to katrā gadījumā izkliegt. Tomēr teiktais neizskaidro, vai no psihiskā sasprindzinājuma jāpārlīdz atbrīvoties pilnīgi vai daļēji.

Katra personība, tajā skaitā arī apsūdzētais, ir individualitāte, tikai ar viņam raksturīgām psiķes īpatnībām, tādēļ, ņemot to vērā, nevar pieņemt, ka psihiskais sasprindzinājums katrā gadījumā izkliegtājams pilnīgi. Var uzskatīt, ka, ievērojot apsūdzētā personību un pratināšanas apstākļus, psihiskais sasprindzinājums ir jāmaina, to samazinot vai pilnīgi izkliegt.

Psiholoģisko kontaktu samērā plaši aplūkojis A. Dulovs, uzsverot, ka nevar sasniegt pratināšanas mērķi, ja nav izveidots psiholoģiskais kontakts starp izmeklētāju un pratināmo. Kontakta izveidošana ir izejas punkts, lai īstenotu psihisko saskarsmi pratināšanā un ir tās pirmā stadija.¹

Pēc A. Dulova domām, "kontakta jēdziens vispirms saistīts ar apstākļu radīšanu, lai sasniegtu pratināšanas vispārīgos mērķus. Vajag noteikt pratināmā vēlēšanos stāties saskarsmē, viņa gatavību un spēju uztvert, pārstrādāt iz-

¹ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1970, с. 227.

izmeklētāja dotos uzdevumus, aktivizēt un ievirzīt psihiskos procesus, lai atrisinātu šos uzdevumus"¹ " Psihologisko kontaktu var uzskatīt par izveidotu, ja izmeklētājs pratināšanas sagatavošanas procesā pārliecinājies, ka radīti nepieciešamie apstākļi psihiskās saskarsmes vislabvēlīgākai izpausmei... Kontakta izveidošana vēl nenozīmē, ka pratināmajam visos gadījumos rodas vēlēšanās pilnībā sniegt izmeklētājam visu zināmo informāciju. Vajag sasniegt vispārīgu vēlēšanos sniegt informāciju, kas, savukārt, sekmē uzņemt izmeklētāja sniegto informāciju, viņa iedarbības metodes. Kontakts paredz informācijas saprašanu, interesi tās uztveršanā, pārstrādāšanā un tādu psihisko stāvokli, kas sekmē aktīvi to pārstrādāt."²

Visai neskaidras paliek A.Dulova domas par to, " ka vajag sasniegt vispārīgu vēlēšanos dot informāciju, kas, savukārt, sekmē uzņemt izmeklētāja sniegto informāciju, viņa iedarbības metodes." Nav noskaidrots, kā sasniegt šādu pratināmā vispārīgu vēlēšanos. Diemžēl netiek norādīts, kā uzzināt par pratināmā vispārīgu vēlēšanos.

Arī A.Dulovs psiholoģiskā kontakta izveidošanu uzskata par procesu ar vairākām stadijām. Katrai stadijai ir savi atšķirīgi uzdevumi:

1. Jānoskaidro pratināšanas apstākļu iespējamā iedarbība uz pratināmā psihi un noskaņojumu;

2. Psiholoģiskā kontakta veidošanās sākas ar izmeklētāja komunikatīvo īpašību izpausmi;

3. Kontakta izveidošana paredz izzināt pratināmā patieso noskaņojumu pašreizējā brīdī un noteikt nepieciešamību veikt pasākumus viņa psihiskā noskaņojuma izzināšanai;

4. Kontakta veidošana aptver arī izmaiņas saskarsmes psiholoģiskajā struktūrā;

5. Obligāta kontakta veidošanas stadija ir intereses iz-

¹ Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1970, с.228.

² turpat, 228, 229. lpp.

raisīšana pratināmajam par sagaidāmo pratināšanu.^I

Pirmās stadijas uzdevums, pēc A. Dulova domām, nodrošināt tādus pratināšanas apstākļus, kas izraisa pratināmā vislielāko interesi par pratināšanas mērķi un saskarsmi ar izmeklētāju. Nepieļaut novērst pratināmā uzmanību uz citiem objektiem.

Otrajā stadijā izmeklētājam jācenšas novērst asās konflikta situācijas. Jākoncentrē apsūdzētā uzmanība uzņemot izmeklētāja sniegto informāciju. Izmeklētājam jācenšas parādīt visas savas pozitīvās komunikatīvās īpašības.

Trešajā stadijā izmeklētājam nepieciešams izpētīt pratināmā personību, viņa psihisko stāvokli, jo bez tā izmeklētājs nevarēs vadīt kontakta veidošanu un to sasniegt. Parasti, nezinot pratināšanas mērķi vai tikai to nojaušot, pratināmais pārdzīvo satraukumu, kas rada psihisku sasprindzinājumu. Tāds stāvoklis psiholoģiskā kontakta veidošanai nav labvēlīgs, tādēļ ir nepieciešams to novērst. Psiholoģiskais kontakts vienmēr rada noskaņojumu, kas sekmē uztvert izmeklētāja sniegto informāciju un lietoto metožu iedarbību.

Pratināmā psihiskais sasprindzinājums var izpausties arī kā pārlietu uzmanības koncentrēšana uz kādu parādību vai noteiktu mērķi, tādēļ psiholoģiskā kontakta sasniegšanu tas var kavēt. Turpretī neliels satraukums var aktivizēt pratināmā domāšanu. Tādēļ var uzskatīt, ka neliels satraukums sekmē psiholoģiskā kontakta sasniegšanu.

Ceturtais stadijas uzdevums ir novērst asās konflikta attiecības, kas vienmēr pazemina personas psihisko aktivitāti. Konflikta attiecību novēršana, pat saglabājoties konflikta situācijai, var radīt tādus apstākļus, kādi nepieciešami pratināšanai.

Piektajā stadijā, lai radītu pratināmā interesi par

^I Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1970, с. 229-232.

sagaidāmo pratināšanu, par noteicošo uzskata personības psihiskās īpatnības, pratināmā procesuālo stāvokli, viņa informētību par pratināšanas mērķi un attieksmi pret gaidāmo pratināšanu.

Psiholoģiskā kontakta izveidošanas stadijas visumā aptver galvenos posmus kontakta sasniegšanai ar pratināmo.

A.Dulovs un P.Ļesterenko aplūko psiholoģiskā kontakta izveidošanas mērķus. Šādus psiholoģiskā kontakta izveidošanas mērķus min trīs:

1. Izraisīt pratināmā interesi par gaidāmo pratināšanu;
2. Radīt interesi par pratinātāju;
3. Radīt interesi par gaidāmo pratināšanu var, izskaidrojot saņemamās informācijas nozīmi, kā arī sniedzot pratināmajam svarīgu informāciju.¹

No minētā redzams, ka autori parāda tikai divus psiholoģiskā kontakta izveidošanas mērķus: izraisīt pratināmā interesi par gaidāmo pratināšanu un radīt interesi par pratinātāju. Norādītais trešais mērķis uzskatāms par abu iepriekš minēto mērķu izskaidrojumu, kā praktiski sasniegt psiholoģisko kontaktu.

A.Dulovs un P.Ļesterenko dod arī psiholoģiskā kontakta definīciju: "Kontakts paredz informācijas saprašanu, interesi tās uztveršanā un pārstrādāšanā."²

Salīdzinot A.Dulova un P.Ļesterenko doto psiholoģiskā kontakta jēdzienu ar iepriekš citēto A.Dulova psiholoģiskā kontakta jēdzienu, redzams, ka atšķirības ir tikai detaļās. Tomēr A.Dulova un P.Ļesterenko dotais psiholoģiskā kontakta jēdziens ir šaurāks. Tas neparedz arī psiholoģiskā kontakta sasniegšanas galveno mērķi.

A.Dulovs un P.Ļesterenko atzīmē, ka "psiholoģiskā kontakta veidošanas stadiju pareizāk nosaukt par procesu, kas attīstās, un kontrole par tā īstenošanu norit visu pratināšanas laiku. Izmeklētāja pieļauto kļūdu rezultātā tālākā

¹ Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий, Минск, 1971, с. 70 - 71.

² turpat, 71.lpp.

pratināšanas gaitā kontakts var izzust. Tas izzūd, zūdot interesei par saskarsmi!¹

Var piekrist autoru viedoklim, ka izmeklētāja pieļauto kļūdu dēļ psihologiskais kontakts ar pratināmo var izzust. Tomēr nevar šo jautājumu aplūkot tā, ka kontakta izveidošanu vai tā izzušanu nosaka tikai izmeklētāja rīcība. Jāņem vērā arī citi faktori.

V. Smislovs uzskata, ka psihologiskā kontakta veidošana ir process, kas sākas no pirmās saskares ar pratināmo un beidzas, uzrakstot pratināšanas protokolu. Jau ar pirmo saskari izmeklētājam vajag atrast, izstrādāt tādu savstarpējās iedarbības līniju, kas spēj nodrošināt, lai nodotu un saņemtu izvērstu un patiesu informāciju. Tādi taktikas paņēmieni kā brīvais stāstījums, jautājumu uzdošana, palīdzība atcerēties aizmirsto, prasme parādīt aizmirsto un citi kalpo psihologiskā kontakta izveidošanai.²

Tādējādi, pēc V. Smislova domām, taktikas paņēmienus lieto, lai izveidotu ar pratināmo psihologisko kontaktu.

Samērā plaši psihologisko kontaktu ar apsūdzēto pratināšanā ir aplūkojis G. Dospulovs. Viņš uzsvēris, "ka būtu kļūda domāt, ka psihologiskais kontakts starp izmeklētāju un apsūdzēto pastāv tikai tad, ja apsūdzētais atzīst sevi par vainīgu... Ja persona sākotnēji atzinusi sevi par vainīgu nepatiesi, bet vēlāk, kad izmeklētājs atmaskojis viņa melus vai arī viņš labprātīgi atteicies no tiem un paskaidrojis pašaprunas motīvus, tad apsūdzētā izturēšanās atbilst izmeklētāja uzdevumiem vispusīgi, pilnīgi un objektīvi noskaidrot lietas apstākļus, parādīt kā atmaskojošus, tā arī attaisnojošus faktoros. No šejienes starp izmeklētāju un apsūdzēto rodas procesuālas attiecības, kas sekmē patiesības noskaidrošanu lietā, un tāpēc tās jānosauc arī par psihologisko kontaktu!"³

¹ Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971, с. 71.

² Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 134-143.

³ Доспулов Г. Г. О психологии допроса обвиняемого. В кн.: Некоторые вопросы борьбы с преступностью. Казахстан, 1970, с. 171.

Tomēr īpaši būtu jāuzsver, ka procesuālas attiecības starp izmeklētāju un apsūdzēto ir tikai pamats psiholoģiskā kontakta izveidošanai. Psiholoģiskais kontakts izveidojas tikai tad, ja radītas tādas attiecības, kas sekmē patiesības noskaidrošanu.

"Visos gadījumos psiholoģiskajam kontaktam raksturīga izmeklētāja pozīcija, kas atbilst kriminālprocesa likumam un apsūdzētā pozīcija, kas nav pretrunā ar kriminālprocesa uzdevumiem. Tādēļ psiholoģiskais kontakts ir viens no principiāliem nosacījumiem sekmīgai pratināšanai. Psiholoģiskais kontakts ir izmeklētāja saskaņota, lietišķa savstarpēja sadarbība ar pratināmo, kas rodas, pamatojoties uz kriminālprocesa normām un ņemot vērā apsūdzētā pozīciju, kas nav pretrunā ar kriminālprocesa uzdevumiem. Tāda savstarpēja sadarbība nodrošina iespēju iegūt no apsūdzētā maksimāli pilnīgu un ticamu informāciju lietā. Galvenais līdzeklis psiholoģiskā kontakta izveidošanai ir pratināšanas taktikas paņēmieni."¹

G. Dospulova dotā psiholoģiskā kontakta definīcija visumā atspoguļo šī jēdziena saturu, tomēr tai ir atsevišķi trūkumi. Nevar piekrist, ka psiholoģiskais kontakts tiek uzskatīts par izmeklētāja "saskaņotu sadarbību" ar pratināmo. Apsūdzētais, kurš izdarījis noziegumu, pastāvīgi atrodas dominējošās idejas varā, ka, pierādot viņa vainu, draud kriminālatbildība. Tādēļ apsūdzētais nebūt netiecas pēc saskaņotas sadarbības ar izmeklētāju. Par saskaņotu savstarpēju sadarbību varētu runāt tikai tad, ja subjektiem ir vienoti mērķi. Kā zināms, izmeklētāja mērķis ir noskaidrot lietas apstākļus, vainīgo personu un pierādīt apsūdzētā vainu nozieguma izdarīšanā. Turpretī apsūdzētā mērķi parasti ir pretēji un daudz šaurāki. Apsūdzētā tuvākais mērķis ir aizstāvēt sevi pret celto apsūdzību, pat, dažkārt, lietojot da-

¹ Доспулов Г. Г. О психологии допроса обвиняемого. В кн.: Некоторые вопросы борьбы с преступностью. Казахстан, 1970, с. 172.

žādas viltības, lai izvairītos no soda. Izmeklētāja sadarbībai ar apsūdzēto ir visai nosacīts, laicīgs raksturs, sa-
sniedzot tikai atsevišķus mērķus.

Arī A. Dulovs izteicis līdzīgu domu, ka " nevar runāt par pastāvīgu izmeklētāja sadarbību ar apsūdzēto. Parasti viņu intereses, darbības mērķi nesakrīt. Tomēr, ja apsūdzētais piekrīt parādīt vietu, kur noslēpis nolaupīto, tad konkrētajā psihiskajā attiecībā vērtību atrašanās periodā parādās pagaidu sadarbība. Tā raksturojas ar laicīgu sakrīšanu atsevišķu mērķu sasniegšanai."¹

Tādējādi par saskaņotu sadarbību var runāt nosacīti kā par laicīgu parādību, lai sasniegtu tikai atsevišķus mērķus.

Psihologiskā kontakta izveidošana rada psihiskas attiecības jeb saskarsmi starp izmeklētāju un apsūdzēto. Sa-
skarsme rada arī zināmus nosacījumus laicīgai sadarbībai. Tomēr psihologiskais kontakts nav tāpatīgs īslaicīgai sadarbībai. Psihologiskais kontakts ar apsūdzēto ir jāuztur visu pratināšanas laiku. Īslaicīgu izmeklētāja un apsūdzētā sadarbību nevar uzskatīt par psihologisko kontaktu.

Psihologiskā kontakta izveidošana ir izmeklētāja psihiska darbība, lai rastu tādas attiecības ar apsūdzēto, kad lietotie taktikas paņēmieni dod vislabākos rezultātus. Tādēļ pareizāk uzskatīt psihologisko kontaktu par nosacījumu, kas nepieciešams apsūdzētā pratināšanā, lai sekmīgi lietotu taktikas paņēmienus.

Atšķirīgu viedokli izteicis A. Vasiļjevs. Viņš uzskata psihologiskā kontakta izveidošanu par patstāvīgu pratināšanas taktikas paņēmieni. Pēc viņa domām, "kontakts starp izmeklētāju un pratināmo ir tādu attiecību radīšana, kad pratināmais neizvairās no saskarsmes ar izmeklētāju, nenoslēdzas sevī, neklusē, bet noskaņots dot patiesas liecības."²

No citētā redzams, ka psihologiskais kontakts tiek sa-

¹ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1970, с. 72.

² Васильев А. Н. Тактические приемы допроса свидетеля и потерпевшего. В кн.: Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с. 76.

sniegts tad, ja pratināmais noskaņots dot patiesas liecības. Tomēr noteikt apsūdzētā noskaņojumu dot patiesas liecības var visumā tikai pēc pratināšanā iegūtajiem rezultātiem. Tātad, ja pratināšanā iegūti pozitīvi rezultāti, tad var uzskatīt, ka izmeklētājs ar pratināmo bija izveidojis psihologisko kontaktu.

Visai nozīmīgu vietu psihologiskā kontakta veidošanai ar apsūdzēto A.Vasiļjevs ierāda sabiedriskai domai. Iestādes vai uzņēmuma kolektīvs var pieprasīt no sava kolektīva locekļa, kuru apsūdz nozieguma izdarīšanā, paskaidrojumu par nodarījumu. Kolektīvs var izteikt savu attieksmi pret vainīgo un nodarījumu. Izmeklētājs, pēc uzaicinājuma piedaloties iestādes vai uzņēmuma kolektīva sapulcēs vai arī iepazīstoties ar šo sapulču protokoliem, var iegūtās ziņas izmantot kontakta izveidošanai, ņemot vērā, kāda psihologiska nostādne bijusi apsūdzētajam.¹

Var uzskatīt, ka darbaļaužu kolektīvu domai ir liela loma ne tikai psihologiskā kontakta veidošanai ar pratināmo, bet tā palīdz atrisināt arī galvenos izmeklēšanas uzdevumus; noskaidrot nozieguma līdzdalībniekus, nozieguma veicinātājus apstākļus, kā arī citus pierādīšanas apstākļus.

Kā jau teikts, kontakts ar apsūdzēto rada psihologiskus nosacījumus atklātu un patiesu liecību došanai. A.Vasiļjeva domas šai jautājumā ievieš atsevišķas neskaidrības. Viņš atzīmējis, ka "izdosies vai neizdosies izveidot psihologisko kontaktu atkarīgs no daudziem iemesliem, bet jebkurā pratināšanā dažreiz jāpārvar apsūdzētā vienaldzība, apātija, jārada interese dot liecības, jāiesaista dialogū ar izmeklētāju, kas paver iespējas sekmīgai psihologiskai iedarbībai uz apsūdzēto"²

No citētā izriet, ka arī bez psihologiskā kontakta ar apsūdzēto it kā būtu iespējams jebkurā pratināšanā pārvarēt

¹ Васильев А.Н. Тактические приемы допроса обвиняемого и подозреваемого. В кн.: Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с.120.

² turpat, II7.1pp.

apsūdzētā vienaldzību. Vienaldzības pārvarēšanu, intereses izraisīšanu dot paskaidrojumus A.Vasiļjevs neuzskata par psiholoģiskā kontakta veidošanu, jo apgalvo, ka "izdosies vai neizdosies izveidot psiholoģisko kontaktu atkarīgs no daudziem iemesliem, bet jebkurā pratināšanā dažreiz jāpārvar apsūdzētā vienaldzība ...". Bet apsūdzētā vienaldzības pārvarēšana, intereses radīšana dot liecības nav nekas cits, kā izmeklētāja iedarbība psiholoģiskā kontakta izveidošanai. Aplūkojot šo jautājumu citur, A.Vasiļjevs pareizi norāda, ka "psiholoģiskais kontakts starp izmeklētāju un pratināmo ir tādu attiecību radīšana, kad pratināmais neizvairās no saskares ar izmeklētāju..."¹

No teiktā redzams, ka minētajā jautājumā A.Vasiļjeva uzskats ir visai nenoteikts.

A.Vasiļjevs un V.Prituzova uzskata, ka psiholoģiskais kontakts ir pareizas savstarpējas attiecības starp pratinātāju un pratināmo, kas ļoti svarīgs, bet dažreiz pat izšķirošs nosacījums sekmīgai pratināšanai. Par pareizām uzskata tādas attiecības, kad pratināmais pret izmeklētāju izjūt cieņu kā pret valsts pārstāvi un irticas viņam, radot vēlēšanos pašsirdīgi un patiesi izstāstīt visu, kas pratināmajam zināms lietā.² Starp izmeklētāju un apsūdzēto vairums gadījumos izveidojas konflikta attiecības, kas dažreiz var būt asas. Tomēr, neatkarīgi no tā, izmeklētājam ar apsūdzēto jāizveido kontakts, kas rada psiholoģiskus priekšnoteikumus patiesu liecību došanai.³ Pratināšanas laikā izmeklētājam daudzkārt rodas iemesls parādīt neapmierinātību par apsūdzētā nekaunīgo rīcību vai izdarītā nozieguma cietsirdību, bet to izpaust nav pieļaujams, jo apsūdzētais tad var sevī noslēgties.⁴

Kā redzams, tad psiholoģiskā kontakta jēdziens aplūkots nepietiekami. Salīdzinot A.Vasiļjeva un V.Prituzovas doto

¹ Васильев А.Н. Тактические приемы допроса свидетеля и потерпевшего. В кн.: Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970, с.76.

² Васильев А.Н., Пritузova B.A. Тактика допроса. В кн.: Криминалистика. М., 1971, с.359.

³ turpat, 371.lpp.

⁴ turpat, 360.lpp.

psihologiskā kontakta izpratni ar iepriekš aplūkoto kontakta izpratni, saskatāma atšķirība. Ja agrāk A.Vasiļjevs norāda, ka psihologiskais kontakts ir pratināšanas taktikas papēmiens, tad mācību grāmatā A.Vasiļjevs un V.Frituzova kontaktu aplūko kā "pareizas savstarpējas attiecības starp pratinātāju un pratināmo, kas ļoti svarīgs, bet dažreiz pat izšķirošs nosacījums...". Ja psihologiskais kontakts tiek aplūkots par dažreiz pat izšķirošu nosacījumu sekmīgai pratināšanai, tad psihologisko kontakti nevar uzskatīt par taktikas papēmienu. Uzskatot psihologisko kontaktu par dažreiz pat nepieciešamu nosacījumu sekmīgai pratināšanai, vajadzētu secināt, ka psihologisko kontaktu ne vienmēr ir nepieciešams izveidot. Bet tāds pieņēmums būtu maldīgs. Uzskatām, ka, lai iegūtu izvērstas un patiesas liecības, vienmēr nepieciešams izveidot ar apsūdzēto psihologisko kontaktu.

Psihologiskā kontakta izveidošanai ar apsūdzēto visai lielu nozīmi pievērš L.Karnejeva, pasvītrojot, ka kontakta radīšanai vispirms jāzina apsūdzētā interešu loks,¹ jāizpēta viņa personība.² Izvēloties jebkuru iedarbības metodi uz apsūdzēto, tā nedos gaidāmos rezultātus, ja nav psihologiskā kontakta starp izmeklētāju un pratināmo. Psihologiskais kontakts ir divpusējs jēdziens, tādēļ nevar aprobežoties ar izmeklētāja darbības raksturošanu. Izveidojot psihologisko kontaktu, psihologiskais sasprindzinājums saglabājas, bet izmeklētājs var to mazināt. Kontakta uzdevums - pamudināt pratināmo nožēlot nodarīto un dot patiesas liecības. Kontakta radīšanā liela nozīme izmeklētāja un apsūdzētā subjektīvajām īpašībām, noskaņojumam un apstākļiem, kādos notiek pratināšana.³

No sacītā jāsecina, ka psihologiskā kontakta izveidošanai ar apsūdzēto nepieciešams ņemt vērā trīs galvenos faktorus:

¹ Карнеева Л.М. Основные положения допроса подозреваемого и обвиняемого. В кн.: Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969, с.14.

² turpat, 15.lpp.

³ turpat, 21.-22.lpp.

1. Izmeklētāja personību;
2. Apsūdzētā personību;
3. Pratināšanas apstākļus.

L. Karņejeva, aplūkojot psihologisko kontaktu, norāda, ka kontakta sasniegšanai jāvelti daudz laika, bet to pārtraukt var momentāni. Šai sakarībā viņa atzīmē, ka izmeklētājam jārikojas apdomīgi, izvēloties pratināšanā lietot dažādas "psihologiskas viltības." L. Karņejeva uzskata, ka "viltību" lietošana vērsta uz to, lai piekrāptu apsūdzēto. Kad apsūdzētais to saprotot, tas izsaucot dusmas, īgnumu, kas nekādā gadījumā nesekmējot kontaktu. Tādēļ vispirms izmeklētājam vajag rīkoties tieši, atklāti un tikai tad, ja šāda rīcība nedod rezultātus, mērķtiecīgi lietot sarežģītākus taktikas paņēmienus.^I

Jāsecina, ka psihologiska kontakta izveidošana ar pratināmo ir izmeklētāja atklāta rīcība, bet, ja šāda atklāta rīcība nedod rezultātus, jāizvēlas sarežģītāki taktikas paņēmieni. Rodas jautājums, vai tad, ja nav sasniegts psihologiskais kontakts, sarežģītāku pratināšanas taktikas paņēmieni lietošana dos pozitīvus rezultātus? Diemžēl par to, kādi ir sarežģītāki taktikas paņēmieni un vai pie pēdējiem pieskaitāma arī "viltību lietošana", L. Karņejeva nerunā.

Var uzskatīt, ka "viltību lietošana" apsūdzētā pratināšanā nesekmē psihologiskā kontakta izveidošanu ar apsūdzēto. Tomēr taktikas paņēmieni lietošana, kas pamatota uz patiesām ziņām, nekādā gadījumā nevar tikt uzskatīta par apsūdzētā piekrāpšanu.

Taktikas paņēmieni lietošanas būtība ir tā, ka izmeklētājs prasmīgi izmanto viņa rīcībā esošās ziņas par apsūdzēto, bet izmeklētāja darbība nav tieši vērsta uz to, lai apmānītu apsūdzēto. Svāriģi, ka izmeklētājs nedod iespēju apsūdzētajam izmantot atsevišķus faktus pratināmā interesēs

^I Карнеева Л. М. Основные положения допроса подозреваемого и обвиняемого. В кн.: Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969, с. 26.

subjektīvu mērķu sasniegšanai, Domājams, ka ieinteresētās personas subjektīvu klūdīšanās nevar uzskatīt par šīs personas piekrāpšanu, ja izmeklētāja lietotās ziņas ir patiesas,

Līdzīgu visdokli šai jautājumā izteicis arī A.Larins.¹ Jāatzīmē, ka jēdzienu - psiholoģiskais kontakts L.Karņejeva savos agrākajos darbos nelieto, lai gan aplūko jautājumus, kas attiecināmi uz psiholoģiskā kontakta izveidošanu. Šo jēdzienu viņa aizstāj ar šaurākas nozīmes apzīmējumiem: pratināšanas apstākļi, izmeklētāja izturēšanās un apsūdzētā personības studēšana.²

Tomēr arī L.Karņejeva, aplūkojot psiholoģisko kontaktu, savos izteikumos nav konsekventa. Tā, L.Karņejeva, A.Ratinovs un S.Stepiļevs kopējā darbā atzīmē, ka labāk runāt par psiholoģisko kontaktu, ko dažreiz traktē kā psiholoģisku saprašanos, kuras mērķtiecība esot apšaubāma, bet jārunā par pareizu psiholoģisku pieeju apsūdzētajam, viņa domu un jūtu saprašanu un mērķi iedarboties uz apsūdzētā uzvedību.³

I.Kertess nedod psiholoģiskā kontakta jēdzienu, bet norāda, ka izmeklētājs, kas prot radīt psihisku kontaktu ar pratināmo, var noskaidrot un nostiprināt pozitīvos momentus pat noziedznieka - recidīvista psihē. Izmeklētājs, iekarojot ar savu principiālo un humāno rīcību autoritāti, var apelēt pie pratināmā apziņas un labākajām jūtām.⁴ Lai to sasniegtu izmeklētājam ir jāvirza apsūdzētā domāšana uz noteiktu mērķi, atgādinot viņam sociālistiskās sadzīves principus.

A.Ratinovs uzskata, ka nepieciešams radīt tādas apstākļus, kas pozitīvi iedarbojas uz pratināmo, novēršot negatīvu ietekmi. Pēc viņa domām, svarīga nozīme ir psiholoģisko attiecību pareizam raksturojumam starp izmeklētāju

¹ Ларин А.И. Исследование по уголовному делу. М., 1970, с. 50.
² см. Карнеева Л.М. Тактика допроса обвиняемого. В кн.: Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958, с. 103-114.
³ см. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная. М., 1967, с. 154-155.
⁴ Кертес И. Тактика и психологические основы допроса. М., 1965, с. 157.

un izmeklēšanā esošo. Šīm attiecībām ir divpusējs raksturs, kas pamatots uz pretējiem principiem - psihologisko kontaktu un psihologisko cīņu. Psihologiskais kontakts un psihologiskā cīņa ir individuāli psihologiskās pieejas divas puses, kas vienmēr paredz iejutību, humānismu un korektumu. Rupjība, izsmiekls, aizvainojums ir nepatiess arguments. Visspēcīgākie faktori pārliecināšanai ir autoritāte, reputācija, izmeklētāja personības īpašības.¹

No sacītā redzams, ka A. Ratinovam psihologiskais kontakts un psihologiskā cīņa ir divi pretstati, kas atrodas vienībā un kurus nosauc par individuāli psihologiskās pieejas divām pusēm. Uzsvērtas attiecību divas puses, lai parādītu to pretrunīgo raksturu. Tā kā psihologisku attiecību radīšana ir nepieciešams nosacījums sekmīgai pratināšanas taktikas papēmienu lietošanai, tad, lai pasvītrotu tieši psihologiskā kontakta sasniegšanu kā mērķi, ieteicams lietot jēdzienu psihologiskais kontakts, kas aptver psihologiskās attiecības starp izmeklētāju un pratināmo.

A. Krivošejevs, aplūkojot psihologisko kontaktu ar apsūdzēto, runā par psihologisko attiecību pareizu raksturojumu, uzsverot šo attiecību divpusējo raksturu. Psihologiskās attiecības pamatojas uz diviem pretējiem principiem - psihologisko kontaktu un psihologisko cīņu. A. Krivošejevs atzīmē, ka nevajag saprast psihologisko kontaktu kā savstarpēju piekāpšanos, būt pacietīgam un pakalpīgam, kā arī psihologisko cīņu nevar uzskatīt par karošanu ar apsūdzēto. Psihologiskais kontakts un psihologiskā cīņa ir individuāli psihologiskās pieejas divas puses. Psihologisko kontaktu iespējams sasniegt, pamatojoties uz rūpīgu apsūdzētā personības izstudēšanu. To ievērojot, varēs ne tikai sasniegt ar apsūdzēto psihologisko kontaktu, bet atrisināt arī citus pratināšanas taktikas uzdevumus.²

¹ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 206-207.

² Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971, с. 52-53.

No teiktā var secināt, ka A. Krivošejevs lietojis apzīmējumu - psihologiskais kontakts, uzskatot to par pieņemamu.

Nevar piekrist autoriem, kas pamato psihologiskās attiecības ar psihologisko kontaktu un psihologisko cīņu. Lai izskaidrotu šo problēmu ir jāņem vērā izmeklētāja un apsūdzētā pretējās intereses. To izskaidrot kā psihologisku cīņu nav pieņemams. I. Panteļejevs nosauc tādu izsaiņojumu "par mēģinājumu atjaunot padomju tiesību zinātnē jau noraidīto ideju - pratināšana kā cīņa."¹

Aplūkojot psihologiskā kontakta problēmu, A. Roša norāda, ka "apsūdzētā pratināšanas psihologiskie pamati paredz radīt īpašu atmosfēru, kur pratināšanai, ievērojot visas procesuālās normas, jādod vēlami rezultāti"² Kontakta izveidošanai ar apsūdzēto, pēc viņa domām, nepieciešami divi priekšnosacījumi: Apsūdzētajam jāredz izmeklētāja tikumiskais un intelektuālais pārkums. Apsūdzētajam jābūt pārliecinātam, ka izmeklētājam nav aizspriedumu un tas nav ieinteresēts iegūt noteiktas liecības.³

A. Roša nedod psihologiskā kontakta jēdzienu. No teiktā nevar noskaidrot psihologiskā kontakta izpratni.

Jaunu psihologiskā kontakta apzīmējumu iesaka I. Matusevičs. Viņš iesaka nosaukt kontaktu par speciālu psihologisku kontaktu, lai atšķirtu kontaktu pratināšanā no vispārējā, daudz plašākā jēdziena, ar ko saprot divu personu sastapšanos un savstarpēju informācijas apmaiņu. Tomēr I. Matusevičs nedod speciālā psihologiskā kontakta definējumu. Viņš norāda, ka psihologiskā kontakta "vispārīgos momentus" var iedalīt trīs grupās: izmeklētāja personība, apsūdzētā personība un pratināšanas apstākļi, kam jābūt dialektiskā vienībā.⁴

Var uzskatīt, ka ieviest jaunu apzīmējumu - speciālais psihologiskais kontakts nav īpašas nepieciešamības, jo kri-

¹ Пантелев И. Ф. Допрос. В кн.: Криминалистика. М., 1973, с. 337.
² Роша А. Процессуальные и психологические начала допроса обвиняемого. Автореферат канд. дисс. М., 1965, с. 13.

³ turpat, 14. lpp.

⁴ Матусевич И. А. Психологический контакт при допросе обвиняемого в кн.: Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью. Минск, 1965, с. 64.

minālistikas literatūrā lietotais apzīmējums - psiholoģiskais kontakts apmierina kriminālistikas zinātnes un izmeklēšanas prakses vajadzības. Psiholoģiskā kontakta izveidošana ar pratināmo iepriekšējā izmeklēšanā arī vispārējā, plašākā nozīmē pamatojas uz psiholoģijas zinātnes atziņām, tādēļ kontakta veidošanai iepriekšējā izmeklēšanā nekādu īpašu likumsakarību neatrodam. I. Matuseviča ieteikumam nav arī praktiskas nozīmes.

B. Arsenjevs, aplūkojot apsūdzētā pratināšanu, atzīmē, ka māksla ir ne tikai prasmīgi uzdot jautājumus, bet arī klausīties. Tāpēc nepieciešams radīt pratināšanas sākumā tādu morālu atmosfēru, kas sekme izveidot psiholoģisko kontaktu starp izmeklētāju un apsūdzēto. Izmeklētājam jārikojas tā, lai apsūdzētais redzētu, ka viņam nav nekādu cerību izvairīties no atbildības un ka izmeklētājs rīkosies pilnīgi objektīvi. Tikai tādos apstākļos rodas cieņa pret izmeklētāju, kas nepieciešama psiholoģiskā kontakta sasniegšanai.¹

B. Arsenjevs psiholoģiskā kontakta izveidošanai piešķir lielu nozīmi, tomēr minētais neizskaidro psiholoģiskā kontakta jēdzienu, jo autors norāda, galvenokārt, kā rīkoties izmeklētājam, lai sasniegtu psiholoģisko kontaktu ar apsūdzēto.

Visai atšķirīgu viedokli par psiholoģiskā kontakta izpratni, salīdzinot ar iepriekš aplūkotajiem, izteikuši L. Filonovs un V. Davidovs. Pamatojoties uz izmeklētāju aptaujas materiālu analīzi autori atzīmē, ka "... izmeklētāji vienādi izteicās par to, ka kontakts ar pratināmo ir viens no galvenajiem faktoriem, kas nosaka sekmes pratināšanā. Pieredzējuši izmeklētāji apgalvo, ka viņi bieži tērējot daudz laika, runājot par citiem jautājumiem, lai beigu beigās rastu kontaktu ar pratināmo. Tomēr jēdzienā kontakts dažādi izmeklētāji ietver savādāku jēgu. Vieniem

¹ Арсеньев Б. Н. Допрос обвиняемого: В кн.: Настольная книга следователя. М., 1949, с. 296-297.

kontakts ir jau tad, ja pratināmais neatsakās ar viņu sarunāties, citiem kontakts ir tikai pratināšanas rezultāts; ja izmeklētājs ieguva no pratināmā vajadzīgās ziņas, tad tas nozīmē, ka kontakts bija. Pieredzējušu izmeklētāju viedoklis ir tāds, ka kontakts ir tādas izmeklētāja un apsūdzētā attiecības pratināšanas laikā, kad izmeklētājs sevišķi veiksmīgi pratina un var vissekunīgāk un nekļūdīgi lietot attiecīgus papēmienu, kā arī paredzēt pratināšanas gaitu... Pašreiz mēs varam tikai vispārīgi teikt, ka kontakts veidojas no kompleksas informācijas izmantošanas par atsevišķām apsūdzētā personības iezīmēm, domāšanas veidu un tās galveno ievirzi!¹

Iesakoties uz to, ka L.Filonovs un V.Davidovs visai plaši apraksta, ko izmeklētāji saprot ar psihologisko kontaktu, tomēr kontakta jēdzienu viņi nedod. Neatsedz arī visus faktorus, kas ņemami vērā kontakta izveidošanā. Bet atzīmējams, ka neapšaubāmi pareizs ir autoru secinājums, ka psiholoģiskā kontakta izveidošanai nepieciešama kompleksa informācija par apsūdzēto.

V.Volkovs norāda, ka izmeklētājs, pratīnot apsūdzēto, var izveidot psihologisko kontaktu, lai iegūtu patiesas liecības, izmantojot ziņas par apsūdzētā personību, viņa nodarbošanos. Izmeklētājam ir iespēja aktīvi veidot psihologisko kontaktu, stāstīt apsūdzētajam par dažiem faktiem no savas dzīves, apspriesties, dalīties iespaidos utt. Par psiholoģiskā kontakta izveidošanas metodēm un papēmienu nevienam citam kā tikai izmeklētājam parasti nav zināms, jo viņš atrodas divatā ar apsūdzēto. V.Volkovs atzīmē, ka lieto tādu papēmienu kā "kopējā saskarsmes noteikšana". Saskarsmi panāk, noskaidrojot dažas apsūdzētā tieksmes vai iemīļotu nodarbošanos. Izmeklētājam šajos jautājumos jāparādot kompetence, ar to radot attiecīgu psihisku stāvokli, lai pamudinātu apsūdzēto būt atklātam.²

¹ Филонов Л.Б., Давыдов В.И. Психологические приемы допроса обвиняемого. В кн.: Вопросы психологии. М., 1966, с.119-120.

² Волков В. О значении психологического контакта с подсудимым. "Советская юстиция", 1971, № 3, с.24.

Teiktais neizskaidro psihologisko kontaktu, bet nepamattoti vienkāršo visu psiholoģiskā kontakta izveidošanas problēmu. Apšaubāms autora ieteikums, ka, uzzinot apsūdzētā tiesības un iemīļotu nodarbošanos, izmeklētājam jāparādrot (retinājums mūsu, V.S.) kompetenci šajos jautājumos. Rodas jautājums, ko darīt tad, ja izmeklētājs tomēr nav kompetents apsūdzētajam iemīļotajā noadrībā? Bet tāda situācija var rasties vairums gadījumos. Tādēļ šāds ieteikums var pamudināt izmeklētāju būt neīstam, izlikties kompetentam, ko apsūdzētais arī tūlīt pamanīs un kontakta veidošana dos negatīvus rezultātus. Tikai samērā nedaudz gadījumos izmeklētājs var parādīt savu kompetenci jautājumos, kas sevišķi tuvi apsūdzētajam. Arī norādījums noskaidrot dažas apsūdzētā tiesības nav virzīts uz to, ka vispusīgi jāizstudē apsūdzētā personība, lai iegūtu kompleksas ziņas, kas nepieciešamas psihiskai iedarbībai uz apsūdzēto.

V.Vasiļjevs, aplūkojot psiholoģiskā kontakta jēdzienu, atzīmē, ka, lai sasniegtu pratināšanas mērķi, liela nozīme ir psiholoģiskam kontaktam starp izmeklētāju un pratināmo. Jāpanāk tāda pratināmā psihiskā stāvokļa organizācija, kas sekmē vispilnīgākās un visprecīzākās informācijas sniegšanu par nozieguma notikumu.¹

Minētais psiholoģiskā kontakta izskaidrojums ir nepilnīgs, jo neparedz galvenos faktoros kontakta izveidošanai. Turpmāk, aplūkojot psiholoģisko kontaktu, V.Vasiļjevs gan atzīmē, ka liela nozīme kontakta veidošanai ir izmeklētāja atstātajam iespaidam uz pratināmo un apkārtējai videi,² tomēr arī tas ir nepietiekami.

V.Vasiļjevs domā, ka psiholoģiskā kontakta jēdziens aptver arī tādu problēmu kā pāreja pratināšanā no psiholoģiska "es" uz psiholoģisku "mēs". Nezin vai esot jāpierāda, ka, ja pratināmais sevi pieskaita vienai sociālai kategorijai

¹ Васильев В.Л. Некоторые аспекты психологии допроса: Криминалистика на службе следствия. / Материалы научно-практической конференции следственных работников Литовской ССР 1966/. Вильнюс, 1967, с. 139.

² turpat, 140.-141. lpp.

jai " mēs " , bet izmeklētājā saskata citu grupējumu "viņi", tad tas nebūt nesekmē radīt nepieciešamo psihologisko kontaktu. Kā negatīvu parādību tomēr atzīmē izmeklēšanas praksē vērojamo tendenci izveidot kontaktu ar pratināmo, radot viņam iespaidu, ka izmeklētājs un pratināmais pieder vienai sociālai grupai " mēs". Tāda tendence dažreiz iegūstot kropļīgas formas, jo daži izmeklētāji, kas nezina psiholoģiskās likumsakarības, pārkāpjot izmeklēšanas ētikas normas. Šādu paņēmieni lietošana nesekmējot īsta psiholoģiska kontakta rašanos.¹

Tālāk V.Vasiļjevs raksta , ka " ... psiholoģiskās kopības "mēs" radīšana vajag būt pirmajam solim, pirmajai pakāpei organizēt pratināmo dot liecības, sociāli pareizi tās ieviezt, lai iegūtu absolūti patiesas liecības... Mēģinot saņemt psiholoģisko kontaktu ar pratināmo, lai rastu kopību " mēs " , izmeklētājam jāatrod šajā cilvēkā pozitīvais, kas raksturo viņa personību / piemēram, mīlestība uz bērniem - " mēs tēvi " , mīlestība uz sportu - "mēs sportisti", mīlestība uz glezniecību - mēs mākslinieki " / utt.²

Bez psiholoģiskās problēmas par sociālām kategorijām plašas aplūkošanas būtu priekšlaicīgi diskutēt vai iedalīšana kategorijās, vai grupās sekmēs psiholoģiska kontakta izveidošanu ar apsūdzēto.

Jāatzīst par pareizu, ka izmeklētājam jāatrod pratināmā pozitīvās īpašības. Tomēr V.Vasiļjeva aplūkotais paņēmieni psiholoģiskās kopības " mēs" radīšanai varētu būt tikai kā atsevišķs gadījums, ja patiešām izmeklētājam ar pratināmo var būt kādas kopīgas , šaurākas intereses, bet nekādā gadījumā nevar tikt uzskatīts par universālu paņēmieni. Paņēmieni psiholoģiskās kopības " mēs" radīšanai visai maz atšķiras no paša autora kritizētās izmeklēšanas prakses, kād izmeklētājs mēģina radīt iespaidu, ka izmeklētājs un prati-

¹ Васильев В.Л. Некоторые аспекты психологии допроса: Криминалистика на службе следствия. / Материалы научно-практической конференции следственных работников Лиговской ССР 1966. / Вильнюс, 1967, с. 141-142.

² turpat, 143.-144.lpp.

nāmais pieder vienai sociālai grupai "mēs". Nevar pieņemt, ka izmeklētājs un pratināmais, jo vairāk, apsūdzētais, tiek pieskaitīti vienai sociālai grupai tikai uz tā pamata, ka izmeklētājs un apsūdzētais ir tēvi vai abiem ir interese par kādu mākslas nozari. Tāda rekomendācija nevar sekmēt īstu psiholoģiskā kontakta izveidošanu, bet var būt tikai šķietams "kontakts".

Līdzīgas domas par V. Vasiļjeva ieteikto psiholoģiskā kontakta izveidošanas paņēmieni, kritizējot autoru, izteikusi L. Karpejeva.¹

Psiholoģiskais kontakts veidojas tikai tad, kad ņem vērā reālo situāciju pratināšanā un izmeklētājs ar savu rīcību iegūvis apsūdzētē autoritāti.

J. Ivanovs atzīmē, ka pratināšana paredz izmeklētājam ar pratināmo izveidot psiholoģisko kontaktu. Psiholoģiskā kontakta izveidošana rada nosacījumus, lai, lietojot dažādus paņēmienus un līdzekļus, iedarbotos uz pratināmo. Tādēļ pratināšanai ir būtiska nozīme ne tikai patiesības noskaidrošanai lietā, bet arī lai iedarbotos audzinoši uz pratināmo.²

No teiktā izriet, ka tikai tad, ja izveidots psiholoģiskais kontakts ar pratināmo, izmeklētājs var iedarboties uz viņa psihi un noskaidrot lietā patiesību. Tātad, psiholoģiskais kontakts ar pratināmo tiek uzskatīts par svarīgāko nosacījumu lietoto taktikas paņēmieni iedarbības efektivitātei.

M. Koršiks un S. Stepičevs nav īpaši pētījuši psiholoģiskā kontakta jēdzienu, tomēr, aplūkojot apsūdzētā personības pētīšanu, atzīst, ka izmeklētāja rīcībā esošās ziņas par apsūdzētā personību palīdz izvēlēties visefektīvākos pratināšanas taktikas paņēmienus un visveiksmīgāk var izveidot psiholoģisko kontaktu ar pratināmo, kas veicina patiesības no-

¹ см. Карнеева Л., Соловьев Л., Чувильев А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969, с. 22.

² Иванов Ю. Воспитательное воздействие советского предварительного следствия. М., 1967, с. 44.

skaidrošanu lietā.¹

Tādējādi redzams, ka M.Koršiks un S.Stepičevs patiesu liecību iegūšanu saista ar psiholoģiskā kontakta izveidošanu ar apsūdzēto, Psiholoģiskā kontakta izveidošana ar apsūdzēto ir priekšnosacījums sekurīgai taktikas papēmienu lietošanai.

Līdzīgas domas izteicis arī B.Rozovskis, ka, dažkārt, apsūdzētais, neskatoties uz izmeklētāja mēģinājumiem izveidot psiholoģisko kontaktu, to ignorē un patiesas liecības nedod.²

Ņemot vērā to, ka izmeklēšanas praksē psiholoģisko kontaktu ar apsūdzēto, nereti, izdodas sasniegt tikai ar lielām grūtībām un tā veidošanai jāveltī ļoti daudz laika un enerģijas, praktiskiem darbiniekiem rodas jautājums, vai iespējams pratināšanas taktikas uzdevumus atrisināt bez psiholoģiskā kontakta izveidošanas ar apsūdzēto, vai psiholoģiskais kontakts jāizveido tikai ar apsūdzētajiem, kuri sevi par vainīgiem neatzīst vai atzīst daļēji, vai arī ar apsūdzētajiem, kuri sevi par vainīgiem atzīst?

Daļēji par izvirzītajiem jautājumiem izteikušies V.Kuharevs un A. Filonovs. Viņi uzskata, ka kontakts ar apsūdzēto nepieciešams visos gadījumos, jo vienmēr atradīsies nozieguma apstākļi un būtiskas detaļas, par kurām zina tikai apsūdzētais. Psiholoģiskais kontakts ar apsūdzēto var būt gan kā taktikas papēmiens, gan kā savdabīgs fons, kas visaktīvāk sekmē pārējo taktikas papēmienu lietošanu.³

Par to, ka psiholoģiskais kontakts ir nepieciešams izveidot arī ar tiem apsūdzētajiem, kuri atzinuši savu vainu nozieguma izdarīšanā, V.Kuharevs un A. Filonovs tieši neuzsvēr. Paliek neskaids, vai norādījums "ka kontakts ar apsūdzēto nepieciešams visos gadījumos" attiecas arī uz apsūdzētajiem, kuri atzīst sevi par vainīgiem nozieguma izdarīšanā.

¹ Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. Изд. 2-е. М., 1969, с. 13.

² Розовский В. Некоторые вопросы применения психологических приемов в допросе обвиняемых. В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1965, с. 17.

³ Кухарев В.А., Филонов Л.Б. О некоторых способах установления психологического контакта с обвиняемым. "Вестник Моск. ун-та. Право", 1970, № 3, с. 64.

Izpētot kriminālistikas un kriminālprocesa literatūru, neatradām, ka šis jautājums būtu aplūkots. Svarīgi tādēļ noskaidrot, kā izmeklētāji šo jautājumu risina izmeklēšanas praksē. Pētot jautājumu par pierādījumu uzrādīšanas taktikas efektivitāti apsūdzētā pratināšanā ar anketēšanas metodi, anketēs bija ietverti arī jautājumi par to, vai apsūdzētais atzina sevi par vainīgu celtajā apsūdzībā un vai izmeklētājs ar apsūdzēto izveidoja psiholoģisko kontaktu. Iegūtie anketēšanas dati rāda, ka 83,2% gadījumos, kad apsūdzētais atzinis sevi par vainīgu celtajā apsūdzībā, izmeklētājs izveidojis ar apsūdzēto psiholoģisko kontaktu.

Tādējādi anketēšanas rezultāti pierāda, ka vairums izmeklētāju uzskata par nepieciešamu izveidot psiholoģisko kontaktu ar apsūdzētajiem, kuri atzinuši savu vainu nozieguma izdarīšanā.

Var uzskatīt, ka psiholoģiskā kontakta izveidošana ar apsūdzēto, kurš atzīst sevi par vainīgu celtajā apsūdzībā, ne tikai sekmē to nozieguma detaļu noskaidrošanu, ko var zināt vienīgi apsūdzētais, bet ir svarīgs nosacījums dziļai apsūdzētā personības izzināšanai, lai izmeklētājs atrastu rīcības metodes pozitīvai iedarbībai uz apsūdzēto. Kā zināms, izmeklētājam ne tikai jānoskaidro, bet jāizkina apsūdzētā personība, neatkarīgi no tā, vai viņš atzīst sevi par vainīgu celtajā apsūdzībā vai neatzīst. Viena no personības izzināšanas metodēm ir sarunu metode. Psiholoģiskais kontakts ar apsūdzēto sasniedzams tikai tiešā saskarsmē, sarunājoties. Lai izraisītu sarunu, nepieciešama izmeklētāja tāda aktīva rīcība, kas novērš apsūdzētā pretošanos saskarsmei. Lūk, kādēļ nepieciešams sasniegt psiholoģisko kontaktu ar visiem apsūdzētajiem. Pretējā gadījumā apsūdzētā personība netiks pienācīgi izzināta.

Dažkārt arī praktiskie darbinieki uzskata, ka tad, ja

apsūdzētais atzīst sevi par vainīgu, neesot vajadzīgs lietot taktikas paņēmienus, lai iedarbotos uz apsūdzēto. Šāds uzskats ir maldīgs. Bez pratināšanas taktikas paņēmienu lietošanas nav iespējams iegūt vispusīgas un patiesas liecības. Arī tā saucamais "brīvais" stāstījums un jautājumu uzdošana ir taktika. Bet, kādus taktikas paņēmienus un cik sarežģītus tos lietot, izlemjams, ņemot vērā konkrētos apstākļus. Ikvienā pratināšanā, lai lietotie taktikas paņēmieni dotu sagaidāmo efektu, ir nepieciešams izveidot ar pratināmo psihologisko kontaktu. Teiktais pilnībā attiecināms arī uz apsūdzēto pratināšanu, kuri atzīst sevi par vainīgiem.

Bez jau minētā svarīgi noskaidrot, vai izmeklētāji, pratīnot apsūdzētos, kuri neatzina sevi par vainīgiem celtajā apsūdzībā vai atzina daļēji, izveidoja ar pratināmo psihologisko kontaktu. Šī jautājuma noskaidrošanai ieguvām visai nozīmīgus datus ar jau minēto anketēšanas metodi. Ūatziņē, ka, lai izslēgtu vienpusību, anketēšanu veica Latvijas PSR prokuratūrās un Iekšlietu daļu izmeklēšanas nodaļās gan pilsētu, gan lauku rajonos. Apkopojām 510 anketes. Iegūtie dati parāda, ka pavisam 46,9% apsūdzēto sevi par vainīgiem celtajā apsūdzībā atzina, 20,8% apsūdzēto sevi par vainīgiem atzina daļēji, bet 32,3% sevi par vainīgiem neatzina. No tiem apsūdzētajiem, kuri sevi par vainīgiem atzina daļēji, izmeklētāji izveidoja psihologisko kontaktu ar 72,1% apsūdzēto, bet ar tiem, kas neatzina sevi par vainīgu, kontaktu izveidoja ar 64,6% apsūdzēto.

Iegūtos datus izmantojām, lai noskaidrotu, cik efektīva ir taktikas paņēmienu lietošana, pratīnot apsūdzētos, ar kuriem tika izveidots psihologiskais kontakts, salīdzinājumā ar tiem apsūdzētajiem, ar ko šāds kontakts netika saņemts. Iegūto ziņu analīze parāda, ka no tiem, kas sākotnēji sevi par vainīgiem neatzina vai atzina daļēji, izveidojot psihologisko kontaktu, lietotie taktikas paņēmieni deva pozitīvus rezultātus ar 79,1% apsūdzēto. Turpretī ar apsūdzētajiem, kuri sākotnēji neatzina sevi par vainīgiem vai

atzina daļēji, bet psihologiskais kontakts netika sasniegts, lietoto taktikas papēmieni efektivitāte bija daudz zemāka. Taktikas papēmieni bija iedarbīgi tikai uz 46,1% apsūdzēto.

Tādējādi datu analīze parāda, ka psihologisko kontaktu retāk izdodas sasniegt ar apsūdzētajiem, kas sevi par vainīgiem celtajā apsūdzībā neatzīst, bet vieglāk ar apsūdzētajiem, kuri savu vainu atzīst pilnīgi vai daļēji. Psihologiskā kontakta izveidošana ar apsūdzēto ir svarīgs nosacījums sekmīgai taktikas papēmieni lietošanai pratināšanā.

Var secināt, ka psihologiskais kontakts ir pirmais jeb galvenais nosacījums apsūdzētā pratināšanā. Psihologiskā kontakta veidošana ar apsūdzēto ietver psihologisku iedarbību. Psihologiskais kontakts ir jāizveido ar visiem apsūdzētajiem, jo bez kontakta izveidošanas lietotie pratināšanas taktikas papēmieni mazāk iedarbīgi. Kontakta starp izmeklētāju un apsūdzēto ir lietišķs saskarsmes veids, lai iegūtu informāciju. Saskarsmes radīšanai ir jāizveido apsūdzētā personība un jārada emocionālais fons, kas labvēlīgi iedarbojas uz uztveri, sekmējot pilnīgu un patiesu liecību iegūšanu. Emocionālais stāvoklis, noskaņojums atstāj nozīmīgu iespaidu uz personas uzvedību un var stimulēt vai nomākt aktivitāti. Nomākt vai atsevišķos periodos pārāk satraukts emocionālais stāvoklis kavē citu psihologisku procesu norisi, traucējot pareizi novērtēt situāciju un izveidot psihologisko kontaktu ar apsūdzēto. Kontakta izveidošanā rūpīgi jāseko apsūdzētā emocionālajam stāvoklim.

Liela vērība izmeklētājam jāpievērš ētikas normu ieviešanai. Nav pieļaujams lietot aizskarošus izteicienus, izturēties netaktiski. Izmeklētājam jāparāda nevainojama uzvedība, principialitāte, korektums, kas pozitīvi ietekmē apsūdzēto. Panākot tādu emocionālo fonu, izmeklētājs var sekmīgi lietot pratināšanas taktikas papēmienus. Psihologisko kontaktu veido izmeklētājs, ņemot vērā apsūdzētā personību un pratināšanas apstākļus.

Psihologisko kontaktu var definēt šādi: psihologiskais

kontakts ir izmeklētāja un apsūdzētā savstarpējas, lietišķas attiecības pratināšanā, kad radīti vislabākie nosacījumi pratināmā psiķes aktivitātei, lai iegūtu izvērstas un patiesas ziņas par izdarīto nozieģumu.

Psiholoģiskā kontakta izveidoģana ar apsūdzēto nav pašmērķis, bet ir nepiecieģams nosacģjums galvenā uzdevuma sasnieģšanai - iegūt patiesas lieģības objektģvās patiesģbas noskaidroģa ai. Izveidoģot psiholoģisko kontaktu ar apsūdzēto, izmeklētājs ar panākumiem var lietot taktģkas paģēmģnus, tai skaitā, uzrādģt pierādģjumus apsūdzētajam.

Получение при допросе обвиняемого полной и правильной информации о том или ином факте, имеющем значение для установления истины по делу, немислимо без надлежащего психологического контакта между следователем и обвиняемым. При отсутствии такого контакта ни один из тактических приемов допроса, направленных на получение правдивых показаний, не может дать ожидаемых результатов. Поэтому разработке вопросов установления психологического контакта при допросе в криминалистической литературе уделяется большое внимание.

Наряду с этим в литературе нет единого мнения относительно того, что следует понимать под психологическим контактом при допросе. Одни авторы установление психологического контакта рассматривают как тактический прием допроса, другие - как предпосылку к получению откровенных и правдивых показаний.

На основе анализа имеющихся высказываний по этому вопросу, автором выявлены основные расхождения в объяснении природы психологического контакта: это позволило все существующие взгляды разбить на шесть групп.

В статье приводятся данные результатов обобщения следственной практики Латвийской ССР по этому вопросу, полученные путем анкетирования. В качестве исходных автором брались следующие данные:

- о наличии или отсутствии психологического контакта при допросе обвиняемого по

конкретному уголовному делу;
-- о результатах, полученных при допросе, в случаях, когда обвиняемый не признавал себя виновным (или признавал себя виновным лишь частично).

Полученные данные были использованы для установления эффективности применяемых при допросе тактических приемов в условиях наличия и отсутствия психологического контакта. Полученные данные свидетельствуют о том, что следователи при допросе обвиняемых, которые вначале не признавали себя виновными (или частично признавали), по установлении с допрашиваемыми психологического контакта в большинстве случаев получали полные и правдивые показания.

Менее исследован в литературе вопрос о психологическом контакте при допросе с теми обвиняемыми, которые признают себя виновными полностью. Автор приходит к выводу о том, что психологический контакт при допросе обвиняемого к предъявленному ему обвинению необходим.

Автор исходит из того, что установление психологического контакта при допросе обвиняемого является необходимым условием достижения поставленной цели - установления объективной истины по делу. Психологический контакт между следователем и обвиняемым можно рассматривать как деловые взаимоотношения, при наличии которых создается наиболее благоприятная обстановка допроса.

Достижение психологического контакта предполагает предварительное изучение личности обвиняемого.

Под психологическим контактом при допросе обвиняемого следует понимать такие взаимоотношения следователя и обвиняемого, при которых созданы наиболее благоприятные условия для активизации психики допрашиваемого и тем самым возможное получение от допрашиваемого полной и правильной информации о событии преступления.

М. Блум
канд. юрид. наук

**ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЫ
(Сравнительное исследование)**

Законодательство Европейских социалистических государств содержит развернутую систему норм, определяющих пространственные пределы действия национальных уголовных законов.

Вопросы действия уголовных законов в пространстве были достаточно четко регламентированы уже в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве народно-демократических государств Европы, принятом в первые послевоенные годы, затем пересмотрены в процессе разработки нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ныне действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство по-новому решило многие вопросы пределов действия национального уголовного закона в пространстве.

При разработке законодательства о пределах действия уголовных законов в пространстве отдельными социалистическими государствами учитывался опыт создания и совершенствования уголовного законодательства Союза ССР и отдельных советских социалистических республик,¹ а также опыт создания нового уголовного законодательства в остальных государствах социалистической системы. "Всестороннее изучение братскими партиями этого опыта, его творческое применение и обогащение с учетом конкретных условий и национальных особенностей - непреложный закон развития каждой социалистической страны", - записано в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 года².

¹ См. Andrejew I., Lernell L., Sawicki S. Prawo karne Polski Ludowej. T. I. Warszawa, 1954, s. 95.

² См. Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. М., с. 19-20.

Коллективный опыт сказался на разработке нового уголовного законодательства социалистических государств. В уголовном праве всех социалистических государств, во всех институтах нового уголовного права этих государств отражены принципы социалистического уголовного права, общность задач и целей - последовательная борьба с внешними и внутренними врагами социализма, борьба за мир и мирное сосуществование, незыблемая охрана нового общественного и государственного строя, социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, охрана нового правопорядка.

Указанные задачи осуществлялись в зарубежных социалистических странах путем издания целого ряда новых уголовных законов, с одной стороны, и путем использования "старых" законов, т.е. законов, действовавших в этих странах до победы народно-демократического строя, с другой стороны. Эти последние законы также использовались в борьбе за новый порядок. Старые буржуазные законы использовались в течение первых нескольких лет существования народно-демократического строя в Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Югославии и свыше двух десятилетий в ГДР, Польше и Румынии.

В советской и зарубежной уголовно-правовой литературе длительное использование старого законодательства объясняется относительно мирным ходом социалистической революции, решением на первом этапе общедемократических задач, положительным отношением населения некоторых стран к этому законодательству, а также тем, что для народов, находившихся под гнетом немецко-фашистской оккупации, возвращение к существовавшему до оккупации законодательству было одним из выражений их независимости и национального суверенитета^I.

^I См. Гельфер М.А. Некоторые теоретические проблемы использования народно-демократическими государствами законов старого строя (к вопросу о форме и содержании) - Вопросы уголовного права. М., 1966, с. 233-257; Андреев И. На пути к новому уголовному кодексу. - "Państwo i prawo", 1966, № 2; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969, с. 390; Гельфер М.А. Основные вопросы общей части уголовного права зарубежных социалистических государств. М., 1972, с. 3-11; Сабо А. Об особенностях развития права стран народной демократии. "Советское государство и право", 1957, № 8.

Особенности в становлении нового уголовного законодательства в зарубежных социалистических государствах проявились в значительной мере в регламентации многих институтов и положений уголовного права.¹

Нельзя не отметить, что и положения законодательства отдельных Европейских социалистических государств о пределах действия уголовного закона в пространстве отличаются весьма существенно, отражая специфику исторического развития каждого из социалистических государств, различные пути развития уголовного законодательства, господствующее мнение в теории уголовного права этих стран, а также особенности периода принятия законодательного акта.

В советской уголовно-правовой литературе указывалось, что эти отличительные черты уголовно-правовых институтов вызываются неодинаковым социально-экономическим уровнем стран социалистического содружества, особенностями исторического развития каждого из социалистических государств, законодательными традициями, правосознанием народа, в известной мере - даже уровнем развития уголовно-правовой науки и подготовленностью юридических кадров.²

Таким образом, однотипность системы норм о пределах действия уголовного закона, как и всего уголовного и уголовно-процессуального законодательства зарубежных социалистических государств в целом, не исключает особенностей в регламентации многих вопросов действия уголовного закона в пространстве. Поэтому значительный интерес представляет анализ действующего и ранее действовавшего уголовного законодательства о пределах действия уголовного закона в пространстве в отдельно взятых зарубежных социалистических государствах. Изучение положений действующего уголовного и

¹ См. Гельфер М.А. Основные черты уголовного права зарубежных социалистических государств Европы. (Вопросы Общей части). Автореферат докторской диссертации. М., 1965; Гельфер М.А. Основные вопросы Общей части уголовного права зарубежных социалистических государств. М., 1972; Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974.

² См. Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969, с. 389.

уголовно-процессуального законодательства зарубежных социалистических государств по данному вопросу дает возможность, во-первых, вскрыть общие черты, присущие праву применения уголовных законов всех социалистических государств; во-вторых, раскрыть и обосновать специфические черты уголовного законодательства каждого из упомянутых государств.

1. Действие уголовного закона Народной Республики Болгарии в пространстве

Народно-демократическое государство, рожденное в результате победы народного вооруженного восстания 9 сентября 1944 года, первый этап развития нового уголовного законодательства завершило уже в 1951 году, когда 2 февраля был утвержден первый Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии.

В течение предшествующих ему шести с лишним лет было принято много различных уголовных законов, направленных на искоренение фашизма и его послышней, на борьбу с предателями болгарского народа. Большая часть законов служила охране хозяйственной политики, борьбе с саботажем хозяйственных мероприятий народной власти, со спекуляцией, с различными посягательствами на социалистическую собственность.¹

Вопросы о пределах действия уголовного закона в пространстве решались на основании Уголовного закона 1896 года, который неоднократно изменялся и дополнялся, однако эти изменения не касались пределов действия уголовных законов в пространстве.

Уголовный закон 1896 года, также как старые уголовные кодексы Италии, Голландии, Венгрии, проект Русского уголовного уложения, вопросы пределов уголовного закона в пространстве регламентировали обстоятельно, закрепив весьма широкое применение болгарского уголовного закона к случаям совершения преступлений вне пределов Болгарии.²

¹ См. подробнее Краснополина М.А. Основные вопросы уголовного права Народной Республики Болгарии. М., 1960; также вступительную статью Голякова И.Т. к уголовному и военно-уголовному кодексам Народной Республики Болгарии. М., 1951, с. V - IV.

См. Йовев И. Българско наказателно право. София, 1899.

Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии 1951 года содержал специальную главу (XI), озаглавленную "Пределы действия уголовного закона". Четыре статьи этой главы определяли действие уголовного кодекса в пространстве (65-68). Уголовно-процессуальный кодекс Народной Республики Болгарии, принятый 1 февраля 1952 года¹, решал вопросы территориальной подсудности, но содержал также некоторые нормы, имеющие значение для установления пределов действия материального уголовного права.

В Уголовном кодексе Народной Республики Болгарии были отражены пять принципов: территориальный принцип, принцип гражданства или активный персональный принцип, реальный принцип или принцип охраны государственных интересов, пассивный персональный принцип или принцип охраны интересов граждан данного государства и так называемый принцип представительной компетенции.

Территориальный принцип был безоговорочно закреплен в статье 65, которая установила, что уголовный кодекс распространяется на все преступления, совершенные на территории Народной Республики Болгарии, т.е. он применяется ко всем лицам, совершившим преступления на территории Народной Республики, независимо от гражданства виновного. В этой же статье было указано, что вопрос об ответственности иностранцев, пользующихся правом экстерриториальности, разрешается дипломатическим путем.

В теории уголовного права Народной Республики Болгарии положение об особом порядке ответственности не рассматривалось как исключение из территориального принципа, а как ограничение возможности преследовать виновного в совершении преступления на территории Народной Республики Болгарии в связи с личным качеством, которое вытекает из дипломатического иммунитета.²

¹ Законы о судеустройстве и прокуратуре и гражданский процессуальный и уголовно-процессуальный кодексы Народной Республики Болгарии. М., 1953, с. 159-217.

² См. Ненов И. Незакотелно право. Обще част. София, 1963, с. 125.

В статье 66 Уголовного кодекса был безоговорочно закреплён принцип гражданства или активный персональный принцип, согласно которому Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии применяется ко всем болгарским гражданам, совершившим преступления за границей. Применение болгарского закона к болгарским гражданам за совершенные ими за границей преступления не ставилось в зависимость от наказуемости деяния в месте его совершения, от факта привлечения к ответственности виновного за границей, от тяжести содеянного и других обстоятельств. В то же время отбытое за границей наказание за то же преступление должно было быть зачтено при назначении наказания судом Народной республики.

В статье 66 было установлено также, что болгарский гражданин не может быть выдан иностранному государству для предания его суду или отбытия наказания, что согласуется с безоговорочным осуществлением принципа гражданства.

Уголовный кодекс решил также вопрос о применении уголовного кодекса Народной Республики Болгарии к иностранцам, совершившим преступления за пределами Народной республики. В статье 67 были закреплены три самостоятельных принципа: - реальный принцип, пассивный персональный принцип и принцип представительной компетенции. В соответствии с первыми двумя принципами УК НРБ распространялся на иностранцев, совершивших за границей преступления общего характера, которые затрагивают интересы Народной Республики Болгарии или же интересы болгарских граждан. В соответствии с третьим принципом предусматривалось применение УК НРБ к иностранцам, совершившим за границей другие преступления общего характера (не затрагивающие интересы болгарского государства или его граждан), караемые по УК НРБ лишением свободы на срок не менее одного года или более тяжкой мерой наказания, если эти лица находятся в стране и Народная Республика Болгария отказала в удовлетворении требования иностранного государства об их выдаче. При наличии всех указанных условий уголовное преследование могло быть возбуждено только по распоряжению главного прокурора Народной республики, т.е. было предусмотрено и процессуальное ограничение.

Реальный и пассивный персональный принципы обеспечивали возможность применения УК НРБ в случаях, когда преступление, совершенное иностранцем за границей, было направлено против политических, экономических и других интересов государства и граждан. И. Ненов полагает, что единственное ограничение в применении болгарских уголовных законов было предусмотрено в отношении преступлений, имеющих по уголовному кодексу частный характер.¹

В случаях привлечения иностранцев к уголовной ответственности в Народной Республике Болгарии отбытое ими за границей наказание должно было засчитываться болгарским судом (статья 68).

В УК НРБ ничего не было сказано о применении уголовного закона к лицам без гражданства. Можно сделать вывод о том, что эта категория лиц приравнивалась к иностранцам.

Универсальный принцип не был закреплен в УК НРБ 1951 года, хотя Народная республика являлась участницей многих международных конвенций по борьбе с различными преступлениями, которые предусматривали применение национального уголовного закона в соответствии с универсальным принципом. Болгарские ученые отмечали, что отсутствие универсального принципа в УК является его недостатком.²

В Уголовно-процессуальном кодексе НРБ был решен весьма существенный вопрос для определения пределов действия болгарского уголовного кодекса. В статье 22 УПК было установлено, что дела о преступлениях, совершенных на болгарском судне или самолете вне пределов Народной республики подсудны суду, в районе которого находится порт или аэродром, к которому приписано данное судно или самолет; таким образом действие УК НРБ распространялось на преступления, совершенные на борту болгарского судна или самолета вне пределов Народной республики Болгарии.

¹ См. Ненов И. Наказательно право. 1963., с. 127.

² См. там же, с. 128, сноска 169.

Вопрос об определении места совершения преступления законодательно не был регламентирован. В теории отстаивалось мнение, что Народная Республика Болгария является местом совершения дистанционного преступления в тех случаях, когда хотя бы один из элементов - действие (бездействие) или результат - имел место в пределах Народной Республики Болгарии, или в других случаях, когда преступление частично было совершено в Народной Республике Болгарии.¹

Дальнейшее развитие уголовного и уголовно-процессуального кодексов Народной Республики Болгарии до принятия нового Уголовного кодекса не внесло никаких изменений и дополнений в законодательную регламентацию пространственных пределов действия уголовного закона.

Принятый 15 марта 1968 года новый Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии², отразивший достижения в развитии теории социалистического уголовного права³, внес изменения и в решение проблемы пределов действия УК НРБ.

Во-первых, в УК НРБ 1968 года нормы, определяющие пределы действия уголовного кодекса, включены не в последнюю главу Общей части, как это было в УК 1951 года, а в первую главу вместе с задачами Уголовного кодекса. Второй раздел первой главы целиком посвящен пределам действия Уголовного кодекса. Он состоит из семи статей, содержащих развернутую систему уголовно-правовых норм о праве применения уголовного закона.

Во-вторых, новый Уголовный кодекс, сохранив основные принципиальные положения о действии уголовного закона в пространстве, внес некоторые существенные изменения в

¹ См. Ненов И. Наказательно право. 1963., с. 125.

² См. Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. М., 1970.

³ См. Гельфер М. и Рашковская Ш. Новое уголовное законодательство Народной Республики Болгарии. М., 1970, с. 3-12; Ромешкин П., Кириченко В. Новый уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. - "Советское государство и право", 1969, № 1, с. 126-130; Ненов И. Новое уголовное законодательство Народной Республики Болгарии. - В кн. Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974, с. 55-83; Ненов И. Ръководни идеи и причини на новия наказателен кодекс. "Социалистическое право", 1969, № 8.

право применения болгарского уголовного кодекса.

Новый уголовный кодекс сохранил без изменений территориальный принцип (статья 3) и принцип гражданства (статья 4) и установил также, что вопрос о лицах, пользующихся иммунитетом в отношении уголовной юрисдикции Народной Республики Болгария, разрешается в соответствии с принятыми ею нормами международного права, а также, что болгарский гражданин не может быть выдан иностранному государству для предания его суду или отбытия им наказания.

Уголовный кодекс 1968 года (как и УК 1951 года) не решил вопроса о том, что следует понимать под местом совершения преступления, как и не определил, на какие объекты вне территории Народной Республики Болгарии распространяется этот кодекс.

В науке болгарского уголовного права понятие территории Народной Республики Болгария определяется с позиции государственного и международного права. Место совершения преступления определяется, как и раньше: Народная Республика Болгария признается местом совершения дистанционных преступлений, если само деяние было совершено на территории Народной республики или если результат деяния, совершенного за границей, наступил на территории Республики; в других случаях Народная Республика Болгария является местом совершения преступления, если деяние хотя бы частично было совершено в пределах территории Народной республики.¹

Без существенных изменений сохранились в новом УК НРБ реальный принцип и пассивный персональный принцип. В статье 5 установлено, что к иностранцам, совершившим за границей преступления общего характера, которыми затрагиваются интересы Народной Республики или болгарских граждан, применяется Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. Законодатель не предусмотрел никаких исключений из этого принципа.

К иностранцам следует приравнять и лиц без гражданства, потому что УК НРБ не регламентировал применение болгарского уголовного закона к этой категории лиц.

¹См. Ненов И. Наказательно право на Народна Республика България. Обща част. София, 1972, с. 130.

Назначая наказание любому лицу (болгарскому гражданину, иностранцу или лицу без гражданства), привлеченному к уголовной ответственности и преданному суду в Народной Республике Болгарии за преступление, совершенное им за границей, учитывается время предварительного содержания под стражей и отбывания наказания за границей. Если наказания являются однородными, то отбытое наказание зачитывается в срок назначенного наказания судом Народной республики; если эти наказания являются разнородными, отбытое за границей наказание учитывается судом при определении наказания (статья 7), т.е., в отличие от советского уголовного законодательства, суды обязаны зачесть отбытое за границей наказание.

В болгарской литературе по уголовному праву указывается также на трудности, которые возникают в связи с требованием болгарского уголовного закона зачесть наказание, отбытое болгарским гражданином или иностранцем за границей за совершенное ими там преступление, так как виды наказания не совпадают, а иногда вопрос об определении относительной тяжести сравниваемых наказаний весьма спорен.

Положения УПК НРБ о том, что никто не может быть осужден вторично за преступление, о котором имеется вступивший в законную силу приговор (статья 4), т.е. принцип *non bis in idem* не относится к приговорам, вынесенным иностранными судами. Приговор иностранного суда относительно преступлений, за которые виновные подлежат ответственности по болгарскому Уголовному кодексу, исключает привлечение к уголовной ответственности только в случаях, предусмотренных международными соглашениями, участницей которых является Народная Республика Болгария.

Кроме ранее установленных принципов действия уголовного закона в пространстве - территориального принципа, определяющего действие болгарского уголовного закона в отношении всех лиц, совершивших преступления в пределах территории Народной Республики Болгарии, принципа гражданства, реального и пассивного персонального принципа, определяющих действие болгарского уголовного закона к болгарским

гражданам и иностранцам, совершившим преступления за пределами Республики, новый Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии закрепил также универсальный принцип. В статье 6/1 указано, что Уголовный кодекс применяется к иностранцам, если они за границей совершили преступления против мира и человечества, которые затрагивают интересы другого государства или иностранных граждан. В XIV главе Уголовного кодекса НРБ перечислены преступления против мира и человечества (статья 407-419). В этой главе содержатся три раздела, в которых описаны признаки преступлений против мира, против законов и обычаев ведения войны и геноцида (уничтожения групп населения).

Уголовный кодекс НРБ применяется также к иностранцам, совершившим за границей другие преступления, предусмотренные международными соглашениями, в которых участвует Народная Республика Болгария (статья 6/2).

В отличие от УК НРБ 1951 года, ныне действующий УК отказался от принципа представительной компетенции.

Порядок и условия выдачи находящихся в НРБ иностранцев, совершивших преступления за границей, как и порядок и условия предъявления требований Народной Республикой о выдаче лиц, подсудных болгарским судам, установлен УПК НРБ 1952 года (статья 348-355), а также международными конвенциями и двусторонними договорами о выдаче преступников. Народная Республика Болгария заключила договоры о правовой помощи с СССР, Венгерской Народной Республикой, Чехословацкой Социалистической Республикой, Германской Демократической Республикой, Социалистической Республикой Румынией, Польской Народной республикой, Социалистической Федеративной Республикой Югославией, Монгольской Народной республикой. Остались в силе аналогичные договоры с Австрией и Бельгией.

Право убежища установлено статьей 65 Конституции, в которой сказано, что Народная Республика Болгария предоставляет право убежища иностранцам, преследуемым за защиту прав трудящихся, за участие в национально-освободительной борьбе, за прогрессивную политическую, научную деятельность, такую же деятельность в области культуры, за борьбу против расовой дискриминации или в защиту мира.

2. Действие уголовного закона Венгерской Народной Республики в пространстве

Процесс создания венгерского социалистического уголовного права начался после свержения фашистской диктатуры и изгнания фашистских орд с территории венгерского государства.¹ Первый Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики был принят в 1950 году и введен в действие с 1 января 1951 года. Он состоял только из Общей части, в которой были закреплены принципы социалистического уголовного права.²

До принятия Уголовного кодекса 1950 года действовал старый Венгерский уголовный кодекс 1878 года, который содержал целую систему норм, определяющих действие венгерского уголовного закона в пространстве.

В Уголовном кодексе 1950 года вопрос о пределах действия уголовного закона Венгерской Народной Республики в пространстве был решен в §§ 3-8 первой главы, заглавленной "Вводные положения".

В части I § 3 Уголовного кодекса Венгерской Народной Республики были утверждены два принципа действия уголовного закона в пространстве: территориальный принцип - применение венгерского уголовного закона к любому лицу, совершившему преступление в пределах венгерского государства, и принцип гражданства - применение венгерского уголовного закона к венгерским гражданам, совершившим преступления за границей.

Уголовный кодекс определил, что следует понимать под территорией Венгерской Народной Республики в плане применения венгерского уголовного закона. К преступлениям, совершенным в пределах государственных границ, Уголовный кодекс

¹ О процессе создания и развития венгерского социалистического уголовного права см. Келине С.Г. Основные вопросы уголовного права Венгерской Народной Республики. М., 1960; Кириченко В.Ф. Предисловие к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам Венгерской Народной Республики. М., 1953, с. V-VIII; Kádár M. Magyar büntetőjog. Általános rész. Budapest, 1953, 128-135. old.

² Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Венгерской Народной Республики. М., 1953.

приравнял также преступления, совершенные вне пределов Венгерской Народной Республики, но на венгерском военном корабле, на венгерском военном самолете, венгерском торговом корабле в открытом море или на венгерском гражданском самолете в воздухе (часть II § 3).

УК ВНР 1950 года не определил, что следует понимать под местом совершения преступления и в каких случаях Венгерская Народная Республика должна быть признана местом совершения преступления.

Уголовно-процессуальный кодекс 1951 года, говоря о территориальной подсудности, также не дал определения места совершения преступления, но в то же время установил, что территориальная подсудность определяется по месту, в котором совершено преступление, даже если результат этого преступного деяния наступил в другом месте, вне района деятельности суда (§ 24 УПК ВНР 1951 года).

В отношении уголовной ответственности лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, было записано, что вопрос подлежит разрешению в соответствии с международными договорами или соглашениями, а в случае отсутствия таковых - на основе международной практики.

Применение венгерского уголовного закона к иностранцам, совершившим преступления вне пределов Венгерской Народной Республики, определялось Уголовным кодексом 1950 года в соответствии с реальным принципом и принципом представительной компетенции. Так в § 4 УК было записано, что венгерский закон подлежит применению к иностранцам, совершившим за границей преступления, которыми наносится ущерб "основным интересам демократического государства или хозяйственного строя Венгерской Народной Республики". Таким образом, имелось в виду применение венгерского уголовного закона к совершенным иностранцами тяжким преступлениям, причем уголовное производство могло быть возбуждено только министром юстиции, которому и надлежало решать вопрос, имело ли место посягательство на основные экономические или политические интересы Республики.

В этом случае уголовное преследование возбуждалось независимо от того, преследуется ли такое деяние по закону места совершения преступления или нет.

Как следует из сказанного, реальный принцип был воплощен в венгерском законодательстве как принцип охраны государственных интересов. Пассивный персональный принцип отсутствовал.

В § 4 предусматривалось также применение венгерского уголовного закона к иностранцам, совершившим все прочие преступления за границей, если эти деяния преследуются не только согласно венгерскому закону, но также согласно закону места совершения преступления. Имелись, по всей вероятности, в виду те случаи, когда иностранец после совершения преступления за границей оказался в Венгерской Народной Республике и не был выдан иностранному государству. Такое положение соответствует принципу представительной компетенции. Возбуждение уголовного преследования допускалось только министром юстиции. Исключения составляли лишь те преступления, которые по венгерскому уголовному закону или по закону места совершения преступления преследовались в порядке частного обвинения. Возбуждение преследования за эти преступления допускалось только при наличии жалобы потерпевшего.

УК ВНР специально не регламентировал применение венгерского уголовного закона к лицам без гражданства. На них, как мы полагаем, распространялись положения, предусмотренные для иностранцев.

Уголовно-процессуальный кодекс Венгерской Народной Республики установил, что дела о преступлениях, совершенных за границей, подсудны тому суду на территории страны, в районе деятельности которого это лицо содержится под стражей (§ 25. I УПК ВНР 1950).

Наказание, отбытое по приговору, вынесенному иностранным судом и имеющему законную силу, во всех случаях засчитывалось в срок наказания, назначенного венгерским судом, как в тех случаях, когда преступление было совершено в Венгерской Народной Республике, так и в тех, когда оно было совершено за границей (§ 5).

В УК ВНР 1950 года были регламентированы также вопросы выдачи преступников. Граждане ВНР не подлежали выдаче другому государству, за исключением случаев, когда иное предусмотрено международными договорами (соглашениями). Выдаче подлежали иностранные граждане на основании международных соглашений или на основе взаимности за исключением случаев, когда предъявлялось требование о выдаче лица, преследуемого за его деятельность, проводимую в интересах освобождения народа, или когда действие, за совершение которого предъявлялось требование о выдаче, не являлось преступлением по венгерскому закону.

Новый Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики был принят 22 декабря 1961 года¹, что явилось важнейшим событием в законодательной деятельности Венгерской Народной Республики.²

Вопросы пределов действия уголовного закона в пространстве решены в первой главе, озаглавленной " Действие уголовного закона". Четыре параграфа этой главы регламентируют пределы действия уголовного закона в пространстве (§§ 4-7). Они выделены особо и озаглавлены "Территориальное и персональное действие уголовного закона", а последний параграф (§ 8) - регламентирует вопросы выдачи преступников и право убежища.

В § 4 закреплены два основополагающих принципа действия венгерского уголовного закона в пространстве: территориальный принцип и принцип гражданства.

В соответствии с территориальным принципом любое лицо, совершившее преступление в пределах территории Венгерской Народной Республики вне зависимости от своего гражданства наказывается только по венгерскому уголовному закону.

¹ Текст УК ВНР 1961 года на русском языке см. - "Сборник венгерского права", 1961, № 2; также Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики. Будапешт, 1963.

² См. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2, Л., 1970, с. 629-630; Барне П., Хрват Т. О путях развития венгерского уголовного права. - "Советское государство и право", 1962, № 11.

Преступления, совершенные за пределами ВНР на венгерском военном корабле, венгерском военном самолете или в открытом море на венгерском торговом судне или во время полета на венгерском гражданском самолете, рассматриваются как совершенные на территории страны.

УК ВНР не дал определения места совершения преступления и не указал, в каких случаях Венгерская Народная Республика может рассматриваться как место совершения преступления. Однако министерством юстиции дано разъяснение, согласно которому венгерский уголовный закон следует применить и в тех случаях, когда на территории ВНР преступление совершено хотя бы частично.¹

По вопросу об уголовной ответственности лиц, пользующихся дипломатическим или иным личным иммунитетом в УК ВНР сказано, что этот вопрос решается в соответствии с международным договором (соглашением), а при отсутствии такового - в соответствии с международной практикой (§ 7).

В соответствии с принципом гражданства в УК ВНР записано, что венгерский закон должен применяться к гражданину ВНР, совершившему за границей такое деяние, которое согласно венгерскому закону является преступлением. Таким образом, УК ВНР 1961 года, как и принятый в 1950 году УК (Общая часть), предусматривает ответственность своих граждан за совершенные за границей преступления, независимо от того, наказуемы ли эти деяния за границей.

Верховный Суд ВНР не признал возможным освободить от уголовной ответственности венгерского гражданина, совершившего преступление на территории ГДР и освобожденного там от ответственности на основании принятого в ГДР акта об амнистии. Верховный Суд считает, что венгерский гражданин несет ответственность как в тех случаях, когда за границей он был уже осужден, так и в тех случаях, когда был освобожден от уголовной ответственности и наказания, и даже в тех

¹ См. A büntető törvénykönyv. Kommentárja. Első kötet. Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó. Budapest, 1968, 42. old.

случаях, когда это деяние не является преступным по закону места его совершения.¹

УК ВНР распространяется также на лиц, не являющихся гражданами ВНР, если ими совершены преступные деяния за границей. Под лицами, не являющимися гражданами ВНР, подразумеваются не только иностранцы, но и лица без гражданства.

К этим лицам венгерский уголовный закон должен применяться, во-первых, если совершенное ими за границей деяние согласно венгерскому закону является преступлением и наказуемо также по закону места совершения преступления (§ 5а). Это положение означает, что венгерский уголовный закон может быть применен как к иностранцам и лицам без гражданства, совершившим за границей преступления, в отношении которых имеется международное соглашение, так и в случаях, когда такого соглашения нет, но иностранец или лицо без гражданства, совершившее преступление за границей, находится в ВНР и, несмотря на наличие оснований для его выдачи иностранному государству, не выдается. Это положение венгерского уголовного закона дает основание утверждать о законодательном закреплении принципа представительной компетенции и универсального принципа, хотя последний *expressis verbis* не выражен.

Во-вторых, венгерский закон должен применяться к иностранцам и лицам без гражданства, совершившим преступления за границей независимо от того, наказуемы ли они по закону места совершения, если эти преступления посягают на венгерское государство или являются преступлениями против мира и человечества, а также совершают некоторые иные, перечисленные в законе преступления (§ 5б). Это положение свидетельствует о законодательном закреплении реального принципа и частично универсального принципа.

Совершенные за границей преступления против государства, на которые распространяется применение венгерского

¹См.

A büntető törvénykönyv. Kommentárja. Első kötet. Budapest,

1968, 42. old.

закона, перечислены в главе IX УК ВНР. К ним относятся : заговор (§§116-§§119), бунт (§§120-123), вредительство (§ 124), диверсия (§ 125), террористический акт (§ 126), агитация, призывающая к враждебному отношению (§§127-128), измена родине (§ 129), содействие врагу (§ 130), шпионаж (§ 131), недонесение (§ 132), преступления, совершенные против другого социалистического государства.

Совершенные за границей преступления против мира и человечества, на которые распространяется применение венгерского уголовного закона, перечислены в главе X УК ВНР. К ним относятся : подстрекательство к войне (§§ 135-136), геноцид (§ 137), преступления против национальной, этнической, расовой или религиозной группы (§ 138), военные бесчинства (§ 139), военное разрушение (§ 140), злоупотребление знаком Красного Креста (§ 141).

К совершенным за границей иным преступлениям, на которые распространяется применение УК ВНР, относится преступление, предусмотренное в разделе II главы XIII УК ВНР, - подделка денег и марок.

Таким образом, в УК ВНР не нашел отражения пассивный персональный принцип; реальный принцип закреплен только как принцип охраны государственных интересов, названный в венгерской литературе принципом самозащиты государства.^I

УК ВНР установил, что независимо от того, совершено ли преступление в пределах или за пределами страны, наказание, отбытое на основании вступившего в законную силу приговора суда зарубежного государства, или имевшее место за границей предварительное заключение обязательно засчитывается в наказание, назначенное венгерским судом за то же самое деяние (§ 6). Это положение означает, что независимо от того, должен ли венгерский закон применяться к совершившему преступление лицу на основании территориального принципа, принципа гражданства или реального принципа, а также независимо от того, является ли совершившее преступление лицо гражданином

^IСм. A büntető törvénykönyv. Kommentárja. Első kötet. Budapest. 43. old.

ВНР, иностранцем или лицом без гражданства, отбытое за границей наказание и время предварительного заключения во всех случаях засчитываются венгерским судом в срок назначенного наказания.

Венгерские авторы считают, что в § 6 закреплён принцип "non bis in idem".¹

Однако предусмотренный в § 6 УК ВНР порядок зачёта установлен только для случаев назначения наказания венгерским судом за совершение продолжаемого преступления. Венгерские ученые указывают, что положение о зачёте отбытого за границей наказания не может быть применено к случаям, когда нет основания признать, что преступление, за которое выносятся в Венгрии приговор, и преступление, за которое лицо отбыло наказание за границей, является единым. В качестве примера, когда нельзя говорить о наличии единого преступления, приводится незаконный переход границы; в этом случае нарушается положение о неприкосновенности государственной границы ВНР и той страны, куда виновный незаконно перешёл. Если виновный был осужден в этой последней стране и отбыл полностью или частично назначенное ему судом наказание за незаконный въезд в эту страну, то ВНР, назначая наказание этому же лицу за незаконный въезд из ВНР, не должна засчитывать отбытое за границей наказание.²

Уголовно-процессуальное законодательство ВНР установило, что дела о преступлениях, совершенных за границей, подсудны тому суду на территории страны, в районе деятельности которого проживает или находится лицо, совершившее преступление, или, в случае отсутствия такого суда, тому суду, в районе деятельности которого это лицо содержится под стражей (§ 25.1. УПК ВНР 1950 года и § 53/1 УПК ВНР 1961).

¹См. А бűntető törvénykönyv. Kommentárja. 44. old.

²См. А бűntető törvénykönyv. Kommentárja. 45. old.

Выдача преступников и право убежища также регламентированы в УК ВНР. Установлено, что гражданин ВНР не может быть выдан другому государству, за исключением случаев, когда международным договором (соглашением) предусмотрено иное. Выдаются только иностранцы и лица без гражданства (лица, не являющиеся гражданами ВНР) на основании международного соглашения, а при отсутствии такового - на основании взаимности, если деяние, по поводу которого предъявлено ходатайство о выдаче, является преступлением как по венгерскому закону, так и по закону государства, предъявившего ходатайство о выдаче. ВНР имеет соглашения о выдаче преступников с Албанией (1960), НРБ (1967), ЧССР (1951), ПНР (1962), ГДР (1958), СРР (1959), СССР (1958), кроме того, обязанность выдачи вытекает из международных конвенций, в которых участвует ВНР.

Право убежища установлено для лиц, преследуемых в связи с их деятельностью в интересах освобождения народов или сохранения мира.

3. Действие уголовного закона Германской Демократической Республики в пространстве

Становление народно-демократического строя в Восточной Германии было связано с установлением нового правопорядка и новой законности. Создание нового уголовного законодательства ГДР осуществлялось путем издания новых законов и временного использования старых законов, не противоречащих задачам развития и укрепления новых общественных отношений. В этих целях был использован Германский Уголовный кодекс 1871 года, в который были внесены существенные изменения. Были отменены старые законоположения, не совместимые с принципами демократии.

В это же время были изданы законы о наказании военных преступников и законы о наказании лиц, препятствующих

осуществлению демократических преобразований.¹

Законоположения о пределах действия уголовных законов ГДР содержал УК 1871 года² в §§ 3-8. Аналогичную норму содержал также Закон от 11 декабря 1957 года "О порядке регистрации и снятия судимости в Уголовном регистре" (§ 1)³.

В соответствии с этими положениями уголовные законы ГДР применялись ко всем преступлениям, совершенным на территории ГДР, в том числе и совершенным иностранцами. В § 3 УК был закреплен территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Действие уголовного закона ГДР распространялось на преступления, совершенные на немецком судне, находящемся вне пределов территории ГДР (в открытом море или за границей), а также на преступления, совершенные на борту немецкого самолета. Это вытекало из § 16 УПК ГДР 1952 года, регламентировавшего вопросы территориальной подсудности.⁴ Такая точка зрения была высказана и в теории уголовного права ГДР.⁵

¹ См. подробнее о развитии уголовного законодательства ГДР в работах: Бенъямин М., Моллер Т. Уголовное законодательство ГДР в борьбе с государственными преступлениями и хищениями социалистического имущества. - "Ученые записки Ленинградского государственного университета". 1956, № 202; Кузнецова Н.Ф. Вопросы Общей части уголовного права Германской Демократической Республики. М., 1957; Сперенский И.А. Уголовное законодательство Германской Демократической Республики. М., 1959; его же: Источники уголовного права Германской Демократической Республики. - "Вопросы уголовного права и процесса" вып. I. Минск, 1958; Турецкий М.В. Закон о дополнении уголовного кодекса ГДР. - "Государство и право зарубежных стран". вып. 4. М., 1958; Алексеев Ч.С. Основы уголовного права Германской Демократической Республики. Л., 1960; Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. Allg. Teil. Berlin, 1959, S. 161-212.

Бухгольц Э., Лекчис И. Новое уголовное право Германской Демократической Республики - Социалистическое право. - В сб.: Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974, с. 147-173.

² См. Strafgesetzbuch und andere Strafgesetze. Berlin, 1958.

³ См. Gesetzblatt, 1957, Nr. 73.

⁴ См. Уголовно-процессуальный кодекс Германской Демократической Республики. М., 1954.

⁵ См. Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. Allg. Teil. Berlin, 1959, S. 226.

Вопрос о понятии места совершения преступления не был в законодательстве решен, т.е. не было записано, в каких случаях территорию ГДР следовало считать местом совершения преступления, хотя для ГДР этот вопрос имел особо важное значение. Историей борьбы за построение нового общественного и государственного строя в ГДР знает немало случаев, когда преступник находился в западном секторе Берлина и там совершал общественно опасные деяния, а последствия этих деяний наступали и по замыслу виновного должны были наступить на территории ГДР. Так, например, из Западного Берлина засыпались на территорию ГДР баллоны, наполненные взрывчаткой, в результате чего было ранено несколько граждан ГДР.

В науке уголовного права ГДР местом совершения преступления признавалось как место совершения деяния виновным, так и место наступления последствий (в том числе и место, где по замыслу виновного последствия должны были наступить).¹

В Законе о судеустройстве ГДР было закреплено положение о том, что уголовная юрисдикция ГДР не распространяется на дипломатических представителей иностранных государств.²

В действовавшем до 1968 года УК ГДР было установлено, что преступления и проступки, совершенные за границей, как правило, в ГДР не преследуются (§ 4/1). Исключения из этого положения были предусмотрены как для граждан ГДР, так и для иностранцев.

Граждане ГДР подлежали уголовной ответственности по законам ГДР, во-первых, если они за границей совершали преступления против политических либо экономических основ ГДР или будучи государственными служащими, совершали за границей такие действия, которые по законам ГДР являются преступлением или проступком по службе (§ 4/2 пункты 1 и 2). Следует отметить, что ответственность граждан

¹ См. Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. Allg. Teil. Berlin, 1959, S. 226.

² См. Gesetzblatt, 1952, Nr. 141 (§§ 62 и 63 Закона о судеустройстве ГДР).

ГДР за преступления, совершенные ими за границей, была предусмотрена и другими законами. Так, УПК ГДР в § 17 предусматривал ответственность немцев, пользующихся правом экстерриториальности, а также работающих за границей государственных служащих ГДР по законам ГДР.¹

Во-вторых, граждане ГДР привлекались к уголовной ответственности по законам ГДР, если они совершали за границей деяния, которые по законам ГДР рассматривались как преступления или проступки и были наказуемы также по законам того государства, где они были совершены (§ 4/2 пункт 3). В этом последнем случае уголовное преследование не могло иметь места в ГДР при наличии следующих условий: если виновный за совершенное им преступление понес за границей наказание либо был оправдан, если по законам иностранного государства уголовное преследование или исполнение наказания было погашено давностью или виновный освобождался от наказания, или если отсутствовала жалоба потерпевшего, необходимая для возбуждения уголовного преследования по законодательству места совершения преступления.

В-третьих, гражданин ГДР мог быть привлечен к уголовной ответственности в ГДР за преступление, совершенное за границей, если в момент его совершения он еще не был гражданином ГДР. Применение уголовных законов ГДР к такому гражданину допускалось только с соблюдением вышеперечисленных условий и, кроме того, при наличии требования о преследовании такого лица со стороны соответствующих властей той страны, где было совершено преступное деяние, и при условии, что уголовный закон ГДР является менее строгим. Если же менее строгим является иностранный закон, то его должны были применять в ГДР.

Закон о защите мира от 15 декабря 1950 года в § 10/3 предусматривал, что законы ГДР применяются и в том случае, когда преступление (нарушение настоящего Закона) было совершено немецкими гражданами не на территории Германской Демократической Республики и преступник не имел на территории ГДР места жительства или обычного места пребывания.²

¹ См. Уголовно-процессуальный кодекс Германской Демократической Республики. М., 1954, с. 21.

² См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Германская Демократическая Республика. М., 1961, с. 231.

Действовавший до 1968 года уголовный кодекс ГДР предусматривал применение уголовных законов ГДР также к иностранцам, совершившим преступления за границей, но только в исключительных случаях, как правило, если эти деяния были наказуемы и по закону, действовавшему в месте их совершения (§ 4/1).

Однако в соответствии с реальным принципом (§ 4/2 пункты 1 и 2) иностранцы, совершившие за границей преступления, посягавшие на политические и экономические основы государства, наказывались по законам ГДР во всех случаях, независимо от положений законодательства места совершения деяния. Для привлечения иностранца к уголовной ответственности в ГДР было необходимо согласие министра юстиции (§ 4/4).

Таким образом, следует прийти к выводу, что уголовное законодательство ГДР, действовавшее до 1968 года, закрепило, кроме территориального принципа действия уголовного закона в пространстве, также принцип гражданства, реальный принцип и принцип представительной компетенции. Только универсальный принцип не был в уголовном законодательстве закреплён, хотя в соответствии с его положениями применялось и не могло не применяться уголовное законодательство ГДР. ГДР и в тот период являлась участницей многих международных соглашений, которыми предусматривалось применение уголовного законодательства ГДР к преступлениям, совершенным вне пределов страны. Речь шла о преступлениях, посягавших на безопасность любого государства или его граждан. Поэтому в немецкой уголовноправовой литературе того периода признавалось применение уголовных законов ГДР на основании универсального принципа.¹

Вопросы выдачи преступников не были регламентированы в УК ГДР. Этот вопрос был решён принципиально в части I § 10 Конституции ГДР, в которой указывалось, что гражданин ГДР не может быть выдан иностранному государству. Порядок выдачи иностранных граждан регулировался § 344 УПК ГДР 1952 года.

¹См. Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik, Berlin, 1959, S. 230, 231.

Положение о невыдаче иностранцев, пользующихся правом убежища, было изложено в § 10 Конституции ГДР.

12 января 1968 года Народная Палата ГДР приняла новый Уголовный кодекс, который вступил в силу с 1 июля 1968 года.¹ С принятием этого Уголовного кодекса был завершён длительный процесс кодификации уголовного законодательства.²

Характеристика этого законодательного акта дана в Отчетном докладе ЦК УП съезду СЕПГ: "В уголовном кодексе закреплены основные черты нашего социалистического права, выражающего волю трудового народа, руководимого рабочим классом, служащего народу, обеспечению его свободы и мирной жизни. Исходя из того, что при социализме интересы общества, государства и отдельных граждан совпадают, социалистический уголовный кодекс имеет целью прежде всего воспитание у людей сознания ответственности за свои поступки и своих обязанностей перед обществом, соблюдения законов и правил социалистического общества. Он исходит из того, что борьба с преступностью — это задача всего социалистического общества. Новый социалистический уголовный кодекс служит делу защиты достоинства и прав человека".³

¹ См. Strafgesetzbuch der Deutschen Demokratischen Republik-StGB, Berlin, 1968. На русском языке Уголовный кодекс ГДР издан в 1972 году изд-вом "Юридическая литература".

² См. Гельфер М.А. Основные черты уголовного и уголовно-процессуального законодательства Германской Демократической Республики. Предисловие к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам Германской Демократической Республики. М., 1972, с. 3-21; Benjamin H. Grundlagen und Charakter des StGB, - Entwurfs.- "Neue Justiz", 1967, Nr. 4; Renneberg J. Die Grundsätze des sozialistischen Strafrechts der DDR - "Neue Justiz", 1967; Renneberg J. Das erste sozialistische Strafgesetzbuch in der deutschen Geschichte - "Strafrecht", 1967.

³ "УП съезд Социалистической единой партии Германии", М., 1968, с. 155.

В новом УК ГДР 1968 года вопросы действия уголовного закона ГДР в пространстве решены в первом разделе У главы (§ 80). В то же время принципы действия уголовного закона в пространстве изложены в статье 8 первой главы, специально посвященной изложению принципов социалистического уголовного права ГДР. В этой статье говорится, что действие уголовных законов определяется государственной территорией Германской Демократической Республики, её суверенитетом, подчинением граждан Германской Демократической Республики законам своего государства, международно-правовой обязанностью поддержания и укрепления мира, а также обязательствами, содержащимися в международных соглашениях¹.

Таким образом непосредственно в самом законе закреплены три основных принципа действия уголовного закона в пространстве и в отношении лиц: принцип территориальности, принцип гражданства и универсальный принцип (принцип международной солидарности). С этими принципами согласуется закрепленный в § 80 реальный принцип или принцип охраны государственных интересов.

Ученые ГДР И.Ренненберг и Г.Фритче убедительно обосновывают необходимость законодательного закрепления этих принципов и отнесения их к числу основных положений социалистического уголовного права.²

В § 80 УК ГДР более детально регламентировано применение уголовного закона ГДР в соответствии с территориальным принципом и принципом гражданства.

УК ГДР в § 80 устанавливает, что уголовные законы ГДР применяются ко всем уголовно наказуемым деяниям, которые совершены в пределах её государственной территории, либо последствия которых наступили или должны были наступить на этой территории. Таким образом четко решен вопрос о том, в каких случаях территория ГДР может рассматриваться как место совершения преступления. По мнению немецких ученых

¹ См. подробнее о принципах действия уголовного закона в пространстве в комментарии к УК ГДР: *Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik. Lehrkommentar zum Strafgesetzbuch.* Bd. I. Berlin, 1969, S. 58-60, 266-274.

² См. там же, с. 58-60.

Г.Шмидта и Г.Фритче, деяние и последствие, в том числе и желаемое последствие, составляют единство и представляют собой части единого уголовно-наказуемого посягательства. Поэтому, если уголовно-правовая норма охватывает наряду с деянием виновного также и наступление определенного уголовно-противоправного последствия, преступное деяние совершается также и в том месте, где это последствие наступило или где в соответствии с его намерением должно было наступить. В случае совершения комплексного преступления достаточно, чтобы какая-то часть отдельных действий была совершена на территории ГДР. Это, в особенности, важно многократного нарушения определенного запрета, в случаях совинов.личества, совершения длящихся преступлений или схожих по форме совершения и последствиям комплексных уголовно наказуемых деяний.¹

В УК ГДР 1968 года не решен вопрос о том, в каких случаях уголовные законы ГДР должны распространяться на лиц, совершивших преступления на борту морского или воздушного судна вне пределов ГДР.

Этот вопрос в какой-то мере решен в уголовно-процессуальном законодательстве. В § 172 УПК ГДР, принятого 13 января 1968 года, как и в § 16 УПК 1952 года, устанавливается территориальная подсудность уголовных дел о преступлениях, совершенных на судне ГДР, находящемся за границей, в открытом море и на борту самолета ГДР. Территориально компетентным в этих случаях признается тот суд, в сфере действия которого находится порт приписки судна, или тот первый порт ГДР, который судно достигает после совершения на нем преступления.²

§ 172 УПК ГДР 1968 года дает основание полагать, что в случае совершения преступления на борту водного или воздушного судна ГДР, как находящегося в открытом море или над открытым морем, так и за границей - в любом другом месте,

¹См. *Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik. Lehrkommentar zum Strafgesetzbuch*, Bd. I, Berlin, 1969, S. 267, 268.

²См. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. М., 1972, с. 191.

может быть применен уголовный закон ГДР, потому что в законе ничего не говорится об ответственности только граждан ГДР. Немецкие ученые высказывают различные мнения по этому вопросу. Так, Г.Фритче в своих ранее изданных работах утверждает, что к территории ГДР приравниваются государственные морские и воздушные суда в открытом море и чужих портах, а поэтому совершенные на них уголовно наказуемые деяния рассматриваются как совершенные на территории ГДР.¹ В комментарии к § 80 УК ГДР Г.Фритче и Г.Шмидт, ссылаясь только на общепризнанные положения международного права, к территории ГДР приравнивают морские суда и самолеты ГДР во время их нахождения в территориальном пространстве ГДР или в районе открытого моря, а военные корабли - вне зависимости от места их нахождения.²

Вопрос о применении уголовного закона к иностранцам, пользующимся дипломатическими привилегиями и иммунитетом, не регламентирован ни в УК и ни в УПК ГДР. Этот вопрос, как уже было сказано, решен в § 70 и следующих параграфах Закона о судоустройстве ГДР. Немецкие ученые относят этот вопрос не к проблеме определения пределов действия уголовного закона в пространстве, а к обстоятельствам, при наличии которых ГДР в соответствии с признанными ею положениями международного права, устраняется от использования своего права преследовать определенных лиц за совершенные ими в пределах ГДР преступления.³

Персональный принцип ответственности, закрепленный в статье 8 УК ГДР, детально регламентирован в части 2 § 80. В этом параграфе указывается, что гражданин ГДР может быть привлечен к ответственности по её законам, если он совершил за пределами государственной территории ГДР деяние, которое согласно её законам является наказуемым.

¹ См. Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. 4. Aufl. Teil. Berlin. 1959, S. 226.

² См. Lehrkommentar zum StGB, Band I, S. 267.

³ См. Lehrkommentar zum StGB. Band I., S. 268.

По вопросу об уголовной ответственности за преступления, совершенные за пределами ГДР, к гражданам ГДР приравниваются и лица без гражданства, постоянно проживающие в ГДР. Осуществление персонального принципа ответственности не связано с какими-то ни было условиями или ограничениями; оно не зависит от того, наказуемо ли это деяние по закону места его совершения. Этим положением новый УК существенно отличается от ранее действовавшего. Ответственность граждан ГДР за преступления, совершенные за границей, основывается на взаимосвязи государства и гражданина; она вытекает из выполняемой государством обязанности по защите интересов гражданина за границей. К лицам, совершившим преступления за пределами ГДР, применяется уголовный закон ГДР на основании персонального принципа ответственности (принципа гражданства) только в тех случаях, если эти лица к моменту совершения преступления уже являлись гражданами ГДР. Если лица, совершившие преступления за границей, приобрели гражданство ГДР после совершения ими преступления, то они не могут быть привлечены к уголовной ответственности в ГДР в соответствии с положениями персонального принципа.

Если гражданин ГДР или постоянно проживающее в ГДР лицо без гражданства понесли за границей наказание за совершенное там преступление, то отбытое наказание должно быть учтено судом в ГДР при назначении наказания за это же преступление.

УК ГДР предусматривает возможность применения уголовных законов ГДР к гражданам других государств и другим лицам, совершившим преступления вне пределов ГДР, но при наличии условий, предусмотренных в самом законе. Эти условия следующие: 1) если преступление совершено против суверенитета ГДР, против мира, человечности и прав человека;

2) если наказуемость деяния предусмотрена специальным международным соглашением;

3) если преступление направлено против ГДР;

4) Если эти лица находятся на территории ГДР, выдачи иностранному государству не последовало, а деяние является наказуемым также и в месте его совершения или в том государстве или области, где родился виновный

(§ 80/3 пункты I-4).

Во всех этих случаях преступные деяния могут преследоваться лишь с согласия или по указанию Генерального прокурора ГДР.

В первом пункте речь идет о преступлениях, предусмотренных в первой главе Особенной части УК ГДР (§§ 85-93). В преамбуле к этой главе записано, что беспощадное преследование преступлений против суверенитета ГДР, против мира, человечности, прав человека и военных преступлений является необходимой предпосылкой сохранения прочного мира на земле и восстановления веры в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, необходимой предпосылкой соблюдения прав каждого отдельного человека.

Во втором пункте имеются в виду преступления, в отношении которых имеются специальные международные соглашения, которые подписаны ГДР или были восприняты ею в порядке правопреемства и признаны действующими.

В третьем пункте речь идет о преступлениях, объединенных во второй главе Особенной части УК ГДР под названием "Преступления против Германской Демократической Республики" (§ § 96-III)^I.

В первых двух пунктах утверджен весьма широко универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве и в какой-то мере и реальный принцип. В третьем пункте закреплён широко реальный принцип или принцип защиты государственных интересов.

В четвертом пункте изложены положения принципа представительной компетенции. Гражданам других государств и другим лицам, совершившим преступления за границей, в этом последнем случае не может быть назначено более тяжкое наказание, чем предусмотрено в месте совершения преступления или в месте рождения виновного. Таким образом, если за границей (где совершено преступление или где родился виновный) действует более мягкий закон, то он должен применяться судами ГДР. Это означает, что УК ГДР в какой-то мере допускает.

^I Подробную характеристику преступлений, перечисленных в пп. I-3 части 3 § 80 см. в работе: *Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik. Lehrkommentar zum Strafgesetzbuch. Bd. II. Berlin, 1969, S. 11-72.*

применение судами ГДР иностранного законодательства, что, конечно, вовсе не означает, что суды ГДР при вынесении приговора ссылаются на иностранный закон, а только то, что применяется иностранный закон для сопоставления и определения сравнительной тяжести наказания, установленного УК ГДР и соответствующего иностранного закона.

4. Действие уголовного закона Польской Народной Республики в пространстве

Первый социалистический уголовный кодекс в Польской Народной Республике принят 19 апреля 1969 года и вступил в силу 1 января 1970 года.¹ До этого времени действовал Уголовный кодекс 1932 года и большое количество отдельных законодательных актов, предусматривавших ответственность за различные категории преступлений, которые в значительной степени изменили содержание польского уголовного права.²

Вопросы пределов действия уголовного закона в пространстве регулировались в ПНР до января 1970 года на основании положений УК 1932 г.³, в котором пределы действия польского уголовного закона в пространстве и по лицам были установлены на основании территориального принципа, принципа гражданства или активного персонального принципа, реального принципа и универсального принципа.

Уголовно законодательство ПНР распространялось на всю территорию ПНР; оно применялось ко всем лицам (независимо от гражданства), которые совершали преступления на территории ПНР. Вопрос об определении места совершения преступления был решен не в УК, а сначала в УПК 1928 года,

¹См. Kodeks karny oraz przepisy wprowadzające. Warszawa, 1969; также: Dziennik Ustaw Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. Warszawa, 1969, Nr. 13, poz. 94; на русском языке см.: Уголовный Уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики. М., 1973.

²См. Станик В.А. Уголовное право Польской Народной Республики. М., 1955; Андреев И. Вопросы кодификации уголовного права в Польской Народной Республике. - В сб.: Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., 1963, с. 94-110; Andrejew I., Bernell L., Sawicki I. Prawo karne Polski Ludowej. Warszawa, 1954, s. 219.

³См. Rejman G. Prawo karne materialne. Część I. Ogólna. Warszawa. 1961., s. 25-32.

затем - в УПК 1950 г. В § 3 ст. 20 было записано, что преступление считается совершенным в том месте, в котором оно исполнено либо в котором нас упил или должен был по замыслу преступника наступить преступный результат деяния.¹ В УПК, а не в УК ПНР решался и вопрос о неподсудности польским судам уголовных дел по обвинению иностранцев, пользующихся иммунитетом на основании договоров, законов и общепринятых международных обычаев (статья 27 УПК 1950 года).²

В соответствии с принципом гражданства или активным персональным принципом (ст. 4 УК) польское уголовное законодательство распространялось на всех польских граждан, как тех, которые ими всегда были, так и тех, которые ими стали после совершения преступления, и, наконец, тех, которые во время совершения преступления были польскими гражданами, а затем лишились польского гражданства.

УК 1932 г. решил и вопрос о применении польского уголовного закона как в случаях, когда деяние в ПНР является преступлением, а за границей таким не является, так и в случаях, когда в ПНР предусмотрено более строгое наказание, чем за границей. В ст. 6 предписывалось учитывать различия в законодательстве в пользу подсудимого.

В соответствии с реальным принципом или объективным национальным (как его называли в польской литературе) и пассивным персональным принципом польское уголовное законодательство распространялось на иностранцев, совершивших преступления за границей, но посягающих на блага и интересы польского государства, его граждан или особые польские права (ст. 6 УК).

В соответствии с предусмотренным ст. 9 универсальным принципом было установлено применение польского уголовного закона независимо от места совершения преступления и гражданства виновного, если им совершены преступления, в отношении которых имеются международные соглашения.

¹См. Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств. Польская Народная Республика. М., 1964.

²См. там же.

Выдача польских граждан не допускалась, а условия выдачи иностранцев содержались в УПК ПНР.

Новый Уголовный кодекс ПНР внес значительные изменения во многие институты уголовного права ПНР¹, в том числе, было изменено и законодательство о пределах действия УК ПНР в пространстве.

В новом УК 1970 года в первую главу Общей части, озаглавленную "Принципы уголовной ответственности", включен только территориальный принцип. В статье 3 УК ПНР сказано, что "Польский Уголовный кодекс применяется к лицам, совершившим преступления на территории Польской Народной Республики". В этой же статье установлено, что польские уголовные законы распространяются на польские морские и воздушные суда; последние приравниваются в вопросах уголовной ответственности к территории ПНР, что нам представляется единственно правильным решением. В УПК ПНР 1970 года указывается, что дела о преступлениях, совершенных на борту польского морского, речного или воздушного судна, подсудны суду порта приписки судна, если они не решаются в соответствии с общими положениями о территориальной подсудности, т.е. не рассматриваются в суде, в округе которого преступление было совершено (§ 1 и § 2 ст. 21).²

¹См. Андреев И. Новый уголовный кодекс. - В кн.: Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974, с. 190-201; Андреев И. Новый уголовный кодекс. - "Современное польское право". Изд-во Польской Академии Наук "Ossolineum", 1971, № 15, с. 5-15; Вальчак С. Общественные аспекты кодификации права, "Nowe Drogi", 1969, № 6; Гельфер М. А. Основные черты новых уголовных, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов Польской Народной Республики. Предисловие к Уголовному, Уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному кодексам Польской Народной Республики, с. 3-16; Вольтер В. Принципы уголовной ответственности в свете нового уголовного кодекса Польской Народной Республики. - "Современное Польское право". "Ossolineum". 1971, № 15, с. 16-26.

²См. Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики. М., 1973.

В УК ПНР вопрос о месте совершения преступления решен с позиции смешанной теории или теории повсеместности (убиквитентности): местом совершения преступления признается как то место, где виновный осуществил преступное действие, или где он не совершил того действия, которое он был обязан совершить, так и то место, где последствие наступило, или где предвиделось его наступление (§ 2 ст.4 УК).¹ Это законоположение дает возможность рассматривать как совершенное в ПНР любое преступление, если только один из его основных элементов имел место на территории ПНР — само общественно опасное действие (бездействие) или общественно опасный результат; оно дает возможность решить проблему применения польского уголовного закона к случаям покушения, когда на территории ПНР были совершены действия, непосредственно направленные на совершение запрещенного деяния, результаты которого должны были сказаться, вне пределов ПНР или наоборот.

Вопрос о неподсудности польским судам уголовных дел о преступлениях, совершенных иностранцами, пользующихся дипломатическим иммунитетом, решается как и в ранее действовавшем законодательстве, в уголовно-процессуальном кодексе (ст.512 УПК 1969 года), что следует признать совершенно правильным. Такая оценка дается этой норме и в науке польского уголовного права.²

Все остальные принципы действия польского уголовного закона в пространстве закреплены в XVI главе УК ПНР, озаглавленной "Ответственность за преступления, совершенные за границей". Отнесение только положений территориального принципа к принципам уголовной ответственности и таким образом низведение остальных принципов в какой-то мере к второстепенным польские ученые объясняют малым

¹ См. Аналогичное решение давалось в ранее действовавшем УПК ПНР 1928 г.

² См. Reiman G. Prawo karne materialne. Cześć I. Ogólna. Warszawa, 1961, s.26; Andrejew I. Polskie prawo karne w zarysie. Wyganie drugie. Warszawa, 1971, s.63.

практическим значением норм¹, содержащихся в XVI главе (ст.ст. 113-119). Мы полагаем, что это обоснование недостаточно убедительно.

В главе XVI УК ПНР решаются весьма существенные вопросы уголовной ответственности, имеющие большое политическое и принципиальное значение. Нормы, включенные в эту главу, имеют большое значение для решения многих вопросов борьбы с преступностью в международно-правовом плане. Кроме того, в этих нормах решен вопрос о применении польского уголовного закона к гражданам ПНР, совершившим преступления за границей, а также вопрос об ответственности иностранцев по уголовному закону ПНР. Специально не выделен вопрос о применении польского уголовного закона к лицам без гражданства, совершившим преступления вне пределов ПНР. К этой категории лиц, по нашему мнению, должны быть применимы положения, относящиеся к иностранцам.

Польские граждане совершившие преступления за границей, отвечают во всех случаях по уголовным законам ПНР (ст. 113). Они не могут быть выданы другому государству (ст. 119). Однако уголовное законодательство ПНР применимо к польским гражданам, совершившим за границей деяния, признанные в ПНР преступными, если по месту их совершения они не являются уголовно наказуемыми, только по распоряжению Генерального прокурора ПНР.

И. Андреев объясняет это положение тем, что, хотя польский гражданин и подчиняется польским законам, где бы он не находился, привлечение его к ответственности и наказание за каждое совершенное за границей преступление нецелесообразно, если это деяние не влечет наказания по законам места его совершения, поэтому Прокурору Республики предоставлено право устанавливать в каждом конкретном случае целесообразность применения наказания в соответствии с уголовным законом ПНР.²

¹См. Вольтер В. Уголовная ответственность в новом уголовном кодексе: "Современное польское право", 1971, № 15, с. 18.

²См. Andrejew Т. дит. раб., с. 63.

Если польский гражданин за совершенное им за границей преступление уже подвергся наказанию, то, в случае его осуждения в ПНР за это же деяние, суд засчитывает все или часть наказания, отбытого за границей, с учетом имеющихся различий между этими наказаниями (ст. II7).

Польские уголовные законы применяются также к иностранцам, совершившим преступления за границей, однако необходимым условием ответственности является признание такого деяния преступным также по закону, действующему по месту его совершения (ст. II4 § I). При наличии расхождений между этими законами суд, применяя польский закон, может учесть имеющиеся различия в пользу виновного (ст. II4 § 2).

И. Андреев считает, что речь идет о субсидиарной ответственности по уголовному закону ПНР. В принципе же в таких случаях следует выдавать виновных тому государству, в котором совершено преступление.^I

Установленные статьей II4 законоположения требуют от польских судей знания иностранного законодательства, так как решение вопроса о том, признается ли деяние преступным также по закону, действующему по месту его совершения, представляется достаточно сложным. Речь идет о различных системах уголовного права, о различной конструкции составов преступления, о наличии различных отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств и различных обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность. Для того, чтобы учесть различия между польским уголовным законом и законом, действующим в месте совершения преступления, в пользу виновного, суду необходимо применить в конкретном случае иностранное уголовное законодательство: отыскать в нём соответствующую уголовноправовую норму, сопоставить её с нормой польского уголовного законодательства, и только тогда решить, какая из этих норм "в пользу виновного".

^I См. Andrejew I., цит. раб., с. 63

Однако из вышеизложенных положений, содержащихся в статье 114 УК ПНР, предусмотрены два следующих исключения, когда польские уголовные законы применяются к иностранцам, независимо от законов, действующих в месте совершения деяния:

1) если иностранцем за границей совершено преступление против существующих политических и экономических интересов Польской Народной Республики ;

2) если иностранцем за границей совершено преступление, преследуемое в силу международных договоров. Указанные исключения справедливо обосновываются особой ценностью объекта охраны (ст. 115 УК).¹

Во всех случаях осуждения в ПНР польских граждан или иностранцев, подвергшихся наказанию за это преступление за границей, суд засчитывает наказание, отбытое за границей, или его часть.

Таким образом, по вопросу о применении польского уголовного законодательства к лицам, совершившим преступления вне пределов ПНР, новый УК ПНР утвердил принцип гражданства, принципы защиты, универсальной и представительной компетенции. УК ПНР предусмотрел применение польского уголовного закона к иностранцам, совершившим за границей преступления, в соответствии с принципом представительной компетенции шире, чем уголовные кодексы всех прочих Европейских социалистических государств.²

В отношении выдачи иностранцев, совершивших преступления за границей, в УК ПНР указывается, что не подлежат выдаче иностранцы, пользующиеся правом убежища. Прочие иностранцы могут быть выданы иностранному государству. Все условия выдачи виновного иностранца для суда и исполнения в отношении него наказания регламентированы в УПК ПНР (ст.ст. 532-538).

¹См. Andrejew I., цит.раб.,с.63-64.

²См. Swida W. Prawo karne. Część Ogólna. Warszawa, 1970, с. 99-101.

5. Действие уголовного закона Социалистической Республики Румынии в пространстве

После победы народно-демократического строя в Румынии продолжал действовать старый уголовный кодекс 1936 года. Однако многие его нормы и целые главы подвергались значительным изменениям. Новый текст УК со всеми изменениями и дополнениями был опубликован 27 февраля 1948 года. Затем в течение всех последующих лет в этот переизданный уголовный кодекс вносились дальнейшие изменения и дополнения. В период принятия нового уголовного кодекса СРР действовал официальный текст УК с изменениями на 1 января 1962 года. Наряду с этим УК действовали и отдельные законы, которые были приняты в течение всех послевоенных лет.¹

Уголовно-правовые нормы о пределах действия румынского уголовного закона сохранились в том виде, в каком были в УК 1936 года.² Действию уголовных законов в пространстве были посвящены 14 статей второго раздела кодекса, выделенные в самостоятельную главу, состоящую из семи отделений. Такое построение главы свидетельствует о детальной регламентации вопросов действия уголовного закона в пространстве.

В румынской уголовно-правовой литературе подчеркивается, что пределы действия уголовного закона в пространстве

¹ См. подробнее о развитии уголовного законодательства РНР и СРР: Гельфер М.А. Основные вопросы общей части уголовного права стран народной демократии. М., 1963.; Донгоров В. Основные преобразования уголовного права Румынской Народной Республики в свете марксистско-ленинского учения. - В сб.: Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., 1963, с. III-143; Гельфер М.А. Некоторые теоретические проблемы использования народно-демократическими государствами законов старого строя. - В сб.: Вопросы уголовного права. М., 1966, с. 258-297; Курс советского уголовного права. Часть общая. т. 2. М., 1970. с. 642-645.

² За исключением изменений, внесенных декретом № 212 в 1960 г.

должны быть установлены так, чтобы преступник не мог избежать ответственности; где бы он не находился. В первую очередь лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности на той территории, где преступление было совершено. Далее необходимо обеспечить возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершенные им преступления в иностранном государстве, но с соблюдением определенного, установленного законом порядка. Иными словами, при определении наказания за преступления, совершенные на территории чужого государства, законодателем должны учитываться как внутригосударственные интересы, так и международно-правовой аспект применения национального уголовного закона. Поэтому каждый из отдельно взятых принципов действия уголовного закона в пространстве недостаточен для решения всей проблемы применения уголовного закона. Только совокупность всех принципов может дать желаемые результаты, а потому ни одним из них нельзя пренебрегать, чтобы обеспечить наказание виновного в случае невыдачи его государству, на территории которого совершено преступление.¹

В УК 1936 года (с изменениями на 1 января 1962 года) в главе "Предел действия уголовного закона в пространстве"² первое место было предоставлено законодательному закреплению территориального принципа действия уголовного закона в пространстве (ст.ст. 6 и 7). Был не только провозглашен территориальный принцип, но были также регулированы все вопросы, связанные с определением понятия территории Румынии с позиции применения уголовного закона. Было установлено, что румынский уголовный закон распространяется и на преступные деяния, совершенные в румынском воздушном пространстве, в пределах речных или морских территориальных вод, на судне либо на воздушном корабле, принадлежащем Румынии.

¹См. Dongoroz V., Kahane S., Oancea I., Fodor J., Iliescu N., Bulai C., Stănoiu R. Explicatii Teoretice ale codului penal Român. Partea generală. Vol. I. București, 1969, p. 47, 48.

²См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Румынская Народная Республика. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями, внесенными до 1 января 1962 года. М., 1962, с. 9-18.

В румынской уголовно-правовой литературе подчеркивается, что юридическим понятием территории охватываются водные и воздушные суда, плавающие или летающие под румынским флагом. Такое расширение понятия территории считается вполне оправданным. Указывается, что в уголовном законодательстве под территорией следует понимать пределы применения уголовного закона.¹

В УК было также определено, когда территории РНР может быть признана местом совершения преступления. Румыния признается местом совершения преступления во всех случаях, когда преступление было начато или завершено на румынской территории, или когда последствия преступления наступили на этой территории (ст. 6 ч. III), т.е., когда какая-нибудь часть преступного деяния была совершена на румынской территории, хотя бы один фрагмент.²

УК установил, что его положения не распространяются: на лиц, которые пользуются правом неприкосновенности; на экипаж иностранного коммерческого судна за преступные деяния, совершенные на этом судне, во время нахождения последнего в территориальных водах Румынии или в одном из его портов, на экипаж иностранного воздушного корабля во время его перелета над румынской территорией или пребывания на этой территории на основании специального разрешения румынского правительства.

Из этого общего правила были предусмотрены три исключения. Румынский уголовный закон распространялся на экипаж иностранного воздушного корабля (во время совершения им перелета), если преступное деяние было совершено против румынского гражданина или нарушило спокойствие и общественный порядок на территории Румынии, а также в случае обращения за помощью к румынским властям.

Если органы власти РНР отказывались от применения своего уголовного закона, то мог быть применен уголовный

¹ См. Dongoroz V., Kahane S., Oancea I. и др. Цит. раб., с. 52-59.

² См. Oancea I. Drept Penal. Partea generală. București, 1965, p. 87.

закон той страны, которой принадлежало судно или воздушный корабль, или той страны, гражданином которой являлся виновный.

Такая регламентация ответственности за преступления, совершенные на борту морского или воздушного судна, румынскими учеными объясняется практическими и политическими соображениями, в первую очередь, такими, как стремление к установлению и развитию нормальных отношений с другими странами.¹

В румынской уголовноправовой литературе подчеркивается значимость территориального принципа, его соответствие интересам охраны правопорядка, общественного порядка и других объектов румынского государства. Указывается, что в территориальном принципе воплощен государственный суверенитет, что в румынских законах воплощена воля румынского народа.²

Второе отделение рассматриваемой главы было озаглавлено "Преступные деяния, совершенные румынскими гражданами за границей или иностранцами, проживающими в Румынии". Отделение содержало развернутую систему норм (ст.ст. 8 и 9), которые установили применение румынского закона к румынским гражданам и проживающим в Румынии лицам без гражданства, совершившим преступления за границей, а также к иностранцам, получившим румынское гражданство после совершения преступного деяния за границей. Условиями ответственности были: 1) добровольное возвращение лица в РНР после совершения им за границей преступления, изъявление лицом, находящимся в РНР, желания остаться в стране или выдача такого лица румынским властям и 2) наказуемость совершенного деяния как по законам страны, где деяние было совершено, так и по румынским законам (за исключением деяний, посягающих на интересы безопасности румынского государства или предусмотренных международными соглашениями). Если наказание, предусмотренное этими двумя законами, было различным, назначалось более мягкое; если же более мягкое наказание было предусмотрено законом

¹ См. Oancea I. Drept Penal. Partea generală. București, 1965, p. 88.

² См. Oancea I., там же, с. 88.

иностранного государства, а в румынском законе такой вид наказания не был предусмотрен, то суд должен был заменить это наказание другим, предусмотренным в УК и соответствующим ему по характеру и длительности, т.е. было предусмотрено применение румынским судом иностранного уголовного закона.

В УК был закреплен принцип *non bis in idem*, поэтому если румынский гражданин или проживающий в Румынии иностранец был за границей осужден, освобожден от отбытия наказания по законам страны, где он совершил преступление, или амнистирован, то он не мог быть привлечен к уголовной ответственности в РНР. Отбывшая за границей часть наказания засчитывалась румынским судом.

Таким образом осуществлялся в РНР национальный или активный персональный принцип действия уголовного закона в пространстве.

В третьем отделении, озаглавленном "Преступные деяния против некоторых интересов румынского государства, совершенные румынскими гражданами или иностранцами за границей", регламентировалась ответственность всех без исключения лиц (румынских граждан, иностранцев и лиц без гражданства) за совершенные ими за границей перечисленные в законе тяжкие государственные и иные преступления, а также преступления и проступки против румынских граждан (ст. 10).

Преступник подлежал наказанию в РНР в соответствии с приговором румынского суда, даже если он за границей был амнистирован, освобожден от уголовной ответственности и наказания, судим и судимость погашена или снята. Однако отбывшее за границей наказание румынским судом засчитывалось во всех случаях.

Таким образом осуществлялись реальный принцип и пассивный персональный принцип действия уголовного закона в пространстве.

В четвертом отделении главы, посвященной пределам действия уголовного закона в пространстве, решался вопрос о применении румынского уголовного закона к иностранцам, совершившим за границей иные преступления, не посягающие на интересы РНР

или не граждан (ст. II), было установлено, что эти лица наказуемы по уголовным законам РНР, если они находятся в РНР и нет требования о их выдаче, или выдача не может быть осуществлена. В статье II были перечислены преступления, которые преследовались в РНР в силу международных договоров, за которые иностранцы отвечали независимо от наказуемости деяний по законам места их совершения.¹ Таким образом в УК РНР были закреплены принцип представительной компетенции и универсальный принцип.

В УК РНР, действовавшем до 1968 года, были детально регламентированы вопросы, связанные с выдачей преступников (отделение УП, ст. ст. 16-19). Запрещалась выдача румынских граждан и политических беженцев. Выдача иностранцев допускалась при наличии целого ряда условий, предусмотренных в УК и установленных международными соглашениями, а при их отсутствии - существующими правилами взаимности. СРР является участницей международных соглашений по выдаче преступников, заключила соглашение о выдаче преступников со многими социалистическими и некоторыми капиталистическими странами.²

Новый уголовный кодекс Социалистической Республики Румынии принят 21 июня 1968 года и вступил в силу 1 января 1969 года.³

В нем нашли отражение существенные преобразования, имевшие место в стране.⁴

Во второй главе нового УК СРР, озаглавленной "действие уголовного закона", и состоящей из 16 статей, подробно регламентированы вопросы действия румынского уголовного закона в пространстве, по лицам и во времени. Раздел первый, состоящий

¹ Декретом № 212 было внесено изменение в ст. II УК РНР ("Бюлетенул Официал" № 8 от 17 июня 1960 года). См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Румынская Народная Республика. М., 1962, с. 15.

² См. Oancea I. Drept Penal. Partea Generală, București, 1965, p. 96.

³ Codul penal al republicii socialiste România. București, 1968.

⁴ См. Ромашкин П., Кириченко В. Уголовный кодекс Социалистической Республики Румынии. - "Советское государство и право". 1970, № 2, с. 97-100; Фодор И. Основные принципы, категории и институты нового уголовного кодекса Социалистической Республики Румынии. В кн.: Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974, с. 242-287.

из 7 статей (ст.ст. 3-9), посвящен пределам действия уголовного закона в пространстве.¹

В УК СРР безоговорочно закреплен территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве (ст.3 УК). Эта основополагающая норма не раскрывает ни содержания понятия территории, ни понятия места совершения преступления, но эти понятия, необходимые для осуществления территориального принципа, раскрыты в главе III нового УК. В статье 142 сказано, что под "территорией" следует понимать протяженность суши в пределах границ с ее недрами и воздушным пространством над ней, включая морскую территорию с ее дном, недрами и воздушным пространством. Статья 143 установила, что понятие преступления, совершенного на территории страны, включает в себя не только любое преступление, совершенное на территории СРР в пределах ее границ, но также совершенное на румынском морском или воздушном корабле. Эта же статья определяет, в каких случаях территория СРР считается местом совершения преступления. Преступление считается совершенным в СРР, когда на ее территории либо румынском морском или воздушном корабле осуществлен только акт исполнения самого преступления или проявился результат преступления.

В науке румынского уголовного права дается подробный анализ действующих теорий об определении места совершения преступления и отстает теория повсеместности; однако не признается местом совершения преступления т.н. "транзитная территория", на которой не осуществляется ни один из элементов преступления.²

На страницах румынского журнала "Revista română de drept" освещен спорный вопрос о месте совершения преступления в связи с рассматривавшимся уголовным делом в трибунале города Тимиш. Румынский гражданин перешел незаконно румыно-югославскую границу. На территории Югославии он был задержан и осужден за незаконный въезд в Югославию. После отбытия наказания он был передан румынским пограничникам. В Румынии ему было предъявлено обвинение в незаконном переходе румынской границы, т.е.

¹ См. подробнее в работах: Oancea I. Drept penal. Partea generală. București, 1971; Barbu C. Aplicarea legii penale în spațiu și timp. București, 1972.

² См. Dongoroz V., Kahane S., Oancea I. и др., цит. раб., с. 55.

незаконном въезде из СРР, за что он и был осужден 9 сентября 1970 года. Подсудимый ставил вопрос о том, что незаконный переход румыно-югославской границы является единым преступлением, за которое он уже отбыл наказание в Югославии, а поэтому он не может быть вторично осужден румынским судом. Ходатайство осужденного было отклонено, потому что было признано, что на территории СРР им совершено самостоятельное преступление, и он подлежит ответственности по румынским законам - ст.245 УК РСР. Комментируя это дело, румынские юристы соглашались с оценкой данного преступления как совершенного только на территории СРР, полагая, что на территории Югославии виновным было совершено другое самостоятельное преступление, поэтому он должен отбывать назначенное ему наказание.^I

Таким образом УК СРР четко определил пределы применения своего уголовного закона в соответствии с принципом территориальности. Новый УК не предусмотрел никаких ограничений в осуществлении своей юрисдикции и применении своего уголовного закона к лицам, совершившим преступление на иностранном судне, находящемся в территориальных водах Румынии, как это было предусмотрено ранее действовавшим законодательством.

Принцип гражданства или активный персональный принцип закреплен в ст.4 УК СРР, в которой сказано, что румынский уголовный закон применяется к румынским гражданам или лицам без гражданства, имеющим постоянное местожительство на территории СРР, совершившим преступление за пределами Румынского государства. Этот принцип также предусмотрен без оговорок; применение уголовного закона СРР не зависит от того, наказуемо ли деяние за границей - в месте его совершения, был ли за границей гражданин СРР привлечен к уголовной ответственности и наказан, отбыл ли он наказание или нет.

В статье 5 УК СРР закреплены реальный принцип и пассивный персональный принцип действия уголовного закона в пространстве.

^I См. Sirbu M., Parăscopol V. Aplicarea legii penale în spațiu și efectele unei hotărâri de condamnare pronunțate de o instanță străină pentru infracțiunea de trecere frauduloasă a frontierei. - "Revista română de drept". 1972, Nr. I, p. 66-74.

В ней говорится, что румынский уголовный закон применяется к иностранцам и к лицам без гражданства, не имеющим постоянного местожительства в СРР, совершившим преступления вне пределов СРР, если эти преступления направлены против безопасности Румынского государства или против жизни или здоровья румынских граждан. Для возбуждения уголовного преследования требуется согласие Генерального прокурора.

В новом УК СРР законодательно закреплено положение, согласно которому румынский уголовный закон применяется к иностранцам и лицам без гражданства, не имеющим в СРР постоянно го местожительства, если эти лица совершили преступления, не направленные против безопасности Румынского государства и интересов румынских граждан, а иные преступления, при наличии следующих условий: а) деяние признается преступным также уголовным законом государства, на территории которого оно было совершено; б) преступник находится на территории румынского государства (ст.6). В УК СРР это положение обозначено как "принцип универсализма". Мы полагаем, что приведенное положение соответствует принципу представительной компетенции.¹

Новый УК СРР полностью отказался от применения иностранного уголовного закона, что следует признать закономерным, если учесть существующие различия между уголовным законодательством капиталистических и социалистических государств.

В УК СРР решен также вопрос об основаниях выдачи преступников, но, в отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, не закреплено принципиальное положение относительно невыдачи собственных граждан. Институт выдачи преступников рассматривается румынскими учеными как способ применения уголовного закона в пространстве. Если же выдача не осуществляется или не может быть осуществлена, то, по мнению румынских ученых, можно и нужно наказывать иностранцев в соответствии с национальным уголовным законом.²

¹ См. Подробнее о пределах действия румынского уголовного закона в пространстве см. Barbu C. Aplicarea legii penale în spațiu și timp. București, 1972, p. 15-146.

² См. Dongoroz V., Kahane S., Oancea I. и др., цит. раб., с. 48-50.

6. Действие уголовного закона Чехословацкой Социалистической Республики в пространстве

После победы в Чехословакии нового народно-демократического строя были приняты новые законы, направленные на охрану мира, против военных преступников, на охрану установленного демократического строя, против предателей и изменников, шпионов, террористов и диверсантов, на охрану государственного сектора народного хозяйства, против лиц, препятствующих национализации, расхищающих общественное имущество; против лиц, посягающих на права и интересы граждан, на установленный правопорядок.

В то же время в интересах борьбы за новый порядок продолжали использоваться законы старого строя. Наряду с новыми законами, действовавшими на всей территории Чехословацкой республики, продолжало действовать Австрийское уголовное уложение 1852 года "О преступлениях, нарушениях и проступках" в чешских землях - Чехии, Моравии и Силезии, в Словакии же действовало уголовное уложение Венгрии "О преступлениях и проступках" 1878 года и уголовное уложение "О нарушениях" 1879 года.¹

Вопросы действия уголовного закона в пространстве до принятия Уголовного кодекса 1950 года решались на основании упомянутых выше уголовных уложений. Отдельные вопросы действия уголовного закона в пространстве были решены также в декрете 15 мая 1945 года "О наказании фашистских злодеев, оккупантов, изменников и коллаборационистов и об организации народных судов", а также в законе 1947 года "Об ответственности за некоторые провинности против национальной части".

12 июня 1950 года был утвержден новый уголовный кодекс Чехословацкой республики, который вступил в действие 1 августа 1950 года,² в связи с чем прекратилось действие зако-

¹См. подробнее о путях становления и развития уголовного права демократической Чехословакии в работе: Гельфер М.А. Уголовное право Чехословацкой республики. М., 1955, с. 5-116.

²См. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Чехословацкой республики. М., 1951.

нов старого строя, равно как и уголовных законов, изданных народной властью.¹

Третья глава общей части была посвящена действию уголовных законов (§ 12 - § 16). В ней было установлено, что УК Чехословацкой республики распространяет свое действие на все преступные деяния, совершенные на территории Республики. Преступление считалось совершенным на территории Чехословацкой республики как в тех случаях, когда действия, направленные к наступлению последствия, предусмотренного законом, были совершены на территории республики, хотя последствия наступили или могли наступить полностью или частично за границей, так и в случаях, когда последствие, предусмотренное законом, наступило или могло полностью или частично наступить на территории республики, хотя причинившие его действия и были совершены за границей. Законодательно не был решен вопрос о применении уголовного закона Чехословацкой республики к преступлениям, совершенным на борту водного и воздушного судна, находящихся вне пределов территории республики.

УК Чехословацкой республики распространил применение своих уголовных законов также на преступные деяния, совершенные за границей гражданами республики или проживающими на территории республики лицами без гражданства, т. е. закрепил принцип гражданства в применении уголовного закона.

В УК 1950 года были закреплены реальный и универсальный принципы действия уголовного закона в пространстве, а также принцип представительной компетенции. К гражданам иностранных государств или не проживающим на территории Чехословацкой республики лицам без гражданства, совершившим преступления за границей, чехословацкие уголовные законы могли быть применимы в том случае, если деяние было наказуемо и по месту его совершения, и совершившее преступление лицо было задержано на территории Чехословацкой республики и не было выдано для уголовного преследования иностранному государству.

¹ См. Вступительную статью Б.С. Маньковского к УК и УПК Чехословацкой республики. М., 1951, с. 5-19.

В случае осуждения этих лиц в Чехословацкой республике, им нельзя было назначить более строгое наказание, чем то, которое было предусмотрено законом места совершения преступления. Это положение воплощает принцип представительной компетенции и свидетельствует о том, что УК 1950 года допускал применение иностранного закона (§ 15).

Чехословацкий уголовный закон применялся к иностранцам и не проживающим в Чехословацкой республике лицам без гражданства без всяких ограничений и невзирая на то, наказуемо ли совершенное деяние по закону места его совершения, если этими лицами были совершены перечисленные в законе (§ 14) особо тяжкие государственные преступления, посягающие на основы народно-демократического строя, денежную и кредитную систему и др. ¹ Таким образом был закреплен реальный принцип действия уголовного закона в пространстве .

Принятое в декабре 1960 года ЦК Коммунистической партии Чехословакии постановление "О дальнейшем укреплении социалистической законности и демократизации судостроительства" констатировало, что УК 1950 г. оправдал возложенные на него надежды и в значительной мере способствовал укреплению социалистической законности в борьбе с преступностью. Были также отмечены основные линии совершенствования уголовного законодательства. ²

В 1961 году был принят новый уголовный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики, ³ в который в последующие годы были внесены существенные изменения и дополнения. ⁴ Уголовно-правовые нормы, определяющие пределы действия УК ЧССР не были существенно изменены. В третьей главе общей части УК ЧССР 1961 года, озаглавленной "Действие уголовного закона" был

¹ См. подробнее: Гельфер М.А. Уголовное право Чехословацкой республики. М., 1955.

² См. подробнее в новом УК ЧССР: Юрай Виевка. К некоторым важным вопросам совершенствования уголовного законодательства. - В сб.: Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., 1963, с. 67-93.

³ См. УК ЧССР утвержден Законом 29 ноября 1961 года, опубликован 8 декабря 1961 года в Собрании законов и вступил в силу 1 января 1961 года.

⁴ Изменения и дополнения вносились с 1965 г. по 1973 г., однако они не касались регламентации пределов действия уголовного закона в пространстве.

решен вопрос об ответственности любого лица за преступления, совершенные на территории республики, т.е. законодательно закреплена территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве. Понятие "преступления, совершенного на территории республики" не претерпело никаких изменений; было указано, что преступление считается совершенным в ЧССР, если в пределах ЧССР имело место только деяние или только последствие (§ 17). Без изменений осталось положение об ответственности чехословацких граждан и лиц без гражданства (жителей республики) - за преступления, совершенные ими за границей; они наказуемы во всех случаях по чехословацкому закону. Так осуществляется принцип гражданства или активный персональный принцип (§ 18).

Это положение согласуется с закрепленным в § 21 УК принципом невыдачи чехословацких граждан иностранному государству для уголовного преследования и исполнения наказания и принципом исполнения приговора суда иностранного государства.

Некоторые изменения внесены УК ЧССР 1961 года в осуществление реального и универсального принципов, однако без изменений остался принцип представительной компетенции.

УК ЧССР 1961 года предусмотрел целый ряд преступлений, за совершение которых за границей к иностранцу и лицу без гражданства, не являющемуся жителем республики, применяется уголовный закон ЧССР во всех случаях, независимо от наказуемости этого деяния за границей и предусмотренного там наказания. Речь идет о совершенных за границей преступлениях, наносящих ущерб Чехословацкой республике. Перечень этих преступлений не совпадает с перечнем УК 1950 года; он свидетельствует о более широком закреплении реального принципа¹ и закреплении универсального принципа действия уголовного закона в пространстве, так как перечислены преступления, посягающие на основу общественного и государственного строя ЧССР, установленный порядок

¹В чешской уголовно-правовой литературе этот принцип назван принципом охраны (zásada ochrany). См. Československi trestné právo. Svazek I. Obecná část. Praha, 1964, s. 73.

управления, и основы хозяйственной мощи, а также преступления, в отношении которых имеются международные соглашения о применении национального закона места задержания преступника.

В УК установлен также порядок определения наказания лицам (гражданам ЧССР, иностранцам и лицам без гражданства), совершившим преступления за границей. Если виновный отбыл наказание, назначенное ему в иностранном государстве за то же самое преступление, за которое он привлекается к уголовной ответственности в ЧССР, то оно засчитывается в наказание, назначенное чехословацким судом, если только такой зачет является возможным; в противном случае отбытое за границей наказание принимается во внимание при определении вида и меры наказания чехословацким судом (§ 22).¹

7. Действие уголовного закона Социалистической федеративной Республики Югославии в пространстве

Становление и развитие уголовного права Социалистической федеративной Республики Югославии отличается значительными особенностями, обусловленными ходом исторического развития этого государства.²

С первых дней своего существования народно-демократическое государство рассматривало борьбу с преступными посягательствами на основы нового общественного и государственного строя и общественную собственность как одну из важнейших задач. В то же время велась уголовно-правовая борьба с военными преступниками, которые должны были понести наказание за свой злодеяния.³

¹ Текст УК ЧССР на русском языке см. в журнале "Бюллетень Чехословацкого права", 1962, №1-2.

² См. Мунда А. Любляна. Уголовное право Югославии. - В сб.: Современное зарубежное уголовное право. Т. I, М., 1957, с. 505-516.

³ См. Геллифер М. А. Основные черты уголовного права Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. с. 6-21; Szentis N., Stajic A. Krivično pravo FNRJ. Opšti deo. Beograd. 1953. s. 7-29.

Для развития институтов общей части уголовного права наибольшее значение имело издание первого уголовного кодекса Федеративной Народной Республики Югославии. 29 ноября 1947 года, который состоял только из Общей части.¹ В нем решались также вопросы пределов действия уголовного закона в пространстве.

27 февраля 1951 года был завершен процесс кодификации уголовного законодательства принятием нового Уголовного кодекса Федеративной Народной Республики Югославии, который вступил в силу 1 июля 1951 года.² Этот кодекс был подвергнут существенным изменениям и дополнениям Законом от 29 июля 1959 года и законами последующих лет.³

Вопросы действия уголовного закона в пространстве регламентируются в восьмой главе. В статьях 91-97 содержится развернутая система уголовноправовых норм о праве применения уголовного закона.⁴

Уголовный закон Социалистической Федеративной Республики Югославии применяется к любому лицу, совершившему преступление на ее территории, а также на югославском торговом корабле, находящемся в открытом море, или пассажирском самолете, находящемся над открытым морем, или на отечественном военном корабле или самолете, независимо от того, где бы они ни находились во время совершения преступного деяния (ст. 91).

Под территорией республики понимаются также прибрежные моря и воздушное пространство над ее сухопутной и водной территорией (пункт 4 ст. 99). Вопрос о том, в каких случаях следует считать территорию СФРЮ и соответственно корабли или самолеты местом совершения преступления, четко решен в самом УК. Местом совершения преступления считается как то место, где лицо действовало или должно было действовать, так и то, где

¹ См. Службени лист ФНРЮ № 106 от 13 декабря 1947 года.

² См. Службени лист ФНРЮ № 13 от 9 марта 1951 года.

³ См. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972, 485.

⁴ См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Федеративная Народная Республика Югославия. М., 1957.

наступило последствие ; покушение на преступление считается совершенным как в том месте, где лицом действовало, так и в том, где в соответствии с его умыслом наступило или могло наступить последствие (ст.15). Таким образом, решение вопроса о применении уголовного закона СФРЮ в соответствии с территориальным принципом не вызывает существенных затруднений,

Более сложным является применение уголовного закона СФРЮ в соответствии с экстерриториальным действием уголовного закона СФРЮ, т.е. применение уголовного закона к лицам, совершившим преступления вне пределов СФРЮ.

В югославской уголовно-правовой литературе справедливо подчеркивается значимость принципа защиты государства в применении уголовного кодекса, а наряду с ним - принципов гражданства, пассивного персонального и универсального. I Реализация каждого из этих принципов в СФРЮ сопряжена с целым рядом ограничений,

Поэтому в целях более ясного изложения вопроса о применении уголовных законов СФРЮ к лицам, совершившим преступления вне пределов СФРЮ, следует осветить условия ответственности югославских граждан и иностранцев раздельно, хотя при таком изложении данного вопроса неизбежны повторения.

Ответственность граждан СФРЮ за преступления, совершенные за границей, предусмотрена во всех случаях, но условия ответственности различны в зависимости от характера преступного деяния.

Если гражданами СФРЮ за границей совершены преступления против всего государства и народа, то они отвечают по законам СФРЮ независимо от того, наказуемы ли эти деяния по законам места их совершения. К этой категории преступлений УК СФРЮ относит : побег в целях вражеской деятельности (ст.110)

I См.Мунда А., цит.раб., с.554.

организация и переброска на территорию СФРЮ вооруженных групп, отдельных лиц и материалов (ст. III), заключение договора в ущерб интересам государства (ст. II2), уничтожение важных сооружений народного хозяйства (ст. II4), саботаж (ст. II5), насилие в отношении представителей народной власти и общественных организаций (ст. II6), сообщество в целях преступлений против народа и государства (ст. II7), враждебная пропаганда (ст. II8), оказание помощи лицу, совершившему преступления против народа и государства (ст. I20), приготовление к совершению таких деяний, как подрыв военной и оборонной мощи государства, убийство представителя народной власти и общественных организаций, уничтожение важных сооружений народного хозяйства (ст. I21), изготовление и пуск в обращение фальшивых югославских денег (ст. 221).

Уголовное преследование в этих случаях возбуждается в СФРЮ и в случаях, если: 1) в отношении виновного за границей был вынесен приговор, 2) за границей он был освобожден от наказания, 3) наказание считается за границей погашенным за давностью. В то же время отбытое по приговору иностранного суда наказание засчитывается в наказание, назначенное судом СФРЮ.

Если югославские граждане совершили иные преступления за границей и затем оказались на территории СФРЮ или были выданы СФРЮ, то к ним применяются уголовные законы СФРЮ, за исключением следующих случаев: 1) если виновный полностью отбыл наказание, назначенное за границей; 2) если виновный освобожден от наказания за границей приговором, вступившим в законную силу, или если наказание не было применено за границей вследствие истечения сроков давности или прощения; 3) если преступление по иностранному закону преследуется только в порядке частного обвинения; 4) если совершенное деяние не карается по закону страны, в которой оно совершено. Однако, несмотря на наличие последнего условия, по требованию Министра юстиции СФРЮ уголовное преследование может быть возбуждено.

К иностранцам, как и к гражданам СФРЮ, применяются уголовные законы СФРЮ без всяких ограничений, если они вне пределов государственной территории совершают тяжкие уголовно-наказуемые действия против народа и государства, предусмотренные ст.ст. 110-112, 114-118, 120, 121 и 221. В этом случае нет никаких различий между применением уголовного закона к иностранцам и к гражданам СФРЮ. Таким образом закреплен принцип защиты государства или реальный принцип (ст.92).

Югославские уголовные законы применяются к иностранцам, совершившим вне пределов СФРЮ иные преступления, в двух случаях: 1) преступление, совершенное иностранцем за границей, направленное против СФРЮ или ее граждан, если при этом за него по закону может быть назначено наказание не ниже заключения¹ и виновный окажется на территории СФРЮ или будет выдан (ст. 94, ч.1); 2) преступление, совершенное иностранцем за границей, направлено против иностранного государства или иностранца, если оно карается по УК СФРЮ пятью годами строго заключения² или более тяжким наказанием, при этом виновный находится на территории СФРЮ и не выдается иностранному государству. В этом последнем случае не может быть применено более строгое наказание, чем то, которое предусмотрено законом страны, где совершено это преступление, т.е. допускается применение иностранного закона (ст.94, ч.2). Однако преследование иностранцев за совершенные ими за границей преступления, кроме тяжких государственных, не может иметь места в СФРЮ в следующих случаях: 1) если иностранец отбыл наказание, назначенное за границей за то же самое преступление; 2) если иностранец освобожден от наказания за это же преступление вступившим в законную силу приговором за границей или если за границей к нему не было применено наказание вследствие истечения давности или прощения; 3) если преступление по иност-

¹ Имеется в виду тюремное заключение на срок от трех дней до пяти лет (ст.30), которое в системе наказаний занимает по тяжести третье место после смертной казни и строгого заключения.

² Имеется в виду строгое тюремное заключение на срок от 6 месяцев до 20 лет (ст.28), которое в системе наказаний занимает по тяжести второе место после смертной казни (ст.24).

ранному закону преследуется только по предложению или в порядке частного обвинения.

Кроме всего, следует отметить, что за совершение преступления за границей, кроме тяжких преступлений против СФРЮ, преследование в отношении иностранца, также как и в отношении гражданина СФРЮ, может иметь место, если это деяние карается и по закону страны, в которой деяние совершено. Если же в стране, в которой деяние было совершено, за это преступление не установлено наказания, преследование в СФРЮ возбуждается только по требованию Министра юстиции СФРЮ (ст. 95).

Во всех без исключения случаях вынесения приговора иностранцу за совершенное им преступление вне пределов СФРЮ суд в СФРЮ засчитывает в наказание, отбытое им за это же преступление по приговору иностранного суда (ст. 96).

Таким образом в ст. 94 УК СФРЮ закреплены принцип персональный пассивный и принцип представительной компетенции.

универсальный принцип не закреплен в уголовном кодексе, однако это не исключает возможности применения уголовного закона СФРЮ к иностранцам, совершившим преступления за границей, в отношении которых имеются международные соглашения, предусматривающие применение национального закона страны задержания преступника, независимо от места совершения этого преступления. I

УК СФРЮ регламентирует также вопросы выдачи преступников. Гражданин СФРЮ не может быть выдан иностранной державе. Выдача иностранцев производится в соответствии с международными договорами, а при отсутствии таковых - по законам СФРЮ. Выдача не допускается, если деяние, вследствие совершения которого требуется выдача, не является преступлением согласно отечественному закону.

В УК СФРЮ закреплено также положение о праве убежища; в нем записано, что не выдаются иностранцы, преследуемые за активную деятельность, направленную на осуществление демократи-

I. Подробнее о действии уголовного закона СФРЮ в пространстве см. в работах: Srzentic N. Krivično Pravo, Sarajevo, 1968, p. 31-33; Radovanovic M. Krivično Pravo SFRJ, Beograd, 1969, p. 147-151.

ческих принципов и национального освобождения, на осуществление прав трудового народа и свободы научной и культурной деятельности.¹ Более подробные постановления о выдаче обвиняемых и осужденных содержатся в уголовно-процессуальном кодексе СФРЮ 1953 года (ст.ст. 455-471).²

Краткий обзор уголовного законодательства зарубежных социалистических стран Европы о пределах действия уголовного закона в пространстве свидетельствует о большой и плодотворной работе, проделанной в европейских социалистических государствах при создании новых уголовных кодексов.

Главы, посвященные пределам действия национального уголовного закона в пространстве, разработаны с большой тщательностью, отражают задачи укрепления государственного суверенитета, интересы охраны государственных интересов и интересов граждан социалистических государств, укрепление международных связей по вопросам борьбы с преступностью. Система уголовно-правовых норм, определяющих действие уголовного закона в пространстве, соответствует достижениям современной науки социалистического уголовного права, иными словами, научно обоснована. В ней закреплены основополагающие принципы действия уголовного закона в пространстве и вытекающие из них положения, обеспечивающие осуществление этих принципов и единое применение уголовных законов в пространстве.

В уголовных кодексах зарубежных социалистических стран Европы, также как и в уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик, безусловно и безоговорочно закреплены территориальный принцип и принцип гражданства или активный персональный принцип в качестве основополагающих принципов. В то же время, в отличие от уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в уголовных кодексах европейских социалистических стран дано определение государственной территории

¹ См. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Федеративная Народная Республика Югославия. М., 1957, с. 19, 20.

² См. Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств. М., 1956.

и обозначены объекты вне территории, на которые распространяется национальное уголовное законодательство в соответствии с территориальным принципом. Почти все уголовные кодексы этих социалистических стран в самом кодексе дали определение места совершения преступления, т.е. установили, в каких случаях территория данного социалистического государства должна быть признана местом совершения преступления, если преступление только частично совершено в его пределах.

Все зарубежные социалистические государства Европы в своем национальном уголовном законодательстве предусмотрели весьма широкое применение своих уголовных законов и иностранцам, совершившим преступления за границей. В отличие от уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, уголовные кодексы зарубежных социалистических государств, кроме применения уголовного закона в соответствии с универсальным принципом, предусмотрели применение уголовного закона в соответствии с реальным принципом или принципом защиты государственных интересов и принципом защиты интересов граждан или пассивным персональным принципом. Большинство зарубежных социалистических государств в своих уголовных кодексах закрепило также принцип представительной компетенции, т.е. применение национального уголовного закона к иностранцам, совершившим за границей преступления, не посягающие на интересы данного государства и его граждан, если эти иностранцы находятся в этом государстве и не выдаются иностранному государству.

Применение уголовного закона в этом последнем случае ограничивается наличием некоторых условий, в первую очередь, требованием признания этого деяния уголовно наказуемым деянием по закону места его совершения. Часть социалистических государств в этом случае допускает применение иностранного уголовного закона, конечно, не в прямом смысле, не ссылку на иностранный уголовный закон в приговоре суда, а обязанность национального суда социалистических государств, в которых рассматривается уголовное дело, сравнить наказание, предусмотренное в уголовном кодексе этого государства, с наказанием, предусмотренным законом места совершения преступления, и применить наиболее мягкое из них.

Уголовные кодексы всех зарубежных социалистических государств Европы обязывают суды при назначении наказания за преступления, совершенные за границей, зачесть отбытое там наказание по приговору суда и время предварительного заключения. Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик только разрешает суду соответственно смягчить наказание лицам, которые понесли наказание за границей, или полностью освободить виновного от отбывания наказания (Ст. 5 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Уголовные кодексы зарубежных социалистических государств Европы, в отличие от уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, применение уголовного закона к лицам без гражданства регламентируют различно, в зависимости от того, являются ли эти лица постоянными жителями этого социалистического государства (и тогда они в вопросах применения уголовного закона приравниваются к гражданам государства) или же они являются постоянными жителями иностранного государства (и тогда они в вопросах применения уголовного закона приравниваются к иностранцам). Находящиеся в ССР лица без гражданства по уголовному законодательству Союза ССР и союзных республик во всех случаях применения уголовного закона приравниваются к советским гражданам.

В уголовных кодексах зарубежных социалистических государств Европы закреплены основные положения о выдаче совершивших преступления лиц иностранным государствам для предания их суду или отбытия наказания. Почти все социалистические государства установили, что граждане своего государства не выдаются; некоторые установили это положение с оговоркой, что граждане своего государства не выдаются, если иное не предусмотрено международным соглашением. Выдача иностранцев обусловлена целым рядом условий, которые предусмотрены как уголовным, так и уголовно-процессуальным законодательством. Советское уголовное законодательство, как известно, не регламентирует вопросов выдачи преступников.

Изучение и анализ уголовного законодательства зарубежных социалистических государств имеет большое значение для

развития и дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик .¹

Л.И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году говорил о том, что "мировой социализм вбирает в себя все богатство и многообразие революционных традиций и опыта, порождаемого творчеством трудящихся разных стран" . "Наша партия, указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС, — постоянно изучает этот опыт, использует все ценное, что может быть применено в условиях Советского Союза, все то, что действительно способствует укреплению социалистического строя, воплощает в себе провенненне на международном опыте общие закономерности его строительства" .²

¹ См. Тилле А.А., Шяевков Г.В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1973, с.162-166.

² "Международное Совещание коммунистических и рабочих партий". М., 1969, с.54, 55.

М . И . Б Л У М ,
кандидат юридических наук

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ
И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУП-
ЛЕНИЯМИ

Понятие международного уголовного права вызывает существенные разногласия в советской и зарубежной юридической литературе. Спорным является не только вопрос о том, как оценивать международное уголовное право (может ли оно рассматриваться как самостоятельная отрасль международного права или подотрасль международного публичного права), но и вопрос о самом существовании и возможности существования такой отрасли или подотрасли права. Отношение к этому последнему вопросу в буржуазной науке права менялось в зависимости от того, какое содержание вкладывалось в это понятие в определенный исторический период и как определялся предмет этой отрасли права или дисциплины. Об этом лучше всего свидетельствует история унификационного движения, работа международных конференций по унификации уголовного законодательства.¹

В послевоенные годы существования международного уголовного права полностью отрицает наиболее реакционная часть западноевропейских ученых в области международного и уголовного права, в особенности в ФРГ, не признающих принципы Устава Международного военного трибунала и Нюрнбергский приговор, не допускающих международно-правовой ответственности физических лиц за совершение международных преступлений, пытающихся

¹ Подробнее по этому вопросу см.: Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., "Наука", 1969, с. 17-70.

обосновать уголовную ответственность государств.¹

Так западногерманский ученый Г. Мешер во всех своих работах утверждает, что существование международного уголовного права весьма сомнительно, ибо для его существования необходимы следующие предпосылки: наличие международных уголовно-правовых норм, которые непосредственно распространялись бы на гражданина любого государства; признание преимущества этих норм перед нормами национального права; отказ от теории государственного акта и наличие надгосударственных судебных органов.² Существование международного уголовного права отрицают и некоторые авторы, признающие Нюрнбергские принципы, но полагающие, что они не стали принципами международного права.³ По этому вопросу в

¹

См. Книерем А. Nürnberg. Rechtliche und menschliche Probleme. Stuttgart, 1953; Книерем А. The Nuremberg Trials. Chicago, 1959; Дамм Г. Zur Problematik des Völkerstrafrechts. - Göttingen, 1956. Veröffentlichungen des Instituts für internationales Recht an der Universität Kiel. 37; Дамм Г. Völkerrecht. Bd. I. Stuttgart, 1958; Дамм Г. Völkerrecht. Bd. III. Stuttgart, 1961;

Фуhrmann P. Der höhere Befehl als Rechtfertigung im Völkerrecht. München-Berlin, 1963;

Rudolf W. Völkerrecht und deutsches Recht. Untersuchungen über die Anwendung völkerrechtlicher Normen in der BRD. Tübingen, 1967.

² См. Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgem. Teil. Berlin, 1972, S. 96, 97.

³

См. Schwarzenberger G. The Problems of an International Criminal Law, Current Legal Problems, Vol. 3. London, 1950;

Schwarzenberger G. The Problem of an International Criminal Law. "International Criminal Law (Symposium)". London, 1965.

буржуазной литературе высказаны и другие точки зрения.¹ Поэтому П.Бува назвал вопрос о международном уголовном праве "деликатным",² а Р.Мерль, давая характеристику международного уголовного права, указывал, что к этой дисциплине следует приближаться с осторожностью, ибо ее предмет находится еще в области доктринальных спекуляций.³

Понятие международного уголовного права появилось в уголовно-правовой и международно-правовой литературе в конце XIX в.⁴ Этим понятием охватывались главным образом вопросы действия уголовного закона в пространстве, поскольку возникала необходимость урегулировать применение национального уголовного закона к различным категориям иностранцев, в том числе и лицам, поль-

¹ См. Glaser S. Introduction à l'Etude du Droit International Pénal. Bruxelles et Paris, 1954;

Glaser S. Infraction internationale ses éléments constitutifs et ses aspects juridiques. Paris, 1957;

Glaser S. Droit international pénal conventionnel. Bruxelles, 1970;

Sottile A. Les criminels de guerre et le nouveau droit pénal international moyen efficace pour assurer la Paix du Monde. "Revue de Droit International", 1945, Nr. 4; Appleman J.A. Military Tribunals and International Crimes. Indianapolis, 1954; Wechsler H. The Issues of the Nuremberg Trial. - "Political Science Quarterly", 1947; Schick F.B. The Nuremberg Trial and the International Law of the Future. "American Journal of International Law", 1947, v. 41; GreenSPAN M. The Modern Law of Land Warfare. Los Angeles, 1959.

² См. Bouzat P. et Pinatel J. Traité de droit pénal et de criminologie. Tome II. Paris, 1963, p. 1294.

³ См. Merle R., Vitu A. Traité de droit criminel. Paris, 1967, p. 245.

⁴ См. Коркунов Н.М. Опыт конструкции международного уголовного права. - "Журнал уголовного и гражданского права", 1889, №1; Rohland W. Das Internationale Strafrecht. 1877; Bar L. Lehrbuch des Internationalen Privat - und Strafrechts. Stuttgart, 1892.

зующимся дипломатическим иммунитетом и распространить национальные уголовные законы на преступления, совершенные вне пределов государства, в том числе и на иностранные территории. Понятием международного уголовного права охватывались также все вопросы оказания правовой помощи между государствами в борьбе с преступностью, главным образом вопросы выдачи преступников и права убежища. Таким образом, к понятию международного уголовного права относили вопросы размежевания компетенции различных государств в осуществлении уголовной юрисдикции и в применении национального уголовного закона, как и вопросы взаимопомощи при осуществлении уголовного правосудия. Такое же содержание вкладывалось в понятие международного уголовного права русскими и зарубежными учеными в начале XX в.¹ Некоторые авторы понятием международного уголовного права охватывали более узкий круг этих вопросов — вопросы применения национального уголовного закона к

¹ См. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. СПб., 1905, с. 388; Ульяницкий В. Международное право. Томск, 1911, с. 319;

Kohler J. Internationales Strafrecht. Stuttgart, 1917;

Hegler A. Prinzipien des Internationalen Strafrechts. Breslau, 1906;

Mendelssohn-Bartholdy. Das räumliche Herrschaftsgebiet des Strafgesetzes. Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts. Allgem. Teil. VI. Band. Berlin, 1908;

Liszt F. Das Völkerrecht. 6. Auflage, Berlin, 1910;

Travers M. Le Droit Pénal International et sa mise en Oeuvre en Temps de Paix et en Temps de Guerre. Tome I-V. Paris, 1920-1921;

Meili F. Lehrbuch des Internationalen Strafrechts und Strafprozessrechts. Zürich, 1910.

преступлениям, совершенным за пределами государства, т.е. экстерриториальное действие национального уголовного закона.¹

В двадцатых и тридцатых годах XX в. понятием международного уголовного права охватывались, кроме уже сказанного, вопросы борьбы с нарушениями международного правопорядка, с деликтами, предусмотренными заключенными ранее международными конвенциями. В такой плоскости определялся предмет международного уголовного права и на Варшавской международной конференции по унификации уголовного законодательства капиталистических стран, как и на последующих таких же международных конференциях. На этих конференциях по унификации уголовного законодательства поднимался и вопрос о необходимости совместной борьбы с действительно международными преступлениями, опасными для мира и безопасности народов, например, военная агрессия, терроризм, но, как убедительно показал А.Н.Трайнин, все эти вопросы затмила основная забота унификационного движения — создание единого карательного фронта капиталистических государств против растущей революционной активности масс.² Достаточно сказать, что конгресс международной антикоммунистической ассоциации, происходивший в двадцатых годах в Гааге, разработал даже проект международного закона против коммунистов и предложил включить его в национальное уголовное законодательство государств.

Проблемами международного уголовного права занимались также различные комитеты, созданные Лигой Наций. Под международным уголовным правом ими понимались правовое регулирование борьбы с уголовными преступлениями, предусмотренными международными конвенциями, выдача преступников и т.п. вопросы.

Проблемы международного уголовного права стали особенно актуальны в годы второй мировой войны и после ее окончания в связи с требованием всего прогрессивного человечества о строгом и справедливом наказании гитлеровцев за преступления против мира и

¹ См. Donnedieu de Vabres H. Les principes modernes du Droit pénal international. Paris, 1928.

² См. Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969, с. 28-39.

человечества, в связи с необходимостью решить вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших тяжчайшие международные преступления, превративших агрессивную войну в универсальное средство внешней политики, сделавших тотальное порабощение и массовое истребление народов Европы главным оружием осуществления своих захватнических планов, угрожавших самому существованию человечества и его цивилизации.¹ Поэтому правовым вопросам борьбы с международными преступлениями советские ученые, работающие в области международного и уголовного права, уделяли и уделяют большое внимание.² В многоплановой борь -

¹ См. Ледях И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. М., "Юридическая литература", 1973, с. 3.

² См. Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., Юридат, 1944; Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956; Полицкий Н. Н. Международное правосудие и преступники войны. М., Изд-во АН СССР, 1945; Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы международного уголовного права. - "Советское государство и право", 1948, № 3; Д. Б. Левин. О понятии и системе современного международного права. - "Советское государство и право", 1947, № 5; Д. Б. Левин. Об уголовной ответственности военнопленных. - "Вопросы уголовного права". № 1, М., 1944; Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М., "Международные отношения", 1966; Ромашкин П. С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права. - "Советское государство и право", 1948, № 3; Ромашкин П. С. Военные преступления империализма. М., Госюридат, 1953; Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. "Наука", М., 1967; Коровин Е. А. Германские преступные методы ведения войны и международное право. - "Труды Военно-Юридической Академии", 1943, вып. 3, М.; Пионтковский А. А. Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. Изд-во МЮИ, 1948; Полторак А. И. Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М., "Наука", 1966; Галенская Л. Н. О понятии международного уголовного права. - "Советский ежегодник международного права 1969". М., "Наука", 1970; Галенская Л. Н., Петровский Ю. В. Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений. - "Советский ежегодник международного права 1971". М., "Наука", 1973, с. 17-127; Мерзляков Н. С. Понятие преступления против человечества. Автореф. канд. диссерт. М., 1952; Моджорян Л. А. Субъекты международно-правовой ответственности. - "Советское государство и право", 1969, № 12; Алексеев И. С. Ответственность нацистских преступников. Изд. "Международные отношения". М., 1968; Волчков А. Ф., Полторак А. И. Принципы Нюрнбергского приговора и международное право. - "Советское государство и право", 1957, № 1; Иванов И. М. Нюрнбергские принципы в международном праве. - "Советское государство и право", 1960, № 8.

бы за стабильный и прочный мир большое значение имеет и международное право, в том числе и международное уголовное право, разоблачение и наказание преступников войны. "Борьбу против опасности новой мировой войны нужно развернуть не дожидаясь, когда начнут падать атомные и водородные бомбы - говорилось в Заявлении Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Эту борьбу надо вести сейчас, изо дня в день, наращивая усилия. Главное - своевременно обуздать агрессоров, предотвратить войну, не дать ей вспыхнуть".¹ В этой связи вопрос об ответственности нацистских преступников не снят с повестки дня по настоящее время.² Исследования многих зарубежных ученых также посвящены международному преступлению как предмету международного уголовного права.³ Проблема уголовной ответственности лиц, виновных в агрессивной войне и прочих преступлениях против человечества, не потеряла и не может потерять своей актуальности, потому что империалисты прово-

¹ См. "Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм". М., Госполитиздат 1961, с. 58.

² См. Ледак И. А. Указ. раб.

³ См. Appleman J. Military tribunals and international crimes. Indianapolis, 1954; Taylor T. The Nuremberg trials of war criminals. "International conciliation", 1949, april; Wechsler H. The issues of the Nuremberg trial. "Political Science Quarterly", 1947; Greenspan M. The Modern Law of Land Warfare. Los Angeles, 1959; Glueck Sh. The Nuremberg Trial and Agressive War. N.Y., 1946; Sottile A. Les criminels de guerre et le nouveau droit pénal international moyen efficace pour assurer la Paix du Monde. "Revue de Droit International". 1945. Nr. 4; Glaser S. Infraction internationale, ses éléments constitutifs et ses aspects juridiques. Paris. 1957; Glaser S. Droit international pénal conventionnel. Bruxelles, 1970.

цируют военные конфликты во всех частях света, продолжают борьбу за сохранение своего господства в бывших колониальных странах, проводят безжалостную политику расовой дискриминации.

Работы советских ученых помогают вскрыть содержание международного уголовного права, его предмет и метод, его внутреннюю систему и место в системе права. Однако мнения советских ученых в оценке международного уголовного права и его предмета весьма различны. В первые послевоенные годы советские ученые пытались дать определение международного уголовного права, исходя главным образом из задач борьбы с международными преступлениями, как их определил Устав Международного военного трибунала. Поэтому предметом регулирования международного уголовного права признавались "отношения между государствами, складывающиеся в процессе их координированной борьбы с международными преступлениями."¹ Большая часть советских ученых рассматривала международное уголовное право как составную часть международного публичного права.² П.С. Ромашкин под международным уголовным правом понимал самостоятельную отрасль права, "которая включает в себя нормы, определяющие и регулирующие ответственность за международные преступления и условия судебной помощи государства друг другу в борьбе с международными преступлениями".³ Таким образом, международному уголовному праву П.С. Ромашкин отводил самостоятельное место в системе права, отграничивая эту отрасль права как от международного публичного и частного права, так и от национального уголовного права, полагая, что международное уголовное право регулирует только такие отношения между государствами, которые складываются в процессе борьбы с международными преступлениями и которые "в конечном счете сводятся к отношениям между государством и личностью".⁴ Д.В. Левин предметом международного уголовного права также считает сотрудничество государств по борьбе с преступлениями против мира, однако признает международное уголовное право только зарождающейся

1. См. Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права - "Советское государство и право", 1948, № 3, с. 26
2. См. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы международного уголовного права - "Советское государство и право", 1947 № 3, с. 25
3. См. Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права, с. 25
4. там же

новой отрасли права, полагает, что оно станет самостоятельной отраслью права, выделившейся из общей системы международного права, но уже не составляющей части ее.¹ Л.Н.Галенская пришла к выводу, что международного уголовного права как отрасли международного права нет, что имеется только международное уголовное право как комплексная отрасль науки международного права. Она полагает, что под условным названием "международное уголовное право" можно и целесообразно объединить исследование вопросов борьбы с международными и уголовными преступлениями.² Однако в более поздней своей работе Л.Н.Галенская все же говорит об общих тенденциях в развитии международного уголовного права, вовсе не имея в виду только отрасль науки международного права.³ Утверждения автора о том, что ответственность за международные преступления представляет собой форму международно-правовой ответственности, также в какой то мере свидетельствует о признании существования международного уголовного права.

Мы полагаем, что международное уголовное право следует признать новой, но уже утвердившейся отраслью международного пра-

1. Следует отметить некоторую непоследовательность в суждениях автора. С одной стороны, он утверждает, что поскольку соглашение от 8 августа 1945 г. и Устав Международного военного трибунала распространяются на преступления, совершенные в связи со второй мировой войной, еще нельзя говорить о существовании особой системы международного уголовного права, ибо заложены только общие основы для построения такой системы, создание которой отвечает потребностям прогрессивного развития человечества". С другой стороны, он считает индивида, совершившего преступление и подпадающего под действие международной юрисдикции или международно-обязательной национальной юрисдикции, субъектом международного уголовного права как самостоятельной отрасли права./См. Левин Д.В. О понятии и системе современного международного права.- "Советское государство и право", 1947, № 5, с. 20, 21).

2. См. Галенская Л.Н. О понятии международного уголовного права.- "Советский ежегодник международного права 1969" М., "Наука", с. 256, 257, 258.

3. См. Галенская Л.Н., Петровский Ю.В. Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений.- "Советский ежегодник международного права 1971" М., "Наука", 1973, ст. 121.

ва, нуждающейся в дальнейшем развитии и совершенствовании. Эта отрасль международного права существенно отличается от международного публичного права. Поэтому считаем необходимым более четко определить ее предмет. Таким следует признать отношения между государствами в связи с осуществлением ими согласованной борьбы с международными преступлениями и с уголовными преступлениями, посягающими на международный правопорядок¹, а также в связи с оказанием государствами взаимопомощи в борьбе с иными уголовными преступлениями.

Международные преступления и уголовные преступления, посягающие на международный правопорядок, резко различаются по своей направленности и опасности для судьбы мира и человечества. По степени своей опасности они не подлежат ни сопоставлению, ни сравнению. Поэтому первую из этих групп преступлений в теории международного и уголовного права называют тяжчайшими международными преступлениями, усматривая в них посягательство на свободу народов², на коренные основы международного общения, на права и интересы всех государств³, посягательствами на основе международных отношений⁴. Их расценивают как посягательства на основные интересы всего прогрессивного человечества⁵, на независимость каждого народа и мирные отношения между народами⁶, как посягательство на само существование государства и нации⁷. К международным преступлениям ст.6 Устава Международного военного

1. Л.Н.Галенская также считает, что международное уголовное право должно заниматься кроме международных преступлений, также уголовными преступлениями, посягающими на международный правопорядок /См.Галенская Л.Н.О понятии международного уголовного права, с.248,258/.

2. См.Левин Д.В. Ответственность государств в современном международном праве, с.151.

3. Там же

4. См.Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права-с.26.

5. Левин Д.В. Ответственность государств в современном международном праве, с.38,39.

6. См.Лазарев М.И. Империалистические военные базы на чужих территориях и международное право. Изд-во ИМО, 1963, с.178

7. См.Моджорян Л.А. Субъекты международно-правовой ответственности. -"Советское государство и право", 1969, № 12 с.122.

трибунала отнесла три группы преступлений: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества, дав перечень каждой из этих групп. В приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала эти преступления обозначены как тягчайшие международные преступления (в отличие от преступлений международного характера).¹ В проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, составленном Комиссией международного права ООН в 1954 г. они названы международно-правовыми преступлениями. В литературе их называют чаще всего преступлениями против человечества.

В советской литературе по международному праву справедливо указывается на то, что круг действий, квалифицируемый как международные преступления, под действием прогрессивных сил мира будет расширяться.² Борьба с тягчайшими международными преступлениями составляет основное содержание международного уголовного права. Таким образом, международное уголовное право — это, во-первых, система установленных государствами или межгосударственными органами уголовно-правовых норм в целях осуществления координированной борьбы с преступлениями, посягающими на основы существования человечества. Поскольку опасность этих преступлений исключительно велика, государствам и международным органам для успешной борьбы с ними потребовалось не только разработать систему этих преступлений и установить в общих чертах признаки отдельных составов, но и преобразовать многие институты национального уголовного права в связи с этой категорией преступлений.³ Одна часть этих уголовно-правовых институтов в качестве институтов международного уголовного права приобретает только новые самостоятельные черты, например, субъект преступления, вина, необходимая оборона, крайняя необходимость, приготовление и покушение, соучастие, исполнение приказа и другие. Вторая часть — приобретает

¹ См. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. Том УП. Госприздат. М., 1961 г., с. 327;

² См. Галенская Л. Н., Петровский Ю. В. Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений, с. 118.

³ Речь идет о таких институтах национального уголовного права, которые известны законодательству почти всех государств.

совсем новый смысл, отражает иные задачи, служит иным целям, например, действие международной уголовно-правовой нормы во времени, давность привлечения к уголовной ответственности и давность исполнения наказания, выдача преступников и право убежища и другие. И, наконец, третья часть теряет свой смысл, например, институт " *nullum crimen sine lege*", "*nulla poena sine lege* ", необратимость уголовного закона и другие.¹

Правосудие в отношении преступлений против человечества может осуществляться как органами международной юстиции (например, Нюрнбергский и Токийский международные трибуналы), так и национальной юстицией государств,² но преследование этих опаснейших для человечества преступлений является международно-правовой обязанностью государств, неоднократно подтвержденной ООН.³

Международное уголовное право, во-вторых, - эта система установленных государствами уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за прочие преступные нарушения международного правопорядка, т.е. весьма общественно опасные уголовные преступления, посягающие на безопасность гражданской авиации и судоходства, на нормальное осуществление права человека и тому подобные преступления, причиняющие или могущие причинить значительный ущерб любому государству, независимо от установленного в нем общественного и государственного строя. Поэтому в международно-правовой литературе эту категорию преступлений называют уголовными преступлениями международ-

¹ С. Глазер считает необходимым для международных преступлений заменить институт "*nullum crimen sine lege*" институтом "*nullum crimen sine iure*" (Glaser S. Droit international pénal conventionnel. Bruxelles, 1970, p. 25).

² Д. Б. Левин также указывал, что международная уголовная ответственность индивидов предусмотрена в двух формах - в форме ответственности перед международным уголовным судом, создаваемым *ad hoc*, и в форме ответственности перед национальным судом, устанавливаемой нормами международного права, как это имеет место с Конвенцией о геноциде и Женевскими конвенциями о защите жертв войны (Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве, с. 43, 44).

³ См. Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников. М., "Международные отношения". 1968, с. 10.

ного характера.¹ Вопросы борьбы с этими преступлениями, наряду с вопросами борьбы с тяжкими международными преступлениями, в последние годы также приобрели значительную актуальность, в особенности вопросы борьбы с преступлениями, посягающими на безопасность гражданской авиации.²

Правосудие в этих случаях осуществляется только национальными судами. Как мы полагаем, преследование лиц, совершивших преступления этой категории, например, преступное нарушение деятельности гражданской авиации, торговли женщинами и детьми и др., также является международно-правовой обязанностью государств, вытекающей из международных соглашений и национального законодательства.

Поскольку эта вторая группа преступлений против международного правопорядка отличается от преступлений против мира и безопасности человечества по своему существу и не достигает степени опасности последних, институты национального уголовного права, такие как необходимая оборона, крайняя необходимость, соучастие, давность привлечения к уголовной ответственности и наказания, выдача преступников и другие применительно к этой категории преступлений, в отличие от преступлений против человечества, не приобретают новых свойств.

В-третьих, международное уголовное право — эта система установленных государствами уголовно-правовых норм, предусматривающих основание и условия взаимопомощи государств в борьбе с общеуголовными преступлениями, ответственность за которые предусмотрена национальным законодательством всех современных

1. См. Актуальные вопросы международного воздушного права. М., "Международные отношения", 1973, с.136; Малеев Ю.Н. Международно-правовые аспекты борьбы с незаконным захватом воздушных судов. Автореф. канд. диссер. М., 1973, с.7.
2. См. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М., "Международные отношения", 1972.

государств, Речь идет в настоящее время главным образом об установленных государствами нормах, регулирующих выдачу преступников государством, в котором они находятся, государству, имеющему в соответствии с этими нормами право их судить и наказывать. В настоящее время имеется целый ряд двусторонних и многосторонних соглашений между государствами, регулирующих вопросы выдачи преступников. Эти вопросы единообразно решены и в национальном законодательстве большинства государств. Это, конечно, не означает, что формы взаимопомощи государств в борьбе с преступлениями не могут измениться, что со временем государства не смогут договориться по вопросу об установлении в национальном законодательстве норм, предусматривающих обязанность каждого государства в определенных случаях привлекать к уголовной ответственности и наказывать лицо, совершившее преступление вне его пределов, по просьбе государства, обладающего таким правом.

Исходя из сказанного, мы под международным уголовным правом понимаем совокупность уголовно-правовых норм, установленных, в результате сотрудничества, государствами или международными органами и определяющих, какие преступные деяния относятся: а/ к преступлениям против мира и безопасности человечества и б/ к преступлениям международного характера, кем и в каком порядке должно быть осуществлено привлечение к уголовной ответственности и наказание виновных в их совершении лиц, а также определяющих основание и условия взаимопомощи государств в борьбе с общеуголовными преступлениями. При этом, говоря об уголовно-правовых нормах, установленных государствами или международными органами, мы имеем в виду, во-первых, все возможные источники международного права: международные договоры и соглашения, общие принципы права, признанные современными нациями, международный обычай, постановления международных органов и организаций и получившее признание в международном масштабе национальное уголовное законо-

дательство.¹ Однако следует отметить тенденцию закрепить уголовно-правовые нормы международного обычая в соглашениях между государствами, в конвенциях. Во-вторых, мы имеем в виду только совокупность установленных государствами или международными органами норм, адресованных, с одной стороны, физическим лицам этих государств (так как государства за совершенные ими тяжчайшие международные преступления не могут нести уголовной ответственности, а несут ответственность в соответствии с нормами международного публичного права)² и возлагающих на них обязанность воздержаться от совершения международных преступлений и уголовных преступлений международного характера,³ а, с другой стороны, также совокупность норм, адресованных государствам и возлагающих на них обязанность наказывать физических лиц, совершивших перечисленные преступления, в соответствии с соглашениями по этому вопросу и соблюдать условия оказания взаимопомощи в борьбе с остальными уголовными преступлениями.

Для выполнения своей международно-правовой обязанности по борьбе с преступлениями против человечества и уголовными преступлениями, посягающими на международный правопорядок, с преступлениями международного характера каждое национальное законодательство должно установить уголовно-правовые нормы, которые отражали бы соответствующие международные уголовно-правовые нормы и обеспечивали бы возможность наказания лиц, совершивших данные преступления. Система норм, предусматривающих преступления против человечества и уголовные преступления международного характера, а также оказание взаимопомощи государствами в борьбе с общеуголовными преступлениями, не является законченной, неизменной. Она развивается в процессе укрепления солидарности и взаимопонимания между государствами с различным общественным и государственным строем в борьбе с преступлениями. Поэтому по мере уста-

1. См. подробнее: Тункин Г.И. Вопросы теории международного права. Госюриздат. М., 1962, с.66-158; Ромашкин П.С. К вопросу о понятии и источниках международного права, с.28-30.
2. См. Левин Д.В. Ответственность государств в современном международном праве. М., "Международные отношения", 1966.
3. Речь идет как о лицах, действующих по своей собственной инициативе, так и о лицах, совершающих эти преступления по заданию своего правительства.

новления государствами или международными органами новых международных уголовно-правовых норм, предусматривающих согласованную борьбу государств с новыми видами международных преступлений либо преступлений международного характера или по оказанию взаимопомощи государствами по борьбе с иными уголовными преступлениями, должны вноситься соответствующие дополнения в национальное законодательство государств. В национальном законодательстве следует закрепить также особенности уголовно-правовых институтов применительно к тягчайшим международным преступлениям, вытекающие из норм международного уголовного права. Так, например, международно-правовые нормы о неприменении давности к преступлениям против человечества должны найти отражение в национальном законодательстве всех государств, как это уже сделано социалистическими и многими капиталистическими государствами. Должны быть внесены соответствующие изменения в положения национального законодательства о выдаче преступников и неприменении права убежища в отношении лиц, совершивших тягчайшие международные преступления, т.е. принципы международного уголовного права должны стать и принципами национального права. В советской уголовно-правовой и международно-правовой литературе справедливо подчеркивается значение национального уголовного законодательства в борьбе с международными преступлениями.¹ Приобретая характер национальных уголовно-правовых норм, эти нормы не теряют своего международно-правового существа, а потому государства, применяя их в борьбе с преступлениями против человечества и прочими преступлениями, посягающими на международный правопорядок, осуществляют положения и принципы международного уголовного права, реализуют нормы международного уголовного права. Мы полагаем, что международное уголовное право, хотя и имеет свою историю, является наименее развитой отраслью международного права, для дальнейшего развития которой в настоящее время созданы необходимые предпосылки — сплоченность и братская солидарность социалистических государств, расширяющееся взаимопонимание между го-

¹ См. Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., "Наука", 1969, с. 135-147; Геленская Л.Н. О понятии международного уголовного права, с. 258-260.

сударствами с различным общественным и политическим строем и растущее значение государств, освободившихся от колониальной зависимости и вставших на путь самостоятельного государственного строительства.

Однако международное уголовное право в настоящее время не предполагает создание международных уголовных законов, которые бы предусматривали все признаки конкретных составов преступлений и определение видов и меры наказания. Советские ученые в области международного права справедливо утверждают, что международная унификация в области уголовного законодательства в настоящее время является делом нереальным; уголовное законодательство государств разрабатывается в соответствии с политическими, экономическими и социальными особенностями страны. Поэтому принятие уголовного законодательства является внутренним делом суверенных государств.¹

В зарубежной международно-правовой литературе отстаивается и другая точка зрения; рекомендуется разрабатывать международные уголовные законы, обязательные для всех государств-участниц соответствующих международных конвенций о борьбе с определенными преступлениями.² С.Глазер выражает сожаление о том, что в соглашениях о борьбе с преступлениями не установлено определенное наказание за их совершение. По его мнению, передача этого вопроса на усмотрение национального законодателя может привести к назначению несправедливого наказания, тем более, что на многие международные и иные предусмотренные конвенциями преступления распространяется принцип универсальной компетенции (*ubi te invenero, ibi te judicabo*), что может побудить виновного в совершении преступления отыскивать более благоприятную для себя в плане наказуемости преступлении страну. Поэтому С.Глазер высказывается за установление единообразия в уголовных санкциях за преступления, предусмотренные международными конвенциями.³

1. См. Актуальные вопросы международного воздушного права. М., "Международные отношения", 1973, с.164,165.

2. Там же, с.165

3. См. Glaser S. Droit international pénal conventionnel. Bruxelles, 1970, p.200.

Мы полагаем, что на данном этапе, даже с учетом этих соображений, нельзя обосновать необходимость и возможность принятия международных уголовных законов. Однако на этом основании вряд ли можно отрицать международное уголовное право или принизить его роль в совместной и согласованной борьбе государств с тягчайшими международными преступлениями и уголовными преступлениями международного характера. Для эффективного преследования этих преступлений имеются "достаточно четкие международные и внутригосударственные правовые основания ответственности"¹, поэтому "сейчас вовсе не требуется ограничения суверенитета государств и осуществления этой задачи только через надгосударственный орган."²

Признание международного уголовного права отраслью международного права предполагает существование особой отрасли науки права—науки международного уголовного права. Это комплексная отрасль науки права, находящаяся на стыке науки международного права, науки уголовного права и науки уголовного процесса.³ Круг вопросов, которыми должна заниматься наука международного уголовного права, весьма широк: изучение источников международного уголовного права, разработка научно обоснованной системы тягчайших международных преступлений и преступлений международного характера, анализ в этом плане деяний, опасных для существования государств и народов, которые следует отнести к категории международных преступлений в будущем, как и анализ прочих посягательств на установленный правопорядок большинством современных государств, которые следует отнести к преступлениям против международного правопорядка. Эта деятельность советских ученых связана с разработкой и обоснованием проектов международных конвенций, отражающих интересы всего прогрессивного человечества. Теория международного уголовного права должна также разработать те институты международного уголовного права, которые обеспечивают

1. Алексеев Н.С. Ответственность нацистских преступников.

М. "Международные отношения", с.10

2. Там же, с.17

3. См. также Галенская Л.Н. О понятии международного уголовного права, с.257

успешную борьбу с тягчайшими международными преступлениями. В плане борьбы с тягчайшими международными преступлениями это означает в первую очередь изучение и совершенствование института давности. В этой области многое сделано упоминавшимися выше советскими учеными, работающими в области международного и уголовного права, однако многое еще предстоит сделать.

Одной из актуальных проблем науки международного уголовного права является проблема выдачи преступников и права убежища в отношении преступлений, посягающих на международный правопорядок, и общеуголовных преступлений. Хотя вопросу выдачи лиц, совершивших преступления против человечества, в советской теории международного и уголовного права военных и послевоенных лет уделено большое внимание, а потому основные теоретические проблемы можно считать решенными, все же некоторые вопросы, вытекающие из конвенций по борьбе с международными преступлениями и прочими уголовными преступлениями против международного правопорядка, нуждаются в дальнейшем исследовании. В самостоятельном исследовании нуждаются также многие вопросы выдачи общеуголовных преступников. В этой области советской наукой международного уголовного права сделано недостаточно, хотя в самое последнее время появились некоторые работы по этой проблематике. Мы полагаем, что наука международного уголовного права должна заняться в этом плане в первую очередь изучением источников, поскольку их в настоящее время очень много. Это послужило бы также развитию советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства о выдаче преступников, в котором имеются значительные проблемы.

Для науки международного уголовного права большое значение имеет изучение проблемы осуществления уголовной юрисдикции и действия уголовного закона в пространстве. Эти проблемы, в отличие от ранее рассмотренных, должны решаться как в плане борьбы с тягчайшими международными преступлениями, так и в плане борьбы с прочими преступлениями, посягающими на международный правопорядок. Как следует из международных конвенций, заключенных в последние десятилетия, в том числе и в последние годы, этим вопросам уделено большое внимание. Проблемы уголовной юрис-

дикции вызвали наибольшие споры на конференциях, на которых обсуждались соответствующие конвенции. Так, например, эти вопросы были подняты при обсуждении Конвенции о предупреждении и наказании преступлений геноцида, которая была принята в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН. Конвенцией предусматривалось, что лица, обвиняемые в совершении геноцида, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, т.е. уголовная юрисдикция была установлена в соответствии с принципом "lex loci delicti commissi". Конвенция предусмотрела в виде альтернативы передачу лиц, обвиняемых в геноциде, международному уголовному суду, который "может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей конвенции, признавших юрисдикцию такого суда". В то же время четыре Женевских Конвенции 1949 года о защите жертв войны, подписанные 123 государствами, установили универсальный принцип действия национального уголовного закона в пространстве и обязали участников Конвенции размокивать лиц, обвиняемых в предусмотренных конвенциями преступлениях и независимо от гражданства предавать их суду в соответствии с положениями своего законодательства. Женевская Конвенция об открытом море 1958 года для случаев уголовной ответственности капитана или другого лица на службе судна за столкновение или другое происшествие с судном при плавании в открытом море утвердила территориальный принцип (ответственность перед судебными властями государства флага) или принцип гражданства (ответственность перед судебными властями государства, гражданином которого является виновный). Гаагская Конвенция 1970 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, как и Монреальская Конвенция 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, утвердили территориальный и универсальный принципы действия уголовного закона в пространстве. В связи с вытекающими из международных конвенций проблемами действия национального уголовного закона в пространстве теории международного уголовного права следует особое внимание уделять рассмотрению вопроса о юридической силе отдельных норм международного права в правовом регулировании внутригосударственных отношений и наоборот - юридической силе норм внутригосударственного права в правовом

регулировании международных отношений, т.е. вопросов применения норм международного права на территории государств и норм внутригосударственного права за пределами государств.¹

Одним из наиболее важных институтов международного уголовного права следует признать институт действия уголовного закона в пространстве, ибо он отвечает на вопрос, кем и в каком порядке должны быть осуществлены уголовная ответственность и наказание лиц, виновных в совершении международных преступлений и преступлений международного характера. Указанный вопрос приобретает все большее значение в свете современных тенденций в развитии международного уголовного права.² Однако на этом проблему действия национального уголовного закона в пространстве как проблему международного уголовного права следует считать исчерпанной. Все прочие вопросы действия национального уголовного закона в пространстве выходят за рамки проблем науки международного уголовного права, ибо в настоящее время не регулируются нормами международного уголовного права. Эти вопросы регулируются национальным уголовным законодательством государств. Однако зарубежные ученые в области международного и уголовного права не только в конце XIX и начале XX в.в., но, о чем уже было сказано, и в настоящее время вопросы действия уголовного закона в пространстве, как и вопросы выдачи преступников охватываются понятием международного уголовного права, т.е. пользуются понятием "международное уголовное право" для обозначения совокупности национальных уголовно-правовых норм, определяющих действие уголовного закона в пространстве. Многие авторы в этой связи признают даже наличие двух самостоятельных понятий международного уголовного права, которые обозначают различными терминами. Так, французская доктрина уголовного права пользуется понятиями "droit penal international" (уголовное международное право) и "droit international penal" (международное уголовное право). Западногерманская

1. См. Малеев Ю.Н. Международно-правовые аспекты борьбы с незаконным захватом воздушных судов. Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 12
2. См. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы международного уголовного права, с. 29.

теория уголовного права пользуется соответственно понятиями "Internationales Strafrecht" (интернациональное уголовное право) и "Volkerstrafrecht" (международное уголовное право). Под "уголовным международным правом" (*droit penal international, Internationales Strafrecht*) они понимают совокупность проблем национального уголовного права, имеющих международный аспект, содержащий интернациональный элемент, соприкасающихся с интересами иностранного государства. Некоторые ученые считают необходимым говорить в этом случае только о "так называемом международном уголовном праве"², назначение которого усматривают в том, чтобы определить пределы действия национальных уголовно-правовых норм в отношении деяний, которые через совершившее преступление лицо, место его совершения или принадлежность правосохранимого блага связаны с интересами иностранного государства. При этом они исходят из того, что каждое государство само устанавливает пределы своего права наказывать виновного по своему закону, утверждает свое "jue puniendi". Некоторые западногерманские ученые считают недопустимым использование понятия "международное уголовное право" для обозначения пределов действия национального уголовного закона в пространстве, полагают, что он может ввести в заблуждение, привести к смешанию понятий.³

В советской науке уголовного права этот последний вопрос не вызывал споров. Советские ученые никогда не относили вопросы действия советского уголовного закона в пространстве к вопросам международного уголовного права и не пользовались для

¹ См. Bouzat P. et Pinatel J. *Traite de droit penal et de criminologie*. Tome II. Paris, 1963, p. 1294-1300; Merle R., Vitu A. *Traite de droit criminel*. Paris, 1967, p. 245-256; Mayer H. *Strafrecht. Allgem. Teil*. Stuttgart und Köln, 1953, S. 91-92; Maurach R. *Deutsches Strafrecht. Allgem. Teil*. München, 1958, S. 91; Bergmann L. *Der Begehungsort im internationalen Strafrecht Deutschlands, Englands und der Vereinigten Staaten von Amerika*. Berlin, 1966, S. 3, 4.

² См. Schönlme-Schröder. *Strafgesetzbuch. Kommentar*. München und Berlin, 1961, S. 65-68.

³ См. Welzel H. *Das Deutsche Strafrecht*. Berlin, 1967, S. 24.

обозначения всей совокупности этих вопросов или их части понятием "международное уголовное право". Однако советские ученые не могут обойти существо вопроса, ибо за ним кроются важные выводы для советской науки уголовного права. Нам представляется бесспорным, что вся проблема определения пределов действия уголовного закона в пространстве, за исключением уже рассмотренных нами вопросов международного уголовного права, является внутригосударственной проблемой, вытекающей из государственного суверенитета. Но в то же время основной принцип действия национальных уголовных законов в пространстве — территориальный принцип, применение уголовного закона места совершения преступления, безусловно является и принципом международного уголовного права, ибо эта норма признана национальным законодательством всех государств, является общепризнанной нормой в международном масштабе. В дальнейшем и другие принципы действия национального уголовного закона в пространстве могут стать общепризнанными нормами. Кроме того, каждое государство, устанавливая пределы действия своего национального уголовного закона в пространстве, учитывает и существующие международно-правовые нормы. Поэтому целый ряд вопросов действия уголовного закона в пространстве имеет международно-правовой аспект. Так, например, закрепляя в национальном уголовном законодательстве территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве, необходимо решить вопрос о действии национального уголовного закона на объектах и в зонах, находящихся вне пределов государственных границ. Для этого государство должно учитывать нормы, содержащиеся в конвенциях об открытом море, о территориальном море и прилегающей зоне, о континентальном шельфе, Чикагскую конвенцию о международной гражданской авиации и др. Устанавливая действие национального уголовного закона в отношении лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, государство учитывает Венские конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и консульских сношениях 1963 г. Международный аспект имеют регулированные национальным законодательством вопросы выдачи преступников и права убежища и многие другие. Все это и дало основание зарубежным ученым, в том числе и ученым зарубежных социалистических

государств^I выделить в особую группу эти вопросы, назвав их уголовным международным правом, интернациональным уголовным правом или так называемым международным уголовным правом. ¹⁴⁸ Вовсе не предлагая советской науке уголовного права идти по этому пути и вводить новые понятия для обозначения вопросов действия уголовных законов в пространстве, мы все же должны признать, что речь идет о совокупности также вопросов, которые не могут быть решены только теорией советского уголовного права. Только совместными усилиями ученых, представителей трех отраслей науки права: уголовного права, уголовного процесса и международного права, можно до конца правильно решить вопросы действия советского уголовного закона в пространстве. Имеющиеся пробелы в действующем советском уголовном законодательстве по вопросу действия уголовного закона в пространстве мы склонны объяснить именно отсутствием взаимосвязи между исследованиями ученых упомянутых специальностей.

Следует учесть также, что дальнейшее сотрудничество государств в борьбе с преступностью может привести к установлению новых форм взаимопомощи и породить новые нормы международного уголовного права. Так, например, проблема применения иностранного уголовного закона национальным судом, исполнение вступившего в законную силу приговора иностранного суда, зачет отбытого за границей наказания за преступление, в отношении которого выносится приговор национальным судом, — это в настоящее время, как и установление действия уголовного закона в пространстве, проблемы национального уголовного права, которые различно решаются государствами. Однако, это вовсе не означает, что дальнейшее развитие сотрудничества между государствами не может привести к признанию в отношении определенных категорий

^I См. Wolter W. Z problematyki regul prawa karnego międzynarodowego. "Rosprawy prawnicze". Krakow-Warszawa, 1964, str. 505. (Książka pamiątkowa dla uczczenia pracy naukowej Kazimierza Przybyłowskiego).

преступлений вступившего в законную силу приговора суда в другом государстве, к обязательному зачету отбытого за границей наказания и тому подобным формам сотрудничества между государствами. Поэтому все эти вопросы должны находится в поле зрения советских ученых, работающих в области материального и процессуального уголовного права, как и в области международного права.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
1. М. Блум. Время и место совершения преступления.....	3
2. В. Лихолая. Отграничение угона средств механического транспорта от других преступлений.....	47
3. У. Крастыньш. Спорные вопросы объективной стороны преступлений в области использования природных богатств в УК Латвийской ССР	59
4. Э. Стумбина. Структура преступности	79
5. А. Стацевич. Некоторые вопросы сочетания методов убеждения и принуждения в светском уголовном процессе	93
6. Я. Вилдер. О некоторых обстоятельствах, влияющих на стабильность приговора.....	105
7. Ю. Адоян. Реституция как средство охраны социалистического имущества от последствий преступного посягательства	123
8. А. Кавалиерис. К вопросу о необходимости усовершенствования организации процессуальной деятельности в органах внутренних дел.....	135
9. Р. Домбровский. Объект и предмет науки криминалистики	148
10. В. Смилгайнис. Понимание и задачи психологического контакта при допросе обвиняемого	164
11. М. Блум. Пределы действия уголовного закона в пространстве в зарубежных социалистических государствах Европы	194
12. М. Блум. Действие уголовного закона в пространстве и международно-правовая борьба с преступлениями	254